

**УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В
ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В
ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Монография

**Издательство «Юрлитинформ»
Москва
2014**

Автор:

Р. Р. Юлдошев, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Таджикистан.

Рецензенты:

Б. Я. Гаврилов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации;

А. С. Александров, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской Академии МВД России;

И. Б. Буриев, доктор юридических наук, заведующий отделом истории государства и права Института философии, политологии и права им. А. Баховадиноа Академии наук Республики Таджикистан.

Юлдошев Р.Р. Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации : монография / под ред. Егорова С.Е. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 174 с.

Монография посвящена актуальным проблемам уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Вместе с тем, в монографии анализируются общетеоретические и практические проблемы, связанные с реализацией функции уголовного преследования в досудебном производстве по УПК Республики Таджикистана и Российской Федерации. Сравнительно-правовой анализ данной функции выявил ряд недостатков в досудебном уголовном производстве двух государств, часть из которых находит свое выражение в недостаточной разработанности анализируемой уголовно-процессуальной функции и других наименее важных взаимосвязанных институтов в системах национальных уголовно-процессуальных законодательств. Отдельное внимание уделено проблемам правоприменительной практике, а также определяются проблемы, связанные с выявлением недостатков в механизме законодательного регулирования принципа состязательности и равноправия сторон в досудебных стадиях уголовного производства в контексте сравнительно-правового исследования и предлагаются меры по решению этих проблем.

Монография предназначена для студентов, аспирантов (адъюнктов), слушателей (курсантов), преподавателей и сотрудников юридических образовательных и научно-исследовательских учреждений, а также для судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов и всех тех, кто проявляет интерес к проблемам уголовно-процессуального законодательства двух государств.

Список принятых сокращений

- АМО РТ** – Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан
Генпрокуратура РТ – Генеральная прокуратура Республики Таджикистан
Генпрокуратура РФ – Генеральная прокуратура Российской Федерации
ГИАЦ МВД РТ – Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Республики Таджикистан
ГИАЦ МВД РФ – Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации
ГК РТ – Гражданский кодекс Республики Таджикистан
ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации
Закон РТ «Об ОРД» – Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности»
КЗ РТ – Конституционный закон Республики Таджикистан
Конституция РТ – Конституция Республики Таджикистан
Конституция РФ – Конституция Российской Федерации
КС РТ – Конституционный суд Республики Таджикистан
КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации
МВД РТ – Министерство внутренних дел Республики Таджикистан
МВД РФ – Министерство внутренних дел Российской Федерации
МУПК стран СНГ – Модельный УПК стран-участников СНГ
ОРД – Оперативно-розыскная деятельность
СМИ – Средства массовой информации
СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации
УК РТ – Уголовный кодекс Республики Таджикистан
УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации
УПК РТ – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан
УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
УПК ТССР – Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской Советской Социалистической Республики 1961 г.
УПК ТССР – Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской Советской Социалистической Республики 1935 г.
УПК УССР – Уголовно-процессуальный кодекс Узбекской Советской Социалистической Республики 1929 г.
УПК РСФСР – Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г.
УУС 1864 г. – Устав уголовного судопроизводства 1864 г.

СОДЕРЖАНИЕ :

Введение	6-10
Глава 1. Общая характеристика функции уголовного преследования по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации	11-77
§1. Понятие, сущность и содержание функции уголовного преследования.....	11-33
§2. Учение о функции уголовного преследования в контексте теории уголовно-процессуальных функций.....	34-54
§3. Формы и виды уголовного преследования по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации.....	55-77
Глава 2. Реализация функции уголовного преследования в досудебном производстве: сравнительно-правовой анализ	78-121
§1. Реализация функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела.....	78-100
§2. Реализация функции уголовного преследования в процессе производства предварительного расследования.....	101-121
Заключение	122-126
Библиографический список	127-147
Приложения	148-171
Приложения 1.....	148-149
Приложения 2.....	150-152
Приложения 3.....	153-156
Приложения 4.....	157-159
Приложения 5.....	160-164
Приложения 6.....	165-167
Приложения 7.....	168
Приложения 8.....	169-171

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в Республике Таджикистан, как в Российской Федерации осуществляется судебно-правовая реформа. В ходе ее проведения принят новый УПК РТ, в котором особое значение придается реализации функции уголовного преследования в досудебном производстве. От ее законодательного регулирования и применения на практике зависит развитие уголовного судопроизводства в Таджикистане. Одновременно решение этой задачи является одним из приоритетных направлений в науке уголовного процесса Республики Таджикистан, которая в настоящее время испытывает дефицит фундаментальных научных исследований.

В Российской Федерации, несмотря на проводимую судебную реформу, основной этап которой завершился с принятием УПК РФ, проблемы уголовного преследования также остаются одними из самых актуальных. Во многом это обуславливается тем, что российским законодателем в настоящее время осуществляется поиск баланса функций, осуществляемых прокурором и следователем в состязательном уголовном процессе, от которого в значительной степени зависит демократический характер уголовного судопроизводства.

Вместе с тем анализ положений УПК РТ в части правового регулирования уголовного преследования в досудебных стадиях производства по уголовному делу, свидетельствует о том, что в нем не нашли отражения ряд концептуальных положений, касающихся демократических преобразований уголовного судопроизводства. Среди основополагающих положений наиболее значимой законодательной новеллой является принцип состязательности и равноправия сторон, который по сути predetermined совершенно новые правовые предписания, направленные на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства.

В связи с этим выявилась необходимость теоретического осмысления закрепленной в УПК РТ функции уголовного преследования, являющейся традиционной для уголовного судопроизводства в правовой системе России и государств бывшего Союза ССР.

Необходимо отметить, что функция уголовного преследования получила свое нормативно-правовое закрепление в национальном уголовно-процессуальном законодательстве лишь с принятием в 2009 г. УПК РТ. Однако его нормы, как и нормы других нормативных правовых актов, не в полной мере раскрывают содержание функции, пределы уголовного преследования в досудебном производстве и особенности его реализации.

Особую актуальность функция уголовного преследования приобретает в связи с провозглашением в Таджикистане состязательного типа уголовного судопроизводства, с учетом чего уголовное преследование рассматривается как функция, противоположная функции защиты, как процессуальная деятельность стороны обвинения, направленная на установление обстоятельств деяния, запрещенного уголовным законом, и выявление совершившего его лица, привлечение последнего в качестве обвиняемого, а также на обеспечение применения к такому лицу мер пресечения и в последующем – уголовного наказания. Таджикский законодатель, по мнению автора, нечетко определил содержание уголовного преследования, включив в него только деятельность по привлечению лица в качестве обвиняемого и предусмотрев в качестве основной цели уголовного преследования «установление деяния, запрещенного уголовным законом». Такой подход фактически сводит весь уголовный процесс к уголовному преследованию обвиняемого, что признать обоснованным не представляется возможным.

При этом законодатель ориентирует правоприменителей на необходимость соблюдения при реализации уголовного преследования как прав и свобод личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство, так и обеспечения интересов государства и общества. Поэтому дуализм задач, на разрешение которых направлено уголовное преследование, приводит к неоднозначному восприятию правоприменителем данной функции. Обобщение судебной практики по реализации норм УПК РТ показало, что во многих случаях при осуществлении уголовного преследования (дела частного обвинения, возбуждение уголовного дела судом) в правоприменительной практике зачастую возникают

трудности и внутренние противоречия¹. Доминирование проблем, связанных с реализацией функции уголовного преследования, признано и независимыми экспертами².

Сравнительно-правовой анализ норм УПК РТ и УПК РФ об уголовном преследовании позволяет прийти к выводу о том, что при их разработке законодатели придерживались единого концептуального подхода. Однако дальнейшее развитие уголовно-процессуальных законодательств и правоприменительной практики со всей очевидностью продемонстрировали национальные особенности рассматриваемой уголовно-процессуальной функции.

В связи с вышесказанным представляется очевидным недостаточное исследование вопросов, связанных с уголовным преследованием, что свидетельствует об актуальности выбранной темы для исследования не только для науки уголовного процесса Таджикистана и России, но и для задач компаративистики в сфере уголовного процесса.

Фундаментальные исследования проблем теории и практики реализации функции уголовного преследования в досудебном производстве проводились многими учеными.

В советский и постсоветский периоды проблемы уголовного преследования исследовались В. П. Божьевым, В. Г. Даевым, З. З. Зинатуллиным, А. М. Лариным, В. А. Михайловым и другими выдающимися учеными. Указанные авторы в основном рассматривали некоторые пробелы в регулировании уголовного преследования и практики его применения в досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Отдельные научные разработки по вопросам реализации функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве по УПК РСФСР и УПК РФ предпринимались в диссертационных исследованиях Д. М. Беровой³, О. Д. Жука⁴, А. Г. Халиулина⁵ и др., в которых исследованы проблемы уголовного преследования в контексте теории функционализма в уголовном судопроизводстве.

¹ Результаты мониторинга практики применения Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. – Душанбе, 2011. – С. 16–20.

² Мониторинг влияния нового УПК РТ на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия: анализ законодательства и правоприменительной практики. – Душанбе, 2012. – С. 24; Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию // под ред. Маджитова А. М., Камоловой Е. Д. – Душанбе, 2012. – С. 11.

³ Берова, Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2011.

⁴ Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций), участии в них и о преступлениях, совершенных этими сообществами : современные проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004.

⁵ Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации : проблемы осуществления в условиях правовой реформы : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1997.

На современном этапе вопросы уголовного преследования в досудебном производстве разрабатываются в трудах О. Я. Баева, Л. В. Брусницына, В. С. Джатиева, З. Д. Еникеева, Н. Н. Ковтуна, Н. А. Колоколова, А. П. Кругликова, В. Ф. Крюкова, Е. Г. Мартынчика, А. Б. Соловьева, С. А. Шейфера, С. П. Щербы и других ученых. Анализ работ указанных авторов позволяет сделать вывод о том, что они, безусловно, внесли существенный вклад в развитие функции уголовного преследования, дальнейшей оптимизации уголовно-процессуальной теории и правоприменительной практики.

Некоторые направления функции уголовного преследования в досудебных стадиях частично рассматривались в диссертационных исследованиях таджикских ученых, как А.Л. Арипова¹, З. Х. Искандарова², А. А. Мухиддинова³, Н.А. Нозирова⁴ и др. Комплексные исследования данной проблематики на монографическом уровне в Таджикистане отсутствуют.

Следует особо отметить, что до настоящего времени, несмотря на реформирование отдельных институтов УПК РФ, теоретических исследований, посвященных уголовному преследованию в досудебном производстве в контексте сравнительно-правового исследования УПК РФ и УПК РТ еще не проводилось.

Цель монографического исследования заключается в том, чтобы сформулировать и предложить совокупность теоретических положений, раскрывающих содержание и особенности реализации уголовного преследования в досудебном производстве. Достижение данной цели связано с решением следующих теоретических и научно-практических задач:

- проанализировать развитие и современное состояние уголовного преследования в досудебном производстве Таджикистана и России и выявить тенденции, обуславливающие его необходимость в уголовном судопроизводстве обоих государств;
- конкретизировать и определить авторскую дефиницию «уголовное преследование в досудебном производстве», ее роль и значение в контексте теории уголовно-процессуальных функций;

¹ *Арипов, А.Л.* Деятельность следователя по собиранию и проверке доказательств на предварительном следствии (по законодательству Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.

² *Искандаров, З. Х.* Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ташкент, 2010.

³ *Мухиддинов, А. А.* Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ташкент, 2009.

⁴ *Нозиров, Н.А.* Охрана прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

- раскрыть сущность, содержание форм и видов уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства и классифицировать их по УПК РТ и УПК РФ;
- установить оптимальные пределы реализации функции уголовного преследования в досудебном производстве;
- раскрыть роль и правовое положение субъектов, реализующих функцию уголовного преследования в досудебном производстве;
- проанализировать правоприменительную практику реализации уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела;
- выявить пробелы в правовом регулировании реализации функции уголовного преследования в процессе производства предварительного расследования;
- на основе теоретического и практического материала подготовить и научно обосновать предложения по внесению изменений и дополнений в отдельные нормы уголовно-процессуального законодательства, ведомственные нормативные правовые акты и правоприменительную практику Таджикистана и Российской Федерации.

Научная новизна монографического исследования состоит в том, что автором комплексно исследована функция уголовного преследования в досудебном производстве Республики Таджикистан в контексте сравнительно-правового анализа. Ее оптимизация в научном, законодательном и прикладном плане послужит базой для решения ряда теоретических и практических вопросов уголовно-процессуальной деятельности. На основе концептуальных положений уголовно-процессуальной науки, а также результатов эмпирических данных, автором проанализированы имеющиеся проблемы теории и практики реализации уголовного преследования в досудебном производстве по УПК РТ и УПК РФ.

В представленном вниманию читателя издании монографии автор взял на себя смелость высказать свое отношение к проблемным вопросам реализации функции уголовного преследования в досудебном производстве Таджикистана и Российской Федерации, в связи с чем, следует сделать оговорку, что содержание монографии отражает позицию лишь ее автора.

Автор также далек от мысли, что им исследованы все проблемы проанализированной научной проблемы, и с благодарностью воспримет замечания и предложения, высказанные по настоящей работе.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§1. Понятие, сущность и содержание функции уголовного преследования

В цивилизованном обществе отдельные нормы права или правовые институты имеют глубокие социальные корни и разрабатываются для выполнения конкретных общественно значимых функций. Не является исключением и уголовное преследование в контексте процессуальных функций.

Процессуальные функции как основные направления процессуальной деятельности в науке уголовного процесса представляют собой одну из наиболее актуальных тем дискуссий. В юридической литературе до сих пор не решена проблема в понимании того, что представляет собой функция в уголовном процессе, не определено количество функций и основные субъекты их реализации.

В этой связи вполне обоснованным является мнение Н. В. Ткачева о том, что природа понятия функции одна и та же, ее сущностное понимание во всех науках тождественно, а реализация – идентична, составляющие компоненты однородны для всех областей знаний, где только используется данный термин¹.

В теории уголовного процесса под функциями интерпретируются отдельные виды или направления процессуальной деятельности. Применительно к теме монографического исследования особого внимания заслуживает научное определение уголовно-процессуальной функции. Совершенно правильно в свое время отмечал

¹ *Ткачев, Н. В.* Общенаучный аспект понятия «функция» // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях. – М., 2010. – С. 113.

Я. О. Мотовиловкер, что «о функции как о направлении деятельности правомерно говорить лишь после того, как мы к слову «функция» добавим ее характеристику»¹.

Нельзя не согласиться с мнением В. А. Чернышева, полагающего, что общеправовой базой для учения об уголовно-процессуальных функциях является теория функций государства². Чаще всего под функциями государства понимаются основные направления его деятельности, цели и задачи государства. Функции государства различны, порядок их возникновения, изменения и осуществление зависит от задач, которые возникают перед обществом в ходе его поэтапной эволюции.

В целом по ряду критериев традиционную классификацию уголовно-процессуальных функций предлагает Д. М. Берова. Ею, исходя из определения уголовно-процессуальной функции как направления (вида) уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемого уполномоченными на то субъектами и преследующего достижение определенных целей, реализующих назначение уголовного судопроизводства, выделены общие процессуальные функции и функции субъектов процессуальной деятельности³. К общим она относит три основные процессуальные функции – обвинения, защиты и правосудия. При этом ею выделяются подфункции для каждой из основных функций. Подфункциями функции обвинения являются: 1) уголовное преследование; 2) обвинение⁴; 3) обоснование ранее предъявленного обвинения. К подфункциям функции защиты относятся: 1) участие в доказывании; 2) оспаривание (опровержение) обвинения; 3) защита иных прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого (не обусловленных с обвинением). Суд, помимо основной функции правосудия, осуществляет также: 1) контрольную функцию; 2) корректирующую функцию; 3) реабилитирующую функцию; 4) организационную функцию, которая разделяется на две подфункции – распорядительную и штрафную (карательную); 5) превентивную (воспитательно-предупредительную) функцию; 6) функцию по принятию мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением (конфискации имущества), кроме того суд выполняет функцию обеспечения прав субъектов уголовного процесса.

Наряду с основными функциями существует система других функций: 1) сквозная (комплексная) функция – охрана прав и свобод человека и гражданина; 2) побочные функции, следует разграничивать на две категории – процессуально совмещенные,

¹ Мотовиловкер, Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. – Ярославль, 1976. – С. 11.

² Чернышев, В. А. Понятие уголовно-процессуальной функции в науке уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. – 1998. – № 1. – С. 184.

³ Берова, Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2011. – С. 14.

⁴ Д. М. Беровой *обвинение* рассматривается в узком смысле этого слова.

процессуально разделенные и отменяющие функции. Кроме побочных функций можно выделить еще вспомогательные – выполняемые иными субъектами уголовного судопроизводства¹.

Более обстоятельный анализ содержания и количества функций проведен З. З. Зинатуллиным и С. Ю. Туровым, в соответствии с которым уголовно-процессуальные функции делятся на: *основные*, а именно: а) уголовное преследование; б) охрана прав и законных интересов участников уголовного процесса; в) разрешение уголовного дела по существу; г) профилактика преступлений. Также отмечается, что основные уголовно-процессуальные функции формируются на начальных этапах производства по уголовным делам и имеют место («работают») в период всего производства по конкретному уголовному делу, во всех стадиях российского уголовного судопроизводства. Вторую группу уголовно-процессуальных функций образуют те, что выступают в качестве отдельной части какой-то основной функции. Условно их можно именовать *частными уголовно-процессуальными функциями*, определяющими направления уголовно-процессуальной деятельности по достижению специфических для отдельного этапа производства по уголовному делу задач. Так, начальный этап осуществления уголовного преследования связан с выполнением задачи установления того, кто совершил преступление. Это главная составляющая содержания функции раскрытия преступления.

Формулирование первоначального обвинения в процессуальное решение о привлечении лица в качестве обвиняемого означает появление по уголовному делу функции обвинения как части функции уголовного преследования. С этого момента уголовное преследование приобретает более четкий целенаправленный характер, связывается с изобличением обвиняемого в инкриминированном преступлении. По утверждению некоторых авторов, все названные процессуальные функции самым теснейшим образом взаимообусловлены и в своем функционировании они взаимозависимы. Кроме основных и частных функций при производстве по уголовным делам функционируют («работают») еще и функции, охарактеризовать которые можно как межфункциональные. Таковыми являются, в частности, воспитательно-профилактическая функция и функция возмещения лицам и организациям, потерпевшим от преступлений, причиненного им вреда².

Некоторые ученые опровергают существование функции уголовного преследования. По сути аналогичной позиции придерживается и В. С. Джатиев, который

¹ *Берова, Д. М.* Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – С. 16-17.

² *Зинатуллин, З. З., Туров, С. Ю.* Эволюция учения об уголовно-процессуальных функциях // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – Вып. 1. – С. 91–97.

утверждает, что в уголовном процессе отсутствует функция обвинения¹. Исследуя данную проблему, в свое время О. Я. Баев также указывал на то, что функции обвинения в уголовном процессе нет, единственной функцией следователя является расследование преступлений, а выдвижение обвинения является производным ее результатом².

Безусловно, заслуживает внимания и одобрения точка зрения, согласно которой, главной целью разработки концептуально нового научного учения о процессуальных функциях должно являться повышение эффективности уголовного судопроизводства с обеспечением максимального баланса процессуальных интересов всех участников уголовного судопроизводства, независимо от их принадлежности к той или иной стороне производства по уголовному делу³.

Проведенное автором анкетирование практических сотрудников прокуратуры и органов внутренних дел, которые непосредственно занимаются расследованием и рассмотрением заявлений и сообщений по анализируемым категориям уголовных дел подтверждает, что большинство высказались за то, что под уголовно-процессуальной функцией они понимают направление деятельности (60 %), а остальные респонденты считают, что это круг полномочий и обязанностей органов уголовного преследования (40 %)⁴.

Следует отметить и результаты анкетирования, где такая ситуация характерна с определением «функция» или «своих функциональных обязанностей, полномочий» указанных сотрудников в рамках доследственной проверки и в процессе возбуждения уголовного дела. В связи с этим представляется целесообразным разработать авторскую дефиницию функции.

На основании изложенного оптимальным на сегодняшний день представляется следующее определение уголовно-процессуальных функций: *«это определяемые нормами права направления деятельности субъектов уголовного судопроизводства, обусловленные их полномочиями в рамках реализации задач уголовного судопроизводства»*.

В качестве основы для новой модели уголовного судопроизводства в УПК РТ законодателем была избрана состязательная концепция трех основных функций.

¹ Джатиев, В. С. Обвинение и защита // Российская юстиция. – 1995. – № 3. – С. 17.

² Баев, О. Я. Цели уголовного судопроизводства и процессуальная функция следователя // Актуальные проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка. – Куйбышев, 1982. – С. 91-99.

³ Мазюк, Р. В. Функциональная характеристика современного российского уголовного судопроизводства // Мат-лы межд. науч.-практ. интернет-конф. – Иркутск, 2012. – С. 113.

⁴ Приложение № 4 (о результатах опроса следователей органов прокуратуры, дознавателей и следователей системы МВД РТ).

Л. В. Головки по этому поводу правильно отмечает, что теория функций, прежде имевшая важное, но сугубо доктринальное значение, ныне четко и недвусмысленно закреплена в законе, став основой основ современной российской процессуальной техники. Многолетней общественной полемике в литературе о понятиях и видах уголовно-процессуальных функций положен конец, поскольку законодатель, избрав один из возможных вариантов решения известной доктринальной проблемы, взял на себя роль своеобразного арбитра в давнем научном споре¹.

Произошедшие за последние годы независимости изменения в различных сферах жизни Таджикистана потребовали реформирования уголовно-процессуального законодательства, переориентации его на обеспечение и соблюдение защиты правового положения лиц, вовлеченных в область уголовного процесса. Как следствие, стало очевидным, что в республике необходимо осуществление судебно-правовой реформы, которая оптимизирует национальную систему судостроительства и судопроизводства. Значительный шаг в развитии демократических начал судопроизводства внесла новая Конституция РТ, принятая 6 ноября 1994 г., которая признала права и свободы человека наивысшей ценностью (ст. 5).

В связи с этим государству как одному из гарантов этих ценностей необходимо было разработать реальные механизмы обеспечения и воплощения в жизнь вышеперечисленных взятых на себя обязательств. В своем ежегодном Послании парламенту страны 20 апреля 2006 г. Президент РТ Э. Рахмон поручил Высшим судебным органам, Совету юстиции и другим государственным органам подготовить Программу судебно-правовой реформы. Соответствующая Программа была подготовлена и утверждена Указом Президента РТ Э. Рахмона 23.06.2007 г. № 271. В соответствии с ней важнейшим направлением судебной реформы должны были стать разработка и принятие в новой редакции УПК РТ.

В декабре 2009 г.² один из проектов УПК РТ с доработками и изменениями был принят Парламентом страны и вступил в силу с 01 апреля 2010 г. Нововведением в этом УПК считается институт уголовного преследования, который закреплён в гл. 3 «Основания для отказа и для прекращения производства по уголовному делу» и в других статьях УПК РТ. Однако в главе не раскрывается содержание функции уголовного преследования. В ней виды уголовного преследования совмещены с основаниями отказа в возбуждении и прекращении уголовного дела, а также основаниями прекращения

¹ Головки, Л. В. Новый УПК РФ в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 52.

² О принятии и введении в действие УПК РТ : закон РТ от 03.12.2009 г. № 564 // АМО РТ. – 2009. – № 12 (1409). – Ст. 816.

уголовного преследования. По нашему мнению, такое решение таджикского законодателя не является оптимальным на сегодняшний день. Также в юридической литературе отмечается, что с позиции юридической техники действующая редакция главы 3 УПК РФ не содержит исчерпывающую совокупность правовых норм, относящихся к институту уголовного преследования, что позволяет резюмировать о нестандартной форме юридико-технического закрепления данного института в УПК РФ¹.

Уголовное преследование как уголовно-процессуальный институт не был закреплен в нормах ранее действовавшего УПК РТ (в ред. 1961 г.²). Вместо уголовного преследования в нем закреплялся институт возбуждения уголовного дела. Институт уголовного преследования является сложным, комплексным и действенным институтом уголовно-процессуального права.

Заметим, что понятие «уголовное преследование» активно используется в УПК ряда стран СНГ и его содержание в национальном законодательстве основывается, как показывает изучение, на нормах Модельного УПК для стран-участников СНГ³.

УПК РТ сохранил предложенную конструкцию анализируемого определения из Модельного УПК стран СНГ, заменив лишь некоторые термины. Так, в п. 24 ст. 6 УПК РТ дано следующее понятие: *«уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, дознавателем в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, привлечения последнего в качестве обвиняемого, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер»*.

Законодательное определение уголовного преследования в УПК РТ является прогрессом в области национального уголовного судопроизводства. В данном определении отсутствует указание на то, с какого момента она возникает и при прекращении, какие юридические последствия наступают. Положительным является указание о том, какие именно властные субъекты со стороны обвинения наделены

¹ Мазюк, Р. В. Институт уголовного преследования в системе институтов российского уголовного судопроизводства // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 2 (57). – С. 141.

² Об изменении названия Таджикской ССР и внесении изменений в Конституцию (Основной закон) Таджикской ССР : закон РТ от 31.08.1991 г. № 378 // Ведомости Верховного Совета РТ. – 1991. – № 18. – Ст. 226.

³ Модельный УПК для государств–участников СНГ. – М., 1996. В соответствии с МУПК СНГ : *уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении преступления, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер (п. 22 ст. 6).*

соответствующей функцией. Но в данном законодательном определении имеют место быть и дискуссионные положения. Таджикский законодатель, по мнению автора, необоснованно включил в него только деятельность по привлечению лица в качестве обвиняемого, и предусмотрел в качестве основной цели уголовного преследования «установление деяния, запрещенного уголовным законом». Вызывает также большие сомнения определение функции уголовного преследования как процессуальной деятельности, направленной на установление деяния, запрещенного уголовным законодательством, которое сводит весь уголовный процесс к уголовному преследованию, что признать обоснованным не представляется возможным и целесообразным.

УПК Республики Казахстан (п. 13, ст. 7) по сути аналогично определяет уголовное преследование как в законодательном определении, которое содержится в МУПК стран СНГ и УПК РТ.

УПК Туркменистана (п. 39, ст. 6) в отличие от УПК РТ, регулирует данный процесс более эффективно и состоит из следующих основных положительных моментов, т.е. осуществляется в целях сбора подтверждающих доказательств наличия или отсутствия признаков, запрещенных уголовным законом деяний в фактически совершенных действиях, а если таковые имеются, то виновности или невиновности лица, подозреваемого в совершении этих деяний¹. В уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики, Республики Узбекистан, Республики Молдова и Украины не содержится законодательного определения уголовного преследования. Наиболее полно проанализированные законодательные определения указаны в приложении монографического исследования².

Согласно ст. 7.0.4. УПК Азербайджанской Республики, «уголовное преследование осуществляется с целью изобличения лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом, предъявления ему обвинения, поддержания этого обвинения в суде, назначения ему наказания, обеспечения в случае необходимости мер процессуального принуждения»³.

¹ УПК Туркменистана от 18.04.2009 г. // Ведомости Меджлиса Туркменистана. – 2009. – № 2. – Ст. 29.

² Приложение № 1 (о законодательных определениях уголовного преследования в УПК стран СНГ).

³ Халилов, Ф. Я–О. Нормативное понятие уголовного преследования по УПК Азербайджанской Республики и Российской Федерации // Право и государство. – 2009. – № 2 (50). – С. 130–131.

При этом следует отметить, что достаточно удачное определение уголовного преследования закреплено в УПК Республики Армения (п. 17 ст. 6)¹.

Из приведенного анализа УПК некоторых государств СНГ (Республика Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан, Азербайджанская Республика и Армения) автор констатирует, что уголовное преследование рассматривается неодинаково законодателями стран СНГ: как процессуальная деятельность в отношении определенного лица; как установление события совершенного преступления и *виновности лица*, совершившего преступление; как установление личности лица, совершившего преступление и деятельность по применению наказания или других мер принудительного воздействия.

По мнению автора, научно-обоснованным является точка зрения Р. В. Мазюка, что употребление словосочетания *«установление виновности»* во многих уголовно-процессуальных законодательствах стран СНГ для обозначения основной цели уголовного преследования, как представляется, противоречит принципу презумпции невиновности, в соответствии с которой *«виновность лица»* устанавливается только вступившим в законную силу приговором суда².

Одновременно автор отмечает, что в уголовно-процессуальной науке до сих пор вопрос о начале реализации уголовного преследования в досудебном производстве остается дискуссионным.

Со времен дискуссии между М. А. Чельцовым и М. С. Строговичем по вопросу уточнения начала уголовного преследования в доктрине уголовного процесса существует две основных точки зрения. Сторонники первой концепции считают, что уголовное преследование начинается с возбуждения уголовного дела. Сторонники второй полагают, что уголовное преследование может осуществляться только в отношении определенного лица, обладающего процессуальным статусом подозреваемого и (или) обвиняемого.

Анализируя изложенное, О. Я. Баев считает, что уголовное преследование бывает двух видов: опосредованное и непосредственное³. О. Н. Коршунова именует эти виды

¹ *Уголовное преследование – это всякие процессуальные действия, осуществляемые органами уголовного преследования, а в установленных законом случаях – потерпевшим в целях установления личности совершившего запрещенное Уголовным кодексом деяние, виновности последнего в совершении преступления, а также обеспечения применения к такому лицу наказания или других мер принуждения // УПК Республики Армения от 01.09.1998 г. № ЗР-248 // Официальные ведомости Республики Армения. – 1998. – № 22 (55). – 21 сентября.*

² *Мазюк, Р. В.* Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. – М., 2009. – С. 88.

³ *Баев, О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. – С. 99; *Его же.* Сущность, формы и дефиниции института уголовного преследования // Вестник ВГУ. – 2008. – № 1. – С. 255.

уголовного преследования соответственно «неперсонифицированное» и «персонифицированное» и полагает, что превращение в персонифицированное уголовное преследование «является одной из основных задач неперсонифицированного уголовного преследования»¹. В этом аспекте А. Р. Белкин использует так называемый «двойной стандарт» в определении начала уголовного преследования. Так, он предлагает: началом уголовного преследования является момент возбуждения уголовного дела. Непосредственное уголовное преследование лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, возбуждается одновременно с привлечением данного лица в качестве подозреваемого (обвиняемого) по данному уголовному делу².

С учетом изложенного автор отмечает, что более правильным представляется определить и конкретизировать начальный момент реализации уголовного преследования в досудебном производстве со стадией возбуждения уголовного дела в отношении лица с последующим привлечением в качестве подозреваемого или обвиняемого. Несомненно, реализация уголовного преследования должна начинаться с момента приобретения лицом процессуального статуса, т.е. подозреваемого или обвиняемого. Следовательно, именно с осуществлением одного из этих процессуальных действий таджикский законодатель в досудебных стадиях производства по уголовному делу связывает начальный момент осуществления уголовного преследования.

Вопрос об определении функции уголовного преследования считается одним из наиболее актуальных, сложных и недостаточно выясненных аспектов проблемы уголовно-процессуальных функций³. Между тем уголовное преследование можно рассматривать как традиционное для уголовного судопроизводства понятие, являющееся особой функцией в механизме правовой регламентации процессуальных правоотношений.

В этой связи, безусловно, заслуживает особого внимания мнение ученых-процессуалистов о достаточно специфичном характере функции уголовного преследования. Исследуя данную проблему, З. Ф. Коврига определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую органами дознания, дознавателем, следователем, прокурором, направленную на <...> возбуждение уголовного

¹ *Коршунова, О. Н.* Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 12.

² *Белкин, А. Р.* Еще раз об уголовном преследовании и о соотношении публичного и частного начал в уголовном процессе // Публичное и частное право. – 2011. – № 3. – С. 84.

³ *Ларин, А. М.* Расследование по уголовному делу : процессуальные функции. – М., 1986. – С. 24.

дела и соби́рание обвинительных доказательств в отношении конкретного лица и последующих процессуальных действий <...>¹.

Содержательное определение предлагает А. Г. Халиулин: «функция уголовного преследования заключается в деятельности по возбуждению уголовного дела в отношении конкретного лица <...> Уголовное преследование в пределах своих полномочий осуществляют следователь, начальник следственного отдела, дознаватель, начальник органа дознания, прокурор. В то же время осуществлять уголовное преследование в пределах предоставленных ему процессуальных прав может также потерпевший»².

Еще более содержательное определение уголовного преследования, по мнению автора, предлагают в одной из своих последних научных работ А. Б. Соловьев и М. Е. Токарева, под которым понимается комплекс всех процессуальных действий и следственных действий в рамках процессуальной деятельности, которая непосредственно направлена против конкретного лица³.

Анализ различных позиций процессуалистов о понятии уголовного преследования, по нашему мнению, позволяет заключить, что в проанализированных определениях раскрываются основные компоненты, концептуальные основы уголовного преследования, которые в совокупности преследуют цель совершенствования норм уголовно-процессуального права.

Здесь же следует отметить, что в УПК Таджикской ССР словосочетания «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования» на законодательном уровне использовались как синонимы, были идентичны друг другу и регулировали на тот момент все возникающие уголовно-процессуальные правоотношения⁴. Более того, аналогичного мнения придерживается и З. Ш. Гатауллин⁵.

В УПК РТ (в ред. 1961 г.) об институте уголовного преследования ничего не говорилось. Данное словосочетание заменили словосочетанием «возбуждение уголовного дела». Вновь в законодательстве «уголовное преследование» как словосочетание «прозвучало» в связи с принятием 06.11.1994 г. на всенародном референдуме Конституции РТ. Приведем дословно ч. 2 ст. 20 Конституции РТ, поскольку она имеет не

¹ *Коврига, З. Ф.* Процессуальные проблемы уголовного преследования и защиты // Правовая конфликтология. – Воронеж, 2005. – С. 52.

² *Халиулин, А. Г.* Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. – С. 39.

³ *Соловьев, А. Б., Токарева, М. Е.* Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России. – М., 2010. – С. 67.

⁴ *Раджабов, С. Р.* Развитие уголовно – процессуального законодательства Таджикской ССР : дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 1967. – С. 124.

⁵ *Гатауллин, З. Ш.* Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном судопроизводстве // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – С. 223.

только сугубо теоретическое, но и важное научно-практическое значение в настоящем исследовании. В отмеченной норме закреплено: «Никто не может быть привлечен к ответственности после истечения срока уголовного преследования, а также за деяния, которые в момент их совершения не считались преступлением». В приведенной статье принципиальное значение имеет словосочетание « <...> после истечения срока уголовного преследования <...>». Именно оно дает основание полагать, что в уголовном или в уголовно-процессуальном законодательстве должны быть установлены определенные сроки для уголовного преследования конкретного лица, вовлеченного в орбиту уголовного судопроизводства. В связи со сказанным заметим, что в свое время А. В. Голощапов справедливо указывал на то, что данные институты необоснованно смешиваются¹. Такое же смешение понятий уголовной ответственности и уголовного преследования как можно предположить, произошло и у разработчиков Основного закона РТ (ч. 2 ст. 20).

Дальнейшее развитие в национальном законодательстве институт уголовного преследования получил в ст. 278 и 295 УК РТ 1998 г. Примечание 2 к ст. 278 УК РТ гласит: «Уголовное преследование осуществляется по заявлению коммерческой организации или индивидуального предпринимателя, потерпевших ущерб». Также в п. 2 примечания к ст. 295 УК РТ, в частности, указывается, что: « <...> уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия <...>». Изложенное обуславливает вопрос в связи с чем, такая уголовно-процессуальная категория, как «уголовное преследование» перекечевало в УК РТ?

Уместно по этому поводу отметить, что в свое время, высказываясь относительно использования термина «уголовное преследование» в УК РФ, В. П. Божьев, в частности, справедливо отметил: «Такой феномен, как “уголовное преследование”, действующему УПК РСФСР не известен и до получения им “права гражданства” в УПК внедрять его в другие отрасли законодательства представляется преждевременным»².

Следует полностью поддержать позицию В. П. Божьева. Действительно, не только преждевременно, но и нецелесообразно использовать сугубо процессуальные институты и смешивать их с уголовно-правовыми понятиями, тем более в Конституции РТ. Безусловно, Конституция, основная база действующего законодательства, обладающая высшей юридической силой, должна быть предельно ясной каждому человеку, а ее нормы служат основой и отправной точкой для всего законодательства.

¹ Голощапов, А. В. К вопросу о понятии и сущности функции уголовного преследования // Юридическая наука Сибири. – Кемерово, 1997. – С. 182.

² УПК РСФСР : С постатейными материалами. – М., 2000. – С. 75.

Составители же и разработчики действующего в республике законодательства, в том числе и Конституции РТ, оставили открытым вопрос об истечении срока уголовного преследования. В РФ подобная неясность также имеет место быть в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК. Как справедливо отмечал В. М. Савицкий, утверждавший, что неопределенная терминология, отражающая аморфность, неопределенность системы понятий снижает информационные возможности закона, отрицательно сказывается на правоприменении, ведет к нескончаемым и бесплодным спорам в теории и на практике¹.

Для разрешения рассматриваемой проблемы обратимся к праворазъяснительной и правоприменительной практике уголовного судопроизводства РФ. Комментируя отдельные пункты постановления Пленума Верховного Суда РФ, В. П. Божьев отметил, что, формулируя рекомендации по применению п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (п. 20), Пленум ВС РФ не избежал распространенной ошибочной трактовки этого положения. Так, еще УУС 1864 г. признавал «истечение давности» обстоятельством, исключающим уголовное преследование (п. 2 ст. 16). Позже это основание получило отражение в УПК РСФСР 1923 г. (п. 4 ст. 4), а затем в УПК РСФСР 1960 г. (п. 3 ст. 5).

Разработчики проекта УПК РФ сохранили анализируемое основание прекращения уголовного дела и уголовного преследования, но изменили его формулировку, указав, что дело подлежит прекращению ввиду «истечения сроков давности уголовного преследования» (п. 3 ч. 1 ст. 24). Между тем в указанном случае речь должна идти не об исчислении сроков уголовного преследования, а об истечении сроков давности, в течение которых лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, так как это основание предусмотрено не УПК РФ, а УК РФ (ст. 78)².

По законодательству РТ и РФ сроки давности привлечения лица к ответственности предусмотрены ст. 75 УК РТ и ст. 78 УК РФ соответственно. Сообразно этой норме уголовное дело может быть прекращено ввиду истечения сроков давности уголовной ответственности, а не в связи с истечением сроков уголовного преследования, как это было ошибочно указано в УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 24) и в Конституции РТ (ч. 2 ст. 20). В УПК РФ пока что не установлены сроки давности уголовного преследования, и в этом нет необходимости³. То же самое относится и к УПК РТ. Пленум Верховного Суда СССР в своих руководящих разъяснениях судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении уголовных дел использовал понятие «истечение сроков уголовного

¹ Савицкий, В. М. Язык процессуального закона. – М., 1987. – С. 23.

² Комментарий к УК РФ. – М., 2007. – С. 201–203.

³ Божьев, В.П. Пленум Верховного суда РФ о применении норм УПК РФ, регулирующих деятельность судов второй инстанции // Уголовный процесс. – 2009. – № 4. – С. 40.

преследования»¹. В настоящее время анализируемая тенденция Верховного Суда России все еще продолжается в ряде его решениях и определениях².

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что используемое словосочетание «истечение сроков давности уголовного преследования» в УПК, в судебных актах высших органов правосудия как в РФ, так и в РТ является абстрактным и не имеет под собой никакой уголовно-процессуальной основы (в правовом смысле), т.е. сроки давности предусмотрены только уголовным материальным правом и только по отношению к привлечению лица к уголовной ответственности.

Этот вывод позволяет предположить, что национальному законодателю следовало бы уточнить ч. 2 ст. 20 Конституции РТ и изложить ее часть в следующей редакции: «Никто не может быть привлечен к уголовной ответственности после истечения срока давности уголовной ответственности <...>».

Для УПК РТ означенный вывод обуславливает внесение изменений в редакцию ст. 29 УПК РТ, где вместо термина «уголовная ответственность» предусмотрено «уголовное преследование». Следовательно, следует изложить название ст. 29 УПК РТ в следующей редакции: «*Статья 29. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием*»³.

В ходе данного исследования осуществлена попытка осветить одно из позитивных решений законодательных органов Таджикистана по включению в УПК РТ института

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31.07.1962 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1962. – № 5. – С. 12; О признании утратившими силу или изменении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда СССР по гражданским и уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 14.03.1963 г. формулирует правило о том, как исчисляются «сроки давности уголовного преследования в отношении делящихся преступлений» // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1963. – № 3. – С. 22.

² Ввиду истечения срока давности уголовного преследования до поступления дела в суд приговор в части осуждения по ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 119 УК РФ отменен и уголовное дело прекращено: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.03.2011 г. № 56-011-19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 11. – С. 20; Суд обоснованно прекратил уголовное дело в судебном заседании в связи с истечением срока уголовного преследования: определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.01.2009 г. № 14-008-47 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 7. – С. 20; Иногда в решениях Верховного Суда РФ используется словосочетание «сроки давности привлечения к уголовной ответственности»: Согласно положениям п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ факт признания КС РФ закона, примененного в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции РФ является новым обстоятельством, не известным суду на момент вынесения судебного решения: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16.05.2007 № 235-П06 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 1. – С. 20 и др.

³ Приложение № 6 (проект Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в УПК РТ»).

«субсидиарного обвинения». До принятия УПК РТ процессуальный статус потерпевшего был одной из острых и актуальных тем обсуждения, как в научных кругах, так и в средствах массовой информации. Особо дискуссионной темой являлись вопросы осуществления прав потерпевшего от преступления в различных стадиях уголовного судопроизводства. Для решения данной проблемы Пленум Верховного Суда РТ вынес специальное постановление, где указывалось, что в правоприменительной практике правоохранительных органов и при регламентации участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве были выявлены ряд актуальных проблем и грубых нарушений в применении законодательства, предусматривающего правовое положение потерпевшего и т.д.¹.

Плодом долгих дискуссий и полемики стало содержание ч. 5 ст. 24 УПК РТ: *«Отказ прокурора от обвинения не лишает лицо, пострадавшее от преступления, права поддерживать обвинение»*. Приведенная выдержка из ч. 5 ст. 24 УПК РТ имеет методологическое значение, поскольку именно в ней закреплено субсидиарное обвинение, а именно – так называемое право потерпевшего поддерживать обвинение в случае отказа в суде от обвинения государственного обвинителя. Как показывает правоприменительная практика, полный или частичный отказ прокурора от обвинения в процессе судебного разбирательства приводит к полному прекращению уголовного дела или уголовного преследования в соответствующей его части (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Следует отметить, что отказ прокурора от обвинения по различным основаниям (неспособность обосновать государственное обвинение комплексом доказательств, недостаточное владение искусством доказывания, небеспристрастное отношение к исходу дела и т.п.) может являться необоснованным. В подобных ситуациях потерпевший (его представитель), поддерживающие обоснованность совершенного преступления конкретным лицом, не могут ничего предпринять для самостоятельного продолжения уголовного преследования, что создает безысходное положение потерпевших в уголовном судопроизводстве России.

Как правильно отмечает Л. В. Головкин, предоставление потерпевшему права единолично поддерживать обвинение в случаях отказа от него гособвинителя – это не решение проблемы института отказа прокурора от обвинения, а совершенно иной проблемы – прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Иначе говоря, если в уголовном деле имеется конкретный потерпевший, то его права не должны быть

¹ О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РТ № 7 от 28.07.1995 г. // Сборник Постановлений Пленумов Верховного Суда РТ (1992–2011 гг.). – Душанбе, 2011. – С. 243.

ущемлены. Это – аксиома. Но она существует безотносительно к институту отказа прокурора от обвинения¹.

Ограничение прав потерпевшего в подобных случаях представляется недопустимым, что предусмотрено в некоторых международных документах².

При исследовании данного вопроса, как представляется, следует учитывать и тенденцию совершенствования международного и национального законодательства в сфере защиты прав потерпевшего. В некоторых положениях УПК РТ своевременно инкорпорированы положения международно-правовых актов.

В такой ситуации выглядит обоснованным и соответствующим современным требованиям высказанные многими учеными предложения о законодательном закреплении права потерпевшего продолжать уголовное преследование, не учитывая тем самым отказ прокурора³. Следовательно, не имеет значение, как будет именоваться обвинение, поддерживаемое самим потерпевшим (субсидиарным, неофициальным, дополнительным и т.п.), судебное разбирательство в полном объеме сохранит состязательный характер, а потерпевший (участвующий в осуществлении уголовного преследования) получит фактическую возможность осуществлять данную деятельность. Необходимо отметить, что от укрепления состязательных начал уголовное судопроизводство выиграет и станет более демократичным и прозрачным.

Типичный постсоветский вариант ответа на вопрос о процессуальных последствиях отказа прокурора от обвинения был найден с принятием в 1997 г. УПК Казахстана и чуть позже (1999 г.) – УПК Белоруссии и УПК Кыргызской Республики. Суть предложенного решения свелась к закреплению состязательного начала с одновременным «реверансом» в сторону принципа материальной (объективной) истины

¹ Головкин, Л. В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 52–53.

² О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса от 28.06.1985 г. : рекомендация Кабинета министров Совета Европы, что помимо усилий по возмещению потерпевшему причиненного ему вреда он должен быть наделен правом просить о пересмотре решения об отказе от уголовного преследования. Европейский Суд по правам человека признал, что в случаях необоснованного отказа в уголовном преследовании государство может быть признано виновным в нарушении положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе о восстановлении нарушенных прав и свобод // Алексеева, Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – С. 18.

³ Хатуяева, В. В. Институт уголовного преследования в российском уголовно-процессуальном праве. – М., 2010. – С. 109–110; Берова, Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – С. 19; Крюков, В. Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2012. – С. 17, 38.

посредством предоставления потерпевшему права на субсидиарный уголовный иск в случае отказа от обвинения должностного обвинителя¹.

По мнению Л. В. Головки, таджикский законодатель закрепил «компромиссную парадигму» в абсолютно хрестоматийном виде, полностью присоединившись в данном аспекте к своим казахским (ст. 317 УПК Казахстана), белорусским (ст. 293 УПК Белоруссии) и кыргызским (ч. 2 ст. 27 УПК Кыргызстана) коллегам (ч. 10 и ч. 11 ст. 279 УПК РТ).

Концепция о субсидиарном обвинении принадлежит к числу малоизученных в доктрине уголовного процесса. УПК РТ даже в советские периоды не знало подобного термина. Первая попытка для определения данной новеллы со стороны З. Х. Искандарова прошла неуспешно. В своих выводах автор, по нашему мнению, необоснованно смешивает данный институт с положениями УПК РФ, где после отказа гособвинителя в судебном разбирательстве уголовное дело прекращается, несмотря на позицию потерпевшего².

Таким образом, в уголовном судопроизводстве Таджикистана сделаны первые шаги по закреплению за потерпевшим права осуществления уголовного преследования в случаях, когда от поддержания государственного обвинения отказывается государственный обвинитель (ч. 5 ст. 24 УПК РТ). Прокурору предоставлено право отказа от уголовного преследования и обвинения до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора (ч. 5 ст. 36 УПК РТ). Следует отметить, что законодатель в данной норме не разграничивает уголовное преследование и обвинение.

Сравнительный анализ статей УПК РФ и УПК РТ показывает, как нам представляется, положительное закрепление позиции потерпевшего со стороны УПК РТ, но проведенное анкетирование сотрудников органов расследования дало следующие результаты: 40 % респондентов высказались против закрепления за потерпевшим права продолжать осуществление уголовного преследования, а за предоставление такого права потерпевшему высказались 60 % респондентов³, что по нашему мнению, не является оправданным.

Учитывая тот факт, что в УПК РТ и УПК РФ используются понятия «уголовное преследование» и «обвинение», автор считает необходимым проанализировать

¹ Головка, Л. В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде. – С. 51.

² Искандаров, З. Х. Роль прокурора на стадии предварительного расследования в уголовном процессе Республики Таджикистан // Мат-лы Межд. науч. конф. – Peter lang, 2012. – С. 278, 281.

³ Приложение № 4 (о результатах опроса следователей органов прокуратуры, дознавателей и следователей системы МВД РТ).

соотношение указанных понятий. Необходимо отметить, что данный вопрос является актуальным и весьма важным еще с дореволюционного периода. Исходя из системного толкования норм УУС 1864 г. возбуждение уголовного преследования влечет предъявление лицу, совершившему преступление, посредством процедуры предания суду процессуального обвинения.

В настоящее время в юридической литературе сформировалось два основных научных подхода к вопросу соотношения категорий «уголовное преследование» и «обвинение»: уголовное преследование – более широкое понятие, чем обвинение¹; уголовное преследование – обвинение в широком смысле (процессуальном) смысле².

Однако встречаются мнения и о том, что понятие «обвинение» – родовое понятие, которое шире понятия «уголовное преследование», являющегося одним из видов обвинения³.

А. Р. Шарипова рассматривает обвинение в двух плоскостях: материальной – как утверждение о совершенном лицом преступления ввиду наличия основания уголовной ответственности и процессуальной – как деятельность компетентных органов по изобличению лица в совершении преступления и обоснованию тезиса о том, что данное лицо обязано нести уголовную ответственность и заключает, что они взаимообусловлены между собой и не могут быть отделены друг от друга⁴. Противоположной позиции придерживаются и некоторые авторы, считающие, что обвинение как утвердительное суждение, отражающее расследуемые уголовно наказуемые деяния, структурно состоит из фактической фабулы обвинения, юридической формулировки обвинения и правовой квалификации⁵.

Как справедливо отмечает Ю. В. Деришев, «системный анализ отдельных норм УПК РФ позволяет утверждать, что понятия «уголовное преследование» и «обвинение», с

¹ Жук, О. Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования // Законодательство. – 2004. – № 5. – С. 78; Сухарева, Н. Д. О понятии «уголовное преследование» // Российский следователь. – 2002. – № 10. – С. 24; Малахова, Л. И. Функция уголовного преследования как вид процессуальной деятельности // Российский следователь. – 2003. – № 7. – С. 26.

² Петрова, Н. Е. Частное и subsidiарное обвинение. – Самара, 2004. – С. 26; Андреева, О. И. Соотношение функции обвинения и уголовного преследования по УПК РФ // Судебная реформа и становление правового государства в РФ. – М., 2003. – С. 137.

³ Аширбекова, М. Т. О соотношении понятий «обвинение» и «уголовное преследование» // Мат-лы межд. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2005. – Ч. 1. – С. 63.

⁴ Шарипова, А. Р. Уголовное преследование по делам о налоговых преступлениях : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 137.

⁵ Зинатуллин, З. З., Зинатуллин, Т. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. – Ижевск, 1997. – С. 14.

одной стороны, для законодателя тождественны, с другой – первое представлено шире второго, так как начинается раньше выдвижения обвинения *ex officio*¹.

Нельзя не согласиться с высказыванием Ф. М. Ягофарова относительно непоследовательности законодателя в использовании указанных научных терминов в тексте уголовно-процессуального законодательства². Г. Н. Королев приходит к выводу о том, что в основу модели нынешнего российского уголовного процесса положены идеи двух различных концепций. Суть первой концепции заключается в рассмотрении обвинения как деятельности и отождествления его с уголовным преследованием.

Вторая концепция именуется «концепцией уголовного иска». В соответствии с ней обвинение не отождествляется с уголовным преследованием и не считается деятельностью, т.е. системой процессуальных действий. Оно рассматривается как требование обвинителя, обращенное к суду, признать наличие правоотношений между государством и конкретным лицом, предположительно совершившим деяние, запрещенное УК. Обвинение в этом случае отождествляется с понятием «уголовный иск»³.

Более объемное и соответствующее изобличению лица в совершении преступления определение обвинения содержится в УПК Белоруссии⁴.

Сторонником существования уголовного иска в настоящее время является В. М. Корнуков, утверждающий, что уголовное преследование в виде обвинения в уголовном судопроизводстве играет роль своеобразного иска, при отсутствии которого не может быть соответствующей деятельности⁵. Аналогичного мнения придерживается З. Х. Искандаров и подчеркивает, что в состязательном уголовном процессе обвинение

¹ *Дершиев, Ю. В.* Досудебное уголовное преследование по УПК РФ // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 46.

² *Ягофаров, Ф. М.* Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. – Оренбург, 2003. – С. 34.

³ *Королев, Г. Н.* Теоретические и правовые основы осуществления прокурором уголовного преследования в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2005. – С. 70.

⁴ В данном определении смешивается уголовное преследование с обвинением и определяется как «утверждение о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, сделанное в порядке, установленном настоящим Кодексом, а также процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения» (п. 17 ст. 6) УПК Белоруссии // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. – 1999. – № 28–29. – Ст. 433.

⁵ *Корнуков, В. М.* Уголовное преследование // Публичное и частное право. – 2009. – № 1. – С. 157.

считается уголовным иском против обвиняемого, где бремя доказывания ложится на обвинительную сторону¹.

Обвинение, по мнению З. З. Зинатуллина, преследует цель реализации уголовной ответственности, и каждый обвинительный акт есть основание уголовной ответственности совершившего преступление². По утверждению Т. П. Ретунской «обвинение является целью и итогом уголовного преследования и возбуждается уголовное преследование для формирования обвинения, а затем продолжается в целях его последующего поддержания»³. По проведенному соотношению В. В. Струковой, данные феномены не тождественны. Обвинение является одной из составных частей уголовного преследования и лишь при наличии достаточной совокупности доказательств может вытекать из него⁴.

В этой связи, учитывая особенности толкования этих институтов, В. Ф. Крюков утверждает, что функция уголовного преследования охватывается отраслевой уголовно-процессуальной функцией обвинения и является одной из форм ее реализации⁵. По утверждению А. П. Кругликова обвинение и уголовное преследование не одно и то же⁶.

З. Д. Еникеев также обращает внимание на органичную связь обвинения и уголовной ответственности⁷. Следует отметить, что в ст. 6 УПК РФ понятие обвинения используется, но текстуально не раскрыто.

Анализ результатов анкетирования респондентов показал, что помимо ответов на поставленные вопросы практические сотрудники считают понятия «уголовное преследование» и «обвинение» тождественными 56 %, отрицательно ответили 30 % опрошенных респондентов. В качестве рекомендаций респонденты дают различные понятия и высказывают свои взгляды на поставленные вопросы. Так, 14 % из всех опрошенных респондентов предполагают, что уголовное преследование – это обвинительная деятельность; по содержанию уголовное преследование шире обвинения;

¹ *Искандаров, З. Х.* Уголовный процесс – способ защиты прав человека // Вестник ТНУ. – 2008. – № 3 (46). – С. 86.

² *Зинатуллин, З. З.* Уголовно-процессуальные функции. – Ижевск, 1994. – С. 25–38.

³ *Ретунская, Т. П.* Институт частного обвинения в уголовном процессе России. – М., 2006. – С. 28.

⁴ *Струкова, В. В.* Уголовное преследование, осуществляемое в частном порядке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 8.

⁵ *Крюков, В. Ф.* Уголовное преследование в досудебном производстве : уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. – М., 2010. – С. 67.

⁶ *Кругликов, А. П.* Уголовное преследование и обвинение в современном уголовном процессе России // Мат-лы Межд. науч. конф. – М., 2008. – С. 105.

⁷ *Еникеев, З. Д.* Уголовное преследование. – Уфа, 2000. – С. 76.

обвинение – это часть уголовного преследования; и оно должно исполняться до исполнения наказания включительно¹.

Опираясь на вышеизложенное, можно прийти к выводу о том, что как в теории, так и в правоприменительной деятельности органов внутренних дел РТ вышеуказанные понятия трактуются по-разному. По нашему мнению, соотношение обвинения с уголовным преследованием представляется в следующем сочетании: «функция обвинения» является видовым по отношению к родовому понятию «уголовное преследование».

Следующий вопрос, требующий рассмотрения в настоящей работе, видится в определении содержания функции уголовного преследования. В настоящее время выявляется потребность и теории, и практики уголовного судопроизводства РТ в раскрытии содержания функции уголовного преследования, которая в современных условиях обусловлена прежде всего тем, что в УПК РТ (ст. 20) в качестве основополагающего положения закреплён принцип состязательности и равноправия сторон, в соответствии с которым стороны обвинения и защиты равноправны и наделены равными возможностями отстаивать свои позиции в уголовном судопроизводстве.

При рассмотрении вопроса о содержании уголовного преследования в досудебном производстве традиционно во многих работах указывается на то, что оно представляет собой совокупность определенных уголовно-процессуальным законодательством процессуальных актов, процессуальной деятельности, функции (назначение, роль) лиц и органов, реализующих уголовное преследование.

О. Я. Баев содержанием уголовного преследования считает «<...> осуществляемую стороной обвинения и целенаправленная каждым ее представителем в пределах своей компетенции на обнаружение преступления, выявление, законное и обоснованное изобличение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в его совершении»².

Автор поддерживает позицию О. Д. Жука, который отмечает, что некоторые авторы в определении содержания уголовного преследования помещают два «разноплановых» действия – предъявление обвинения и составление обвинительного заключения – с его последующим утверждением прокурором. Статус обвиняемого лицо

¹ Приложение № 4 (о результатах опроса следователей органов прокуратуры, дознавателей и следователей системы МВД РТ).

² Баев, О. Я. Сущность, формы и дефиниции института уголовного преследования. – С. 261.

приобретает не в момент предъявления обвинения, а после утверждения обвинительного заключения¹.

Однако существует более широкая точка зрения на содержание уголовного преследования, которая в свою очередь сливается с оперативно-розыскной деятельностью². З. З. Зинатуллин и Т. З. Зинатуллин предлагают в содержание уголовного преследования включать весь возможный комплекс действий и отношений³, но спорным по нашему мнению, является в их определении правовой режим отбывания наказания назначенного по приговору суда, и фактическое отбывание лицом наказания являются сугубо правовыми отношениями, которые регулируются уголовно-исполнительным правом и не могут входить в содержание уголовного преследования, а в конечном итоге представляют собой результат.

Исследуя данную проблему В. М. Корнуков, приходит к выводу, что содержание уголовного преследования образуют действия властных субъектов органов расследования, частного обвинителя, прокурора и других субъектов стороны обвинения, направленные соответственно на собирание и закрепление доказательств, уличающих определенное лицо в совершении преступления, принятие и исполнение решений о вовлечении его в уголовный процесс в качестве подозреваемого и (или) обвиняемого, формулирование и предъявление обвинения, его обоснование и поддержание в суде⁴. Аналогично определяет и процессуальную деятельность прокурора и частного обвинителя Р. В. Мазюк⁵. Весьма спорным выглядит отнесение вышеперечисленных процессуальных действий и решений к компетенции частного обвинителя, когда в осуществлении уголовного преследования фактически он только *участвует* (выделено автором – Р. Ю.), а иногда и поддерживает обвинение в случае отказа прокурора от государственного обвинения (ч. 10-11 ст. 279 УПК РТ) в отличие от положений ч. 7 ст. 246 УПК РФ.

Представляет научный и практический интерес изложенная К. А. Амирбековым, С. Е. Егоровым и А. Г. Халиулиным, как учеными, так и практиками, дефиниция содержания функции уголовного преследования, которая включает в себя такие

¹ Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ. – С. 54.

² Асанов, В. О содержании уголовного преследования // Уголовное право. – 2000. – № 4. – С. 5.

³ Зинатуллин, З. З., Зинатуллин, Т. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. – С. 7–8; Ворончихин, М. А. Субъекты уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2002. – С. 17.

⁴ Корнуков, В. М. Уголовное преследование // Публичное и частное право. – 2009. – № 1. – С. 157.

⁵ Мазюк, Р. В. Институт уголовного преследования в системе институтов российского уголовного судопроизводства. – С. 144.

процессуальные действия и решения, как: возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица; выдвижение подозрения в отношении конкретного лица; формулирование и предъявление обвинения конкретному лицу; производство следственных действий по собиранию обвинительных доказательств в отношении конкретного лица; утверждение обвинительного заключения (акта) и направление уголовного дела в суд; поддержание государственного обвинения в суде первой и апелляционной инстанций¹. Безусловно, данное определение подчеркивает всю многоаспектную деятельность субъектов уголовного преследования, но собирание обвинительных доказательств, по нашему мнению, ставит под сомнение все эти процессуальные действия и решения. На основании ч. 2 ст. 17 УПК РФ и ч. 2 ст. 88 УПК РТ ни одно доказательство не имеет заранее установленной юридической силы, будь оно обвинительным или оправдательным.

Все вышеизложенные точки зрения в основном подчеркивают, что необходимым элементом в содержании уголовного преследования являются меры уголовно-процессуального пресечения. Наиболее детально данную проблематику в ряде своих фундаментальных монографий рассматривал В. А. Михайлов, который, в частности, указывает на то, что вопрос о мере пресечения разрешается органом расследования, прокурором, судьей, судом не только при поступлении уголовного дела из одной стадии уголовного процесса в другую, но и в связи с каждым изменением правового статуса лица, в отношении которого возбуждено уголовное преследование, т.е. в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного².

Следует отметить, что придерживаясь традиционных элементов содержания уголовного преследования, А. В. Васечкина широко трактуя анализируемую дефиницию, необоснованно включает в его содержание участие представителей стороны обвинения в судебном разбирательстве, в стадии исполнения приговора и при рассмотрении судом вопросов о замене осужденному наказания в случае злостного уклонения от его отбывания³, что признать допустимым не представляется возможным.

В этой связи, исходя из вышеизложенного, вполне обоснованным выглядит определить содержание уголовного преследования в досудебном производстве по

¹ *Амирбеков, К. И., Егоров, С. Е., Халиулин А. Г.* Функции прокуратуры России в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии ГП РФ. – 2011. – № 6 (26). – С. 70.

² *Михайлов, В. А.* Процессуальный порядок применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве. – М., 1995. – С. 35.

³ *Васечкина, А. В.* Содержание функции уголовного преследования // Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2012. – С. 122.

уголовно-процессуальному законодательству РФ следующими процессуальными решениями и действиями:

- процессуальная деятельность специально уполномоченных государственных органов, должностных лиц;
- возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица;
- задержание лица по подозрению в совершении преступления;
- принятие решений, предоставляющих лицу статус подозреваемого и (или) обвиняемого;
- избрание и применение к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения;
- производство следственных действий, связанных с уголовным преследованием лица;
- составление обвинительного заключения;
- утверждение прокурором обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд.

Резюмируя все вышеизложенное, по нашему мнению, следует предложить развернутое авторское определение уголовного преследования в досудебном производстве: *«функция уголовного преследования в досудебном производстве как процессуальная деятельность, осуществляемая в установленном законом порядке специально уполномоченными государственными органами, должностными лицами и направленной на: возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица; задержание лица по подозрению в совершении преступления; принятие решений о предоставлении лицу статуса подозреваемого и (или) обвиняемого; избрание и применение к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения; производство следственных действий, связанных с уголовным преследованием лица; составление обвинительного заключения; утверждение прокурором обвинительного заключения и направление уголовного дела в суд».*

Как видно из определения, данная функция в тех либо иных случаях реализуется разными участниками уголовного судопроизводства и в объеме их процессуального статуса. Наличие в уголовном процессе системы процессуальных функций – правовое явление, вызванное объективной необходимостью. Разделение всей сложной многоплановой деятельности в данной сфере на отдельные функции позволяет наиболее точно обозначить проблемы, которые возникают в ходе реализации той либо иной функции, и предложить научно-обоснованные рекомендации и способы их устранения.

§2. Учение о функции уголовного преследования в контексте теории уголовно-процессуальных функций

Теория процессуальных функций всегда была под пристальным вниманием многих процессуалистов и вызывала острые дискуссии, поскольку наличие и соотношение функций, степень их реализации в отдельных нормах позволяли сформулировать объективное представление о модели всего уголовного процесса, и о том, насколько реально осуществляются в нем общечеловеческие ценности.

Преобладающей в теории уголовного судопроизводства является точка зрения о наличии в ней трех основных функций: 1) уголовного преследования; 2) защиты; 3) разрешения дела.

В. А. Михайлов дифференцирует уголовно-процессуальные функции с учетом выполняемой различными участниками уголовного судопроизводства их роли на основные и обеспечительные. Основными функциями считаются: 1) расследование преступления; 2) уголовное преследование (обвинение); 3) защита; 4) разрешение уголовного дела по существу; 5) розыск обвиняемого (подозреваемого); 6) обеспечение гражданского иска; 7) уголовно-процессуальная профилактика преступлений. К обеспечительным функциям относятся: 1) процессуальное руководство; 2) процессуальный контроль; 3) прокурорский надзор; 4) судебный надзор¹.

По мнению таджикского ученого-процессуалиста Н. А. Абдуллоева, уголовно-процессуальное право имеет семь основных функций: 1) функция расследования; 2) обвинения; 3) прокурорского надзора; 4) защиты; 5) рассмотрения и разрешения в суде уголовного дела; 6) вспомогательные функции и 7) дополнительные функции. Последние характеризуются непосредственным участием гражданского истца и ответчика при производстве по уголовному делу².

Общенаучный подход к проблеме процессуальных функций может придать ей относительную самостоятельность по отношению к иным процессуальным проблемам не только тогда, когда даст в общем интегрированном виде представление об отдельных направлениях деятельности субъектов процесса, но и тогда, когда представит эти направления в виде взаимодействия и обеспечит системное видение уголовно-процессуальной деятельности. Без этого проблема процессуальных функций не может

¹ Михайлов, В. А. Конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства. – М., 2010. – С. 132–133.

² Абдуллоев, Н. А. Советское уголовно-процессуальное право (на тадж. языке). – Душанбе, 1979. – Ч. 2. – С. 13–14.

дать прироста знаний, если учесть, что вопросы правового положения каждого отдельного участника процесса, правового режима осуществления каждого отдельного процессуального действия, каждой отдельной стадии процесса самостоятельно разрабатываются в науке уголовного процесса.

Важным шагом в развитии учения об уголовно-процессуальных функциях было их признание национальным законодателем. С принятием в 2009 г. УПК РТ функциональный подход стал законодательным. Так, уже в ст. 6 УПК РТ определение сторон дано через указание на выполнение участниками уголовного судопроизводства на основе состязательности функции обвинения или защиты от обвинения. А в ст. 20 УПК РТ, раскрывающей принцип состязательности уголовного судопроизводства, названы три основные функции уголовного процесса (обвинение, защита и разрешение уголовного дела) с указанием на то, что они отделены друг от друга и не могут быть возложены на одно и то же должностное лицо.

Действенным механизмом уголовного судопроизводства признано уголовное преследование, в основе которого лежит неукоснительная реализация требований закона о том, чтобы совершившее преступление лицо было изобличено и понесло соответствующее наказание. Именно в контексте уголовного преследования выражается непосредственная деятельность правоохранительных органов государства, осуществляющих борьбу с преступностью.

Констатация того, что в уголовном процессе осуществляются три основные функции (уголовное преследование, защита и разрешение дела), и что они реализуются различными субъектами уголовного судопроизводства – достаточно долго пробивало себе дорогу в юридической литературе советского периода.

Реформа всего законодательства, начавшаяся в Таджикистане в конце 90-х гг., вернула принцип состязательности и равноправия сторон в уголовное судопроизводство. Концепция Программы судебной-правовой реформы, разработанная в 2007 г., обозначила несколько ведущих направлений оптимизации судебной системы, организации судопроизводства на началах состязательности и равноправия сторон, презумпции невиновности подсудимого¹.

В настоящее время, во многих развитых странах определяющее и решающее значение для всей системы уголовного процесса приобретает принцип состязательности и равноправия сторон, поскольку им определяется положение субъектов процесса, их права,

¹ Об утверждении и принятии Программы судебной-правовой реформы в РТ : указ Президента РТ от 23.06.2007 № 271 // Национальный центр законодательства при Президенте РТ [Электронный ресурс] URL: <http://mmk.tj/ru> (дата обращения: 09.03.2014 г.).

обязанности и взаимообусловленность друг с другом и с судебной системой. Состязательный процесс в своей основе есть процесс устный, гласный и непосредственный. Участие сторон и положение обвиняемого как стороны в процессе есть характерная черта состязательного процесса. Состязательность процесса – важнейшая проблема природы процесса, всего построения процессуальной системы.

Исследуя данную проблему, М. Б. Улищенко приходит к выводу, что разработка проблемы уголовно-процессуальных функций, взаимодействие которых составляет основное содержание уголовного процесса, была предпринята в связи с задачей обоснования и внедрения демократического принципа состязательного процесса¹.

Действие принципа состязательности в уголовном судопроизводстве получило многогранное отражение в трудах таких выдающихся ученых-процессуалистов России, как И. Я. Фойницкий, Н. Н. Полянский, И. Д. Перлов, В. М. Савицкий, М. С. Строгович и др. Знаменательно, что в большинстве работ состязательность сторон в уголовном судопроизводстве рассматривается как одно из средств установления истины по делу и, следовательно, способ защиты интересов, прав и свобод человека и гражданина, общества и государства в целом. Наличие общих признаков действия состязательного начала в уголовном судопроизводстве различных государств не исключает существенных различий в формах его проявления в смешанном (континентальном) процессе и, построенном по английскому образцу (состязательному).

По справедливому утверждению В. П. Божьева, при всех особенностях реализации принципа состязательности в судопроизводстве необходимо отметить, что его действие имеет место там и постольку, где и поскольку соблюдаются следующие требования: а) отделение функций обвинения и защиты от функций разрешения дела; б) размежевание функций обвинения и защиты; в) признание сторон носителями этих функций; г) наделение только суда полномочиями по исполнению функции разрешения дела. Несоблюдение хотя бы одного из указанных требований означает отсутствие состязательности в рассматриваемом случае вообще или в тех или других стадиях производства по уголовному делу².

Сущность принципа состязательности заключается в отделении функций сторон от функций суда. Его проявление, прежде всего, выражается в разделении основных функций между отдельными субъектами уголовного процесса. Основываясь на положениях ч. 1 ст. 20 УПК РФ, закон, базируясь на обеспечение состязательности и

¹ Улищенко, М. Б. Функция обвинения в суде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997. – С. 3.

² Божьев, В. П. Проблемы состязательности сторон в российском уголовном процессе // Мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. – М., 2004. – С. 6–12.

равноправия сторон, выделяет группы субъектов уголовного процесса, реализующих уголовное преследование (гл. 5), субъектов со стороны защиты (гл. 6), а также суд (гл. 4).

В Конституции РТ (ч. 2 ст. 88) установлено, что судебный процесс осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Так как ст. 88 Конституции РТ помещена в гл. 8 «Суд», то у многих ученых-процессуалистов возник вопрос о том, распространяется ли состязательность и равенство сторон на все стадии уголовного судопроизводства, или эта норма Конституции РТ относится только к судебным стадиям.

Следует иметь в виду, что новый УПК РТ в ч. 1 ст. 20 закрепил, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, а в ч. 3 этой же статьи указал, что «стороны обвинения и защиты равноправны в уголовном процессе и наделены равными возможностями отстаивать свои позиции».

Теперь, казалось бы, ни у кого больше не должно возникать каких-либо сомнений, что в настоящее время на всех стадиях уголовного судопроизводства в Таджикистане имеет место именно состязательное уголовное судопроизводство. И все же уголовному судопроизводству, построенному по смешанному типу, при всех его разнообразных модификациях в различных государствах присуще нечто общее, отличающее его от англосаксонской (т.е. состязательной) системы уголовного процесса.

Вместе с тем в науке уголовного процесса России в настоящее время продолжают весьма острые дискуссии по проблеме действенности принципа состязательности и равноправия сторон в досудебном производстве. Многие процессуалисты, исследовавшие эту проблему, высказывают самые различные правовые позиции, нередко прямо противоположные друг другу, относительно того, является ли стадия предварительного расследования в настоящее время состязательной.

Определенную роль в разработке концепции «глобальной состязательности» в научном мире сыграл КС РФ, который еще до принятия УПК РФ в некоторых своих постановлениях анализировал и допускал развитие идеи состязательного построения уголовного судопроизводства, а в конкретном постановлении прямо заявил, что принцип состязательности распространяется на все стадии уголовного процесса России¹.

¹ Свою позицию КС РФ обосновал ссылкой на ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, установившую, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Употребляемый в Конституции РФ термин «судопроизводство» использован сторонниками данной концепции как доказательство будто бы состоявшегося реформирования уголовного процесса. При этом, однако, не учтено, что ст. 123 помещена в 7-й главе Конституции РФ, посвященной судебной власти и ей предшествует ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, устанавливающая, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства // По делу о проверке конституционности положений чч. 3,

Аналогичная проблемная ситуация сложилась с регламентацией концепции состязательности в ч. 2 ст. 88 Конституции РТ, ч. 4 ст. 2 КЗ РТ «О судах РТ»¹ и ч. 1 ст. 20 УПК РТ. Системно интерпретируя положения вышеизложенных статей, приходим к выводу, что в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ч. 2 ст. 88 Основного закона РТ представлена аргументация, относящаяся ко всем четырем видам судопроизводства в целом, а не к уголовному судопроизводству в частности.

Следовательно, не является предметом важнейшего законодательного акта страны определение форм, порядка и структуры той или иной области действия процессуальных норм: это предмет отраслевых систематизированных законов (кодексов). В рамках отдельной отрасли права могут быть установлены не только общие формы судопроизводства, но и специальные, в условиях которых даже в суде состязательность действует далеко не единообразно². В соответствии с изложенным активно внедряется концепция состязательности и равноправия сторон во всех стадиях уголовного процесса.

В. П. Божьев полагает, что в настоящее время нет даже юридических предпосылок утверждать, что предварительное расследование построено на состязательной основе, так как отсутствует равноправие сторон. Далее В. П. Божьев констатирует, что в стадии предварительного расследования можно с (определенными оговорками) констатировать наличие некоторых «элементов состязательности»³.

Довольно резкую оценку самой идее состязательности на досудебных стадиях дал В. Т. Томин: «Однако я категорически возражаю против вызванных разными причинами попыток определенной группы активно пишущих и громко говорящих людей и примкнувших к ним путаников втиснуть элементы состязательности в досудебное производство. Это затрудняет достижение цели уголовного судопроизводства по каждому уголовному делу, препятствует реализации задач уголовного процесса, делает невозможной реализацию тех задач, для разрешения которых уголовный процесс существует от века и создан во всех странах мира»⁴. Апеллируя В. Т. Томину, следует признать, что состязательность и равноправие сторон осуществляются при процессуальном равноправии противоположающихся сторон в рамках уголовного

4 и 5 ст. 377 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан А. Б. Аулова, А. Б. Дубровский, А. Я. Капинченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Мустафина и А. А. Стубайло : постановление КС РФ от 14.02.2000 г. № 2–П // СЗ РФ. – 2000. – № 8. – Ст. 991.

¹ О судах РТ : КЗ РТ от 06.08.2001 г. № 30 // АМО РТ. – 2001. – № 7. – Ст. 490.

² Божьев, В. П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. – 2004. – № 1. – С. 3.

³ Божьев, В. П. Состязательность на предварительном следствии. – С. 6.

⁴ Томин, В. Т. Уголовный процесс : актуальные проблемы теории и практики. – М., 2009. – С. 262.

судопроизводства, поскольку состязание имеет место только между сторонами, обладающими равными правами и обязанностями. Тем не менее, в настоящее время на досудебных стадиях наблюдается именно такая тенденция, поскольку сторона защиты, несмотря на предусмотренные законодателем принципы, фактически неравна стороне обвинения, как в России, так и в Таджикистане.

По мнению Н. А. Абдуллоева, принцип состязательности и равноправия сторон (ч. 2 ст. 88 Конституции РТ) осуществляется не только в судах первой инстанции, но и в рассмотрении судами вышестоящих инстанций¹. Аналогичной позиции также придерживаются и некоторые профессиональные судьи Таджикистана². По мнению С. Рахмонова, принятие УПК РТ является прогрессивным положением, где принцип состязательности и равноправия сторон занимает особое положение³. В связи с изложенным, представляет некий интерес изложенная позиция адвоката А. Х. Бадридина, который утверждает, что для полной реализации данного принципа в уголовном процессе Таджикистана основным барьером служит УПК РТ⁴.

В. П. Божьев обоснованно пишет, что состязательность реально функционирует только перед судом, являясь одним из средств установления истины. Законодатель в ч. 4 ст. 15 УПК РФ вынужден был закрепить, что стороны не вообще равноправны, а только перед судом⁵. По сравнению с УПК РФ в УПК РТ (ч. 3 ст. 20) закреплено, что стороны равноправны в уголовном процессе и наделены равными возможностями отстаивать свои позиции.

Таким образом, автор приходит к выводу, что в определенных моментах в УПК РТ имеются все предпосылки для осуществления анализируемого принципа в досудебном производстве. Но уместно возникает вопрос: в чем будут выражаться особенности действия этого принципа в условиях возрастания роли суда, и как будет действовать весь этот механизм при осуществлении Программы судебно-правовой реформы в РТ на 2011-2013 гг.⁶, где усиливается роль и полномочия суда?

¹ Научно-практический комментарий к Конституции РТ. – Душанбе, 2009. – С. 466.

² Результаты мониторинга практики применения УПК РТ. – Душанбе, 2011. – С. 8.

³ Рахмонов, С. Некоторые размышления о новом УПК РТ // Известия АН РТ. – 2010. – № 2. – С. 116.

⁴ Бадридинов, А. Х. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве // Законодательство. – 2011. – № 4. – С. 80.

⁵ Божьев, В. П. Состязательность на предварительном следствии. – С. 5.

⁶ Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в РТ на 2011–2013 гг. : указ Президента РТ от 03.01.2011 г. № 976 // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов РТ. – 2011. – № 1–3. – С. 254–260.

Сообразно этому состязательность в досудебном производстве, как показывает изучение правоприменительной практики, не может сводиться только к равенству сторон, которое в стадии возбуждения уголовного дела и при производстве предварительного расследования невозможно реализовать в полном объеме. Следователь выполняет на этой стадии функцию уголовного преследования (хотя имеют место быть и иные предпосылки), а сторона защиты по уголовно-процессуальному законодательству выполняет только одну функцию – функцию защиты. Стороне защиты не могут быть предоставлены точно такие же права, которые закон предоставляет следователю и дознавателю для выполнения ими функции уголовного преследования. Именно по этим причинам не может быть полного равенства сторон обвинения и защиты на различных стадиях досудебного уголовного производства.

В этой связи, безусловно, заслуживает особого внимания мнение С. А. Пашина о том, что состязательный процесс в чистом виде предполагает: отделение функций (обвинения, защиты и правосудия) друг от друга путем возложения каждой из них на разных субъектов; недопустимость соединения нескольких функций в одних руках; независимость суда от сторон и вообще от посторонних влияний, его беспристрастие; движение дела усилиями сторон и разрешение его на основе представленных ими доказательств, с учетом их аргументации; равенство прав и возможностей¹.

Следует отметить, что практика правоприменения УПК РТ дополнительно подтверждает, что принцип состязательности и равноправия сторон если и реализуется, то условно, но только в досудебном уголовном судопроизводстве Таджикистана.

На наш взгляд, национальный законодатель при разработке УПК РТ состязательность предусмотрел как один из ключевых принципов уголовного судопроизводства. Данный принцип присутствует в УПК практически всех стран СНГ.

Закрепление в Конституции и в УПК РТ правовой нормы о том, что судопроизводство (судебный процесс) основывается и осуществляется на началах принципа состязательности и равноправия сторон, ознаменовало принципиально новый по сравнению с положенным в основу УПК РТ (в ред. 1961 г.) подход к регулированию общественных отношений, складывающихся между властными субъектами, и лицом, в отношении которого начинается процедура привлечения к уголовной ответственности. По сути, на конституционном уровне был установлен такой метод уголовно-процессуального регулирования, который должен обеспечивать интересы личности и ограничить возможности государства по их ущемлению или ограничению их прав посредством структурной организации уголовного процесса, основанной на равенстве процессуальных

¹ *Пашин, С. А. Состязательный уголовный процесс. – М., 2006. – С. 13.*

статусов органов расследования и лица, в отношении которого ведется производство по привлечению к уголовной ответственности, т.е. подозреваемого или обвиняемого, а также защитников и их представителей, с другой стороны, на всех стадиях уголовного процесса.

Вместе с тем, следует согласиться с А. В. Смирновым в том, что в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Туркменистане в конституциях, уголовно-процессуальных кодексах констатируется состязательность уголовного судопроизводства и равноправие сторон, но анализ отдельных норм и институтов УПК показывает, что в реальности эти требования отсутствуют. Далее автор анализирует конкретно полномочия прокурора, которые выражаются в следующем: преимущество прокурора, который предусматривается как орган надзора даже за деятельностью суда (УПК РТ) или за судебными решениями (ч. 1 ст. 62 УПК Казахстана)¹.

Несомненно, затронутые вопросы А. В. Смирновым в рамках нашего исследования являются актуальными, но хотелось бы отметить, что в проведении сравнительно-правового анализа в рамках законодательства РТ и других стран СНГ были использованы недействующие нормы УПК РТ (в ред. 1961 г., н-р, ч. 1 ст. 42; ст. 221.2). Следовательно, некоторые выводы А. В. Смирнова в этой части носят дискуссионный характер. При таком подходе становится очевидным, что, несмотря на значительное количество научных трудов, посвященных уголовному преследованию, многие его аспекты все еще остаются не исследованными. Аналогичную ошибку в исследовании правовой регламентации уголовного преследования и его отдельных видов допустила и Ю. А. Анишина².

На эту проблему, в частности, указывает М. С. Газиев, который утверждает, что современный уголовный процесс в Таджикистане препятствует осуществлению принципа состязательности и равноправия сторон, предусмотренного ч. 2 ст. 88 Конституции РТ. Для этого он выявляет три основные составляющие: 1) не по всем категориям уголовных дел участвует прокурор как государственный обвинитель; 2) в стадии предварительного следствия нет никаких оснований состязательности (одновременно следователь составляет обвинительное заключение, предъявляет его, тем самым по существу и реализует функцию разрешения уголовного дела); 3) прокурор, осуществляя прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве, по сравнению со стороной защиты имеет приоритет, т.е. стороны в уголовном судопроизводстве неравноправны³.

¹ *Смирнов, А. В.* Состязательные и инквизиционные элементы в современном уголовном процессе постсоветских государств Среднеазиатского региона // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 7–8.

² *Анишина, Ю. А.* Уголовное преследование и его виды в РФ и иных странах СНГ (сравнительный анализ) // Вестник БрГУ. – 2011. – № 2. – С. 2.

³ *Газиев, М. С.* Уголовный процесс. – Душанбе, 2009. – С. 33.

Мы не согласны с доводами автора, потому что, во-первых, эта работа вышла в свет еще в период действия УПК РТ (в ред 1961 г.), до принятия нового УПК РТ. Во-вторых, в то время принцип состязательности и равноправия сторон не имел никаких оснований для осуществления в процессе расследования, так как ч. 2 ст. 88 Конституции РТ состязательность и равноправие сторон рассматривает только в судебном процессе. После принятия УПК РТ эта проблема приобрела новый характер, поскольку ч. 1 ст. 20 УПК РТ провозгласила все уголовное судопроизводство в Таджикистане состязательным. В-третьих, традиционно прокурор в уголовном судопроизводстве является ключевой процессуальной фигурой, а в настоящее время помимо всего является государственным должностным лицом, обеспечивающим во всех стадиях уголовного процесса реализацию уголовного преследования (ч. 1 ст. 36 УПК РТ). Хотя данное законоположение носит весьма дискуссионный характер.

Процессуальное равенство обеспечивается соблюдением одновременно двух условий: 1) полного разделения трех основных функций и 2) одинаковых процессуальных возможностей органов, осуществляющих уголовное преследование, с одной стороны, подозреваемого и обвиняемого, защитника, с другой стороны, по участию в процессе доказывания. Неравенство обуславливается отсутствием хотя бы одного из этих условий.

Состязательный процесс основывается в контексте процессуального равенства сторон и отграничения функций. При этом гособвинитель осуществляет «бремя доказывания» виновности обвиняемого, а суд – арбитр между равноправными противоборствующими сторонами. Идеальный тип состязательного процесса характеризуется следующими признаками:

- наличием двух противоборствующих сторон – обвинения и защиты;
- наличием процессуального равноправия противоположенных сторон;
- наличием независимого от сторон суда, выступающего арбитром в конкретном деле¹.

Принцип состязательности обеспечивает полноту, объективность и всесторонность исследования всех обстоятельств дела. При этом состязательность уголовного судопроизводства обеспечивается лишь в случае отделения функции обвинения от суда, когда подозреваемый и обвиняемый являются равноправной стороной и могут отстаивать свои утверждения и оспаривать утверждения противоположенной стороны, тем самым доказывая свою невиновность. Сторона обвинения доказывает виновность лица, обвиняемого в совершении преступления, как в досудебном производстве, так и в судебном разбирательстве, в обязанности стороны защиты входит выявление

¹ Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса. – СПб., 2000. – С. 18.

обстоятельств, смягчающих ответственность или исключаящих ответственность, посредством всех допустимых (или не запрещенных) с точки зрения закона средств и способов.

Суд же, являясь независимым арбитром, проверяет правильность проведенного под надзором прокурора предварительного расследования, соблюдения законов при расследовании и принимает окончательное решение по уголовному делу.

По нашему мнению, современный уголовный процесс в Таджикистане официально провозглашен состязательным, но в реальности представляется смешанным процессом. Смешанный тип процесса представляет собой соединение компонентов двух видов уголовного судопроизводства – состязательного и розыскного (инквизиционного). В смешанном процессе обусловлено состязательное построение судебного разбирательства, а досудебное производство приобретает некоторые оттенки розыскного (инквизиционного) уголовного процесса, которому присущи ограниченные возможности стороны защиты на предварительном следствии и дознании.

Автор, исследуя типологию уголовного судопроизводства, приходит к такому выводу, что критерием отграничения друг от друга состязательной, инквизиционной (розыскной) и смешанной форм является разграничение процессуальных положений органов уголовного преследования, подозреваемого и (или) обвиняемого, их защитника и их представителей в определенных стадиях уголовного судопроизводства. Это разграничение может выражаться либо в равенстве, либо в неравенстве процессуальных статусов вышеуказанных субъектов.

УПК РТ сохранил и предусмотрел смешанную форму уголовного судопроизводства с абсолютным предварительным производством при объемных процессуальных полномочиях органов предварительного расследования, принимающих процессуальные решения о возбуждении, расследовании и разрешении (в форме прекращения) уголовных дел.

В рамках настоящей работы видится необходимость в рассмотрении дискуссионного законоположения об осуществлении полномочий суда в нормах УПК РТ. Суду предоставлены огромные полномочия по разрешению в ходе предварительного следствия и дознания, актуальных вопросов, связанных в первую очередь с ущемлением прав и свобод человека и гражданина.

По утверждению Ш. О. Салимзаде, УПК РТ в целях эффективной защиты прав и свобод человека, устанавливает необходимость судебного порядка санкционирования 11

видов следственных действий, связанных с ограничением их прав и свобод¹. Данный вывод носит сугубо дискуссионный характер. Следует подчеркнуть, что этими законодательными новеллами уровень защищенности населения не повысился. На уровень и качество предварительного расследования данное нововведение положительно не повлияло. Также следует отрицательно отнестись к высказыванию Ш. О. Салимзаде, что новый УПК РТ, существенно перераспределяя полномочия между судом и прокуратурой, расширяет полномочия суда в уголовном судопроизводстве.

По нашему мнению, данная позиция является неверной, так как при данном распределении не всегда учитываются права и свободы лиц, вовлеченных в орбиту судопроизводства, нарушается равноправие сторон в уголовном судопроизводстве, создается искусственная волокита и лишняя процессуальная нагрузка для органов предварительного следствия и дознания. Обобщение аналитических исследований независимых экспертов в области эффективности действия нового УПК РТ дало следующие результаты. Большинство респондентов (65 %) отметили, что с принятием УПК РТ специфика работы усложнилась².

Наконец, суд вправе в случаях, предусмотренных УПК РТ, возбуждать уголовное дело <...> (ч. 1 п. 15 ст. 35 УПК РТ). На наш взгляд, кажется недопустимым наделение суда функцией уголовного преследования, поскольку это противоречит ч. 2 ст. 20 УПК РТ, где закреплено, что суд не может быть органом уголовного преследования и не выступает на какой-либо стороне. Суд обеспечивает сторонам условия для осуществления процессуальных прав и обязанностей. Механизма правового регулирования вышеизложенных судебных полномочий, как возбуждать уголовные дела, не предусмотрено в действующем УПК РТ. Правовое регулирование реализации подобных процессуальных полномочий по возбуждению уголовных дел частного и частно-публичного обвинения предусмотрено только в ст. 147, 318 УПК РФ.

¹ Салимзаде, Ш. О. Новый УПК Республики Таджикистан: основные цели и достижения // Прокурорская и следственная практика. – 2011. – № 1. – С. 46.

² Изменения относительно передачи санкционирования избрания меры пресечения в виде заключения под стражу от органов прокуратуры судебным органам, было принято неоднозначно. Представители следственных подразделений МВД жаловались на трудоемкий и длительный процесс получения санкций. Около 60 % респондентов следственных сотрудников МВД выразились, что «стало больше бумажной волокиты». Представители прокуратуры и следственных органов в основном жаловались на длительный процесс решения вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, что по их мнению, создает барьер для своевременного сбора и закрепления доказательств // Мониторинг влияния нового УПК РТ на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия. – С. 20.

Непосредственно в досудебном производстве реализацию функции уголовного преследования по конкретным уголовным делам могут производить в пределах своей компетенции соответствующие органы предварительного расследования. Следовательно, в качестве субъектов процессуальной деятельности, реализующих уголовное преследование в досудебном производстве, выступают наряду с прокурором также органы предварительного расследования.

Следовательно, уместно возникают вопросы: является ли суд органом уголовного преследования? Свойственна ли суду реализация функции уголовного преследования? Присущи ли суду, осуществляющему правосудие по уголовным делам, еще и обвинительные полномочия? На эти и другие вопросы следует ответить отрицательно, так как суд является органом, осуществляющим правосудие, тем самым выполняет процессуальную функцию разрешения дела, которая присуща только ему по уголовным делам, а не уголовного преследования.

В советское время и до момента принятия соответствующих УПК стран – участников СНГ, в том числе и Таджикистана, существовало отступление от этого общего положения, где закон в определенных случаях предоставлял суду право возбуждения уголовного преследования.

Не во всех УПК Союзных республик данная проблема решалась так, как в УПК РСФСР. Статья 290 УПК Украинской ССР устанавливала, что дело по новому обвинению, возбужденному на судебном следствии, всегда должно быть направлено для расследования и предания суду в общем порядке. Таким образом, УПК УССР и в этом случае допускал лишь возбуждение уголовного преследования судом, но не допускал, чтобы суд осуществлял, проводил уголовное преследование.

Аналогично решался данный вопрос и в УПК РТ (в ред. 1961 г.). Следует признать, что УПК УССР, УПК РТ (в ред. 1961 г.) решали данный вопрос более последовательно, чем другие УПК Союзных республик.

То обстоятельство, что судье и суду в некоторых случаях предоставлено право инициировать возбуждение уголовных дел, ни в коем случае нельзя считать, основанием отнесения судьи к органам, осуществляющим уголовное преследование¹. Более того, судью необходимо во всех случаях освободить от обязанности возбуждать уголовное дело, особенно против конкретных лиц, поскольку возбуждение такого дела ставит суд в

¹ Соловьев, А. Б., Якубович, Н. А. К вопросу о концепции правового обеспечения функции уголовного преследования // Современные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики. – М.; Кемерово, 1996. – С. 79; Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ. – С. 48.

положение органа, возбуждающего уголовное преследование, а затем разрешающего это же уголовное дело по существу.

По этому же пути пошли и разработчики УПК РФ, полностью исключив суд и судью из числа органов, уполномоченных возбуждать уголовные дела и осуществлять иные обвинительные полномочия. Такого же подхода придерживались и разработчики УПК РТ, хотя они и допустили непоследовательность, выразившуюся в предоставлении суду полномочий по возбуждению уголовного дела. Можно назвать такое решение законодательных органов Таджикистана не имеющим под собой ни научной, ни теоретической базы, устаревшим и не основанным на современных тенденциях развития уголовного судопроизводства в демократическом государстве. В Таджикистане, начиная еще с советских времен и до сегодняшнего дня, судьи по-прежнему возбуждают уголовные дела в отношении определенных лиц и даже заключают этих лиц под стражу¹. Бывают случаи, когда в ходе рассмотрения конкретного уголовного дела, по мнению судьи выявляется необходимость возбудить уголовное дело в отношении лица по тем или иным основаниям, предусмотренным в уголовном законе.

В то же время национальному законодателю следовало бы вести речь о том, что суд в соответствии с закрепленным в ч. 2 ст. 88 Конституции РТ и ч. 1 ст. 20 УПК РТ принципом состязательности и равноправия сторон не может принимать на себя роль органа уголовного преследования. Иначе получается парадоксальная ситуация: прокурор, являющийся органом уголовного преследования, лицо в совершении преступления не обвиняет, а суд, выполняющий уголовно-процессуальную функцию разрешения дела по существу, ставит лицо в положение подозреваемого или обвиняемого и фактически указывает, в чем должно заключаться существо обвинения.

По мнению автора, даже в случаях лжесвидетельства, установленного в ходе судебного разбирательства, суд не имеет права возбуждать уголовные дела. В таких случаях суд, разрешающий уголовное дело по существу должен вынести частное определение и тем самым направить необходимые материалы из уголовного дела прокурору, который в общем порядке после тщательного изучения (процессуальной проверки) решит вопрос о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о перенаправлении по подследственности данных материалов.

¹ В СМИ Таджикистана появилась информация, что «в связи со вновь открывшимися обстоятельствами, Чкаловский городской суд Согдийской области возбудил новое уголовное дело против осужденного В. Радивиловского» // Кассационная коллегия суда Согда снизила сумму ущерба по делу Радивиловского / Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj/> (дата обращения: 27.03.2013 г.).

Изложенное положение оптимизирует содержание ч. 2 и 3 ст. 35 УПК РТ, в соответствии с которыми суд, судья вправе вынести частное определение. Аналогичного мнения придерживается и З. Х. Искандаров¹.

Весьма оригинальным выглядит, на наш взгляд, учение В. А. Михайлова о том, что в связи с принятием УПК РФ функция обвинения стала присуща и суду, принимающему участие в досудебном производстве. Уголовное преследование судьи осуществляют в досудебном производстве, участвуя в принятии решений о возбуждении уголовных дел в отношении лиц отдельных категорий или привлечении их к уголовной ответственности в качестве обвиняемых»². По нашему мнению, решения об ограничении прав и свобод человека и гражданина, применения некоторых принудительных мер и осуществлении других судебных полномочий в ходе досудебного производства трудно представить составляющими содержание функции уголовного преследования, которую выполняют судебные органы при избрании мер пресечения.

Исследуя по данному вопросу мнение С. А. Пашина³ в части того, что суд выполняет функцию обвинения, принимая эстафету от органов уголовного преследования; отсюда пресловутый обвинительный уклон и чрезмерное доверие судей к материалам предварительного следствия, и проанализировав отдельные заключения независимых экспертов Таджикистана⁴ по этой проблеме, как нам представляется, суд не должен превращаться в орган, осуществляющий уголовное преследование. В связи с этим суд (судью) необходимо полностью освободить от действий, входящих в компетенцию стороны обвинения.

В процессе производства дел частного обвинения также не судья должен возбуждать уголовное дело. Возбуждением уголовного дела должна считаться подача жалобы в суд, поскольку обвинение исходит не от судьи, а от частного обвинителя. Во всех же остальных случаях возбуждать уголовные дела должен не суд, а субъекты уголовного преследования (прокурор, следователь и дознаватель).

¹ *Искандаров, З. Х.* Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – С. 34.

² *Михайлов, В. А.* Судебная власть и уголовное судопроизводство // Публичное и частное право. – 2009. – № 1. – С. 151; *Он же.* Конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства. – С. 134; *Он же.* Общие положения о предварительном расследовании // Публичное и частное право. – 2012. – № 1. – С. 107.

³ *Пашин, С. А.* Состязательность «отложена в сторону» / Проект УПК РФ: научно-практический анализ. – М., 2000. – С. 23; *Он же.* Становление правосудия. – М., 2011. – С. 159–160.

⁴ Мониторинг влияния нового УПК РТ на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия. – С. 24–25.

Таких оценок придерживается в ряде своих постановлений КС РФ. К примеру, в постановлении КС РФ от 20 апреля 1999 г. констатируется, что органу правосудия не свойственна функция обвинения (уголовного преследования), проявлением которой является, в частности, возбуждение судом уголовного дела по новому обвинению лица, находящегося на скамье подсудимых. Его задача заключается лишь в том, чтобы разрешить спор сторон обвинения и защиты по поводу уже предъявленного обвинения¹. Кроме того, КС РФ постановлением от 28 ноября 1996 г. признал не соответствующими Конституции РФ требования ст. 418 УПК РСФСР, возлагающие на судью полномочия по возбуждению уголовных дел и формулированию обвинения по материалам, подготовленным органами дознания в порядке протокольного производства².

Вместе с тем предоставлением суду полномочий по возбуждению уголовного дела игнорируется принцип состязательности и равноправия сторон, закрепленный в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ; ч. 2, 3 ст. 15 УПК РФ; ч. 2 ст. 88 Конституции РТ и ч. 2, 3 ст. 20 УПК РТ.

Применительно к уголовному процессу принцип состязательности означает строгое отграничение функции суда от функций органов уголовного преследования и защиты. Законодатель не разработал четкого механизма реализации ч. 1. п. 15 ст. 35 в УПК РТ. Закрепив данное полномочие за судом, законодатель ни в каких других статьях УПК РТ не предусмотрел процедуры реализации этих судебных полномочий.

Данный вывод также подтверждается проведенным специальным мониторингом УПК РТ, где указывается о том, что до настоящего времени единой правоприменительной практики по делам частного обвинения не существует. Рассмотрение заявления по данным категориям дел начинается без вынесения соответствующего процессуального акта. Некоторые судьи утверждают, что выносят постановление о возбуждении уголовного дела и принимают данное дело к своему производству³.

В силу того, что в соответствии со ст. 24 УПК РТ существует классификация уголовных дел, то дела частного обвинения всегда должны возбуждаться только по заявлению потерпевшего и только судом. В УПК РТ существуют главы, посвященные поводам и основаниям возбуждения уголовного дела (ст. 140–145), порядку возбуждения уголовного дела (ст. 146–150), а ст. 147, ссылаясь на ч. 2 ст. 24 УПК РТ (дела частного обвинения), регулирует процедуру возбуждения дел частного обвинения.

¹ Постановление КС РФ от 20.04.1999 г. № 7-П // СЗ РФ. – 1999. – № 17. – Ст. 2205.

² Постановление КС РФ от 28.11.1996 г. № 19-П // СЗ РФ. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.

³ Результаты мониторинга практики применения УПК РТ. – С. 18.

Как видим, из анализа ряда статей УПК РТ выявляются несоответствие и противоречие отдельных норм, отражающих деятельность суда по возбуждению уголовного дела, предусмотренного в УПК РТ. По нашему мнению, суд по своему усмотрению может поддерживать одну из сторон нарушая ч. 2 ст. 20 УПК РТ. Данное положение противоречит концепции состязательности и равноправия сторон (ч. 2 ст. 20 УПК РТ) и противоречит концептуальному общеправовому конституционному принципу разделения властей, предусмотренному в Конституции РТ (ст. 9).

Таким образом, первые внесенные изменения и дополнения (поправки) технического и содержательного характера в УПК РТ¹ показали, что в спешке принимаемые нормативно-правовые акты уже в скором времени нуждаются в корректировке. В частности, требовалось не допустить слияния уголовно-процессуальных функций, что служило бы логическим и закономерным развитием принципа состязательности в уголовном судопроизводстве и одновременно обеспечивало бы такой конституционный принцип, как равенство всех перед законом и судом.

Следует отметить и роль КС РТ в оптимизации и выявлении некоторых несоответствий норм УПК РТ (в ред. 1961 г.) и ныне действующего УПК с иными законодательными актами, предусматривающими отдельные аспекты уголовного судопроизводства².

Практически во всех работах «уголовное преследование» рассматривается исключительно как уголовно-процессуальная функция и ограничивается рамками уголовного процесса. Соглашаясь с подобными предложениями, в то же время хотелось бы отметить, что не всеми она разделяется. Некоторые авторы полагают, что уголовное преследование – явление более широкое и не ограничивается только рамками процессуальной деятельности. В связи с этим, уместно возникает вопрос о том, можно ли говорить, что в функцию уголовного преследования входит и ОРД.

¹ О внесении изменений и дополнений в УПК РТ: Закон РТ от 21.07.2010 г. № 618 // АМО РТ. – 2010. – № 7. – Ст. 551; Закон РТ от 25.03.2011 г. № 692 // АМО РТ. – 2011. – № 3. – Ст. 159; Закон РТ от 02.08.2011 г. № 755 // АМО РТ. – 2011. – № 7-8. – Ст. 609; Закон РТ от 16.04.2012 г. № 809 // АМО РТ. – 2012. – № 4. – Ст. 259; Закон РТ от 03.07.2012 г. № 864 // АМО РТ. – 2012. – № 7. – Ст. 714; Закон РТ от 01.08.2012 г. № 878 // АМО РТ. – 2012. – № 8. – Ст. 815; Закон РТ от 28.12.2012 г. № 927 // АМО РТ. – 2012. – № 12. Ч. 1. – Ст. 1020; Закон РТ от 28.12.2012 г. № 932 // АМО РТ. – 2012. – № 12. Ч. 1. – Ст. 1025; Закон РТ от 22.07.2013 г. № 982, № 983 // АМО РТ. – 2013. – № 7. – Ст. 510, 511; Закон РТ от 14.03.2014 г. № 1067 // Джумхурият. – 2014. – № 54 (22 359). – 20 марта.

² Об определении соответствия восьмого абзаца ч. 2 ст. 42 УПК РТ ст. 17 и 19 Конституции РТ : постановление КС РТ от 15.05.2012 г. // Вестник КС РТ. – 2012. – № 2. – С. 162-169; Об определении соответствия ч. 5 ст. 124 УПК РТ ст. 14 и 19 Конституции РТ : постановление КС РТ от 20.12.2012 г. // Вестник КС РТ. – 2012. – № 4. – С. 138-144.

Что касается соотношения ОРД и уголовного преследования, этот вопрос является актуальным в связи с тем, что впервые уголовное преследование регламентировано в УПК РТ.

В уголовно-процессуальной науке ученые разделились на две группы: представители первой группы утверждают, что ОРД является органической составной частью уголовного преследования (Р. К. Досанов¹, А. Ф. Кучин², З. Ф. Макарова³), а вторая группа имеет иное категоричное мнение о том, что ОРД по своей сути является непроцессуальной (О. Д. Жук⁴, В. Е. Шманатова⁵, А. Г. Халиулин⁶, А. А. Чувилев⁷). Как показало проведенное автором выборочное анкетирование следственных сотрудников и сотрудников подразделений дознания системы МВД Республики Таджикистан, большая часть респондентов (86 %) ответили, что считают ОРД частью уголовного преследования. Оставшаяся часть респондентов (14 %) ответили, что ОРД не признают фактической частью уголовного преследования, но подразумевают как вспомогательные элементы уголовного преследования⁸.

В Таджикистане сложилась противоположная ситуация. Учитывая огромную роль взаимодействия между следователями и органами дознания, а также ведущую роль следователя при производстве предварительного расследования, вытекающую из смысла уголовно-процессуального закона, вряд ли возможно рассматривать ОРД вне контекста процессуальной деятельности.

Однако, по утверждению О. Д. Жука, ОРД не является уголовно-процессуальной, следовательно, она не может быть отнесена к уголовному преследованию. В большинстве случаев ОРД начинает осуществляться задолго до возбуждения уголовного дела. Далее О. Д. Жук указывает, что иногда необходимо выделять ОРД, которая реализуется в

¹ Макарова, З. В. Защита в российском уголовном процессе // Известие вузов. Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 221–222.

² Кучин, А. Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004. – С. 8.

³ Досанов, Р. К. Уголовное преследование по законодательству РФ и РК : дис. ... канд. юрид. наук. – С. 34.

⁴ Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ. – С. 52–53.

⁵ Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ. – С. 91.

⁶ Чувилев, А. А. Оперативно-розыскное право. – М., 1999. – С. 6.

⁷ Шманатова, В. Е. Публичное начало как основа уголовного преследования в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2004. – С. 41.

⁸ Приложение № 4 (о результатах опроса следователей органов прокуратуры, дознавателей и следователей системы МВД РТ).

отношении конкретного лица, с тем чтобы в дальнейшем в отношении него было осуществлено уголовное преследование¹.

Г. Н. Королев, исследовав проблемы функции уголовного преследования, приходит к выводу, что «уголовное преследование как процессуальная деятельность по выявлению и изобличению лица, совершившего преступление, включает (должна включать) и ОРД органа дознания по установлению события преступления и выявлению основания для возбуждения уголовного дела». В частности, он пишет: «Данные, добытые оперативно-розыскным путем, должны расцениваться как самостоятельные процессуальные доказательства. В последние годы именно такую позицию занял Верховный Суд РФ, предлагая придавать статус вещественного доказательства материалам аудиозаписи и видеосъемки факта получения взятки должностными лицами. И эта правовая позиция высшего судебного органа страны должна быть воплощена в нормах уголовно-процессуального права². Эту позицию разделяет и А. В. Федотов, который также считает, что термин «уголовное преследование» означает «идти по следу», что свидетельствует не только о процессуальном, но и об оперативно-розыскном его содержании³.

В своей другой работе А. В. Федотов предлагает иное определение: «Публичное уголовное преследование уполномочены осуществлять органы предварительного расследования, органы, осуществляющие ОРД, и прокурор»⁴.

По данным некоторых исследований, предложение о слиянии ОРД с предварительным расследованием в единое досудебное производство поддержали 21 % следователей и 48 % сотрудников оперативных аппаратов⁵.

В числе источников доказательств в ч. 2 ст. 72 УПК РТ результаты ОРД не названы, хотя ст. 84 УПК РТ допускает возможность использования в доказывании результатов этой деятельности. Подобное решение представляется обоснованным, поскольку ОРД проводится вне рамок уголовного процесса присущими ей специфическими методами и регламентируется не УПК РТ, а Законом РТ «Об ОРД»⁶.

¹ Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ. – С. 91.

² Королев, Г. Н. Начальный момент уголовного преследования // Законность. – 2005. – № 5. – С. 24.

³ Федотов, А. В. Сущность и содержание понятия «уголовное преследование» в современном российском уголовно-процессуальном праве // История государства и права. – 2009. – № 2. – С. 19–22.

⁴ Федотов, А. В. К вопросу механизма уголовного преследования // История государства и права. – 2009. – № 3. – С. 13–16.

⁵ Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2010. – С. 640.

⁶ Об ОРД : закон РТ от 25.03.2011 г. № 687 // АМО РТ. – 2011. – № 3. – Ст. 155.

Поэтому результаты ОРД не могут использоваться, что называется, «в чистом виде» в уголовно-процессуальном доказывании, эти сведения требуют проверки с использованием предусмотренных УПК РТ процедур, посредством которых они могут быть преобразованы в уголовно-процессуальном доказывании.

Действительно, для лица, в отношении которого начато уголовное преследование, совершенно не имеет значения, в каких формах ущемляются его права – в процессуальной или нет. Важно то, что его преследуют, изобличают, и в конце концов полученные сведения могут быть использованы против него. Такой вывод, в свою очередь, порождает необходимость критического анализа закрепленного в УПК РТ механизма использования в уголовном процессе результатов ОРД. В действующем УПК РТ, с одной стороны, запрещается использование результатов ОРД, если они противоречат требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законодательством к доказательствам (ст. 84 УПК РТ), а с другой – собирание доказательств осуществляется в процессе расследования и судебного следствия в порядке, предусмотренном УПК РТ (ч. 1 ст. 86).

В УПК РТ, как и в УПК РФ, не предусмотрен процессуальный порядок представления результатов ОРД. В ст. 84 УПК РТ об использовании материалов ОРД упомянуто лишь в негативной форме: «полученные результаты ОРД, могут быть признаны доказательствами при условии, если они получены с соблюдением требований настоящего Кодекса».

Использование результатов ОРД играет огромную роль при возбуждении уголовного дела (в отношении конкретного лица) и в дальнейшем – в доказывании по уголовным делам. Правоприменительная практика свидетельствует, что транснациональные и т.п. тяжкие преступления, следственным путем раскрыть не всегда удается. Многие тяжкие преступления раскрываются не следователями, а сотрудниками органов, осуществляющих ОРД.

Следует иметь в виду, что в соответствии с ч. 2 ст. 11 Закона РТ «Об ОРД» результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела и т.д.

Однако, на наш взгляд, указанные предписания ст. 11 Закона РТ «Об ОРД» не вполне согласуются с уголовно-процессуальным законом (ст. 140 УПК РТ). Дело в том, что УПК РТ гл. 17 именуется «Повод и основания к возбуждению уголовного дела». Вместе с тем в УПК РТ отсутствует норма, устанавливающая перечень источников информации, которые эти поводы образуют. В ст. 140 УПК РТ предусмотрены только поводы к возбуждению уголовного дела.

Подобная «недосказанность» в УПК РТ обуславливает смешение в использовании понятий «поводы» и «основания» для возбуждения уголовного дела, что, по мнению диссертанта, недопустимо.

Таким образом, в целях исправления отмеченных недостатков представляется оправданным рекомендовать внести изменения в ст. 140 УПК РТ изложив ее в редакции ст. 103 ранее действовавшего УПК РТ (в ред. 1961 г.), а именно:

Статья 140. Поводы и основания к возбуждению уголовного дела

1. Поводами к возбуждению уголовного дела являются:

1) заявление о преступлении;

2) явка с повинной;

3) сообщение должностного лица предприятий, учреждений, организаций;

4) сообщение в средствах массовой информации;

5) непосредственное обнаружение дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления.

2. Уголовное дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления¹.

Реализация данной рекомендации будет способствовать повышению как эффективности использования результатов ОРД в доказывании, так и в целом эффективности уголовного преследования в уголовном судопроизводстве РТ.

В связи с этим применительно к уголовно-процессуальному законодательству РТ важнейшей задачей является четкое определение в нем содержательной стороны функции уголовного преследования, а также механизма реализации этой функции.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что основополагающей и фундаментальной функцией в уголовном судопроизводстве является уголовное преследование.

Уголовное преследование стало рассматриваться национальным законодателем как противоположная функции защиты, и как деятельность субъектов стороны обвинения, направленная на выявление подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Но, несмотря на наличие законодательного определения данного понятия, сегодня его сущность, содержание, место и роль продолжают оставаться предметом многочисленных дискуссий и споров в научной литературе. Все это приводит к неопределенному восприятию категории уголовного преследования и с теоретических, и с правоприменительных позиций.

¹ Приложение № 6 (проект Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в УПК РТ»).

Так, по результатам проведенного в рамках данного исследования анкетирования сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел и прокуратуры 34 % респондентов ответили, что для них в процессуальной деятельности понятие «уголовное преследование» не имеет какого-либо практического значения, в то время как «за» ответили 66 % респондентов¹. Такое отношение практических сотрудников к понятию «уголовное преследование» предопределено, очевидно, слабым представлением о значении данной функции в системе институтов уголовного судопроизводства на разных этапах его исторического развития и, как результат, непониманием его роли в современном уголовном процессе.

Следовательно, что смешанный тип национального (таджикского) уголовного судопроизводства обусловлен соподчиненностью закрепленной в УПК РТ функции уголовного преследования с двумя другими функциями – прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также наличием у суда права на возбуждение уголовного дела при одновременном провозглашении в УПК РТ принципа состязательности и равноправия сторон.

В настоящее время функция уголовного преследования на теоретическом уровне только формируется в Таджикистане. Все вышеизложенное в свою очередь зависит от форм осуществления уголовного преследования, а также видов, в которых уголовное преследование может осуществляться в досудебном производстве по уголовному делу.

¹ Приложение № 4 (о результатах опроса следователей органов прокуратуры, дознавателей и следователей системы МВД РТ).

§3. Формы и виды уголовного преследования в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан и Российской Федерации

Уголовное преследование как процессуальная деятельность осуществляется при производстве по уголовному делу, а потому и связано с уголовно-процессуальной формой судопроизводства. И наоборот, особенности уголовного преследования по отдельным категориям уголовных дел либо в отношении отдельных лиц определяют дифференциацию уголовно-процессуальной формы. Кроме того, уголовное преследование, как уже указывалось, неоднородно по своему содержанию. Все это позволяет говорить о сложном, многофакторном, комплексном характере уголовного преследования¹, проявляющемся в том, что уголовное преследование имеет свои формы и виды осуществления.

Поскольку в нормах УПК РТ и УПК РФ уголовное преследование интерпретируется как процессуальная деятельность, под его формой, прежде всего, имеется в виду процессуальная форма осуществления данной деятельности. Под процессуальной формой понимается установленный УПК правовой режим, порядок производства в целом следственных или отдельных процессуальных действий по конкретному уголовному делу, отвечающий задачам уголовного процесса и его основным принципам.

По заключению З. Д. Еникеева уголовное преследование по каждому уголовному делу осуществляется в процессуальной форме².

Как правильно указывает А. П. Гуськова, процессуальная форма состоит из: 1) нормы, устанавливающей условия и порядок производства процессуальных действий и принятия решений; 2) нормы, устанавливающей порядок уголовного судопроизводства по делам в целом³.

Исследуя данную проблему, Р. В. Мазюк считает, что в основе классификации уголовного преследования на формы должны находиться только особенности уголовно-процессуальной формы уголовного преследования, осуществляемой в целях изобличения

¹ Еникеев, З. Д. Уголовное преследование. – Уфа, 2000. – С. 6.

² Еникеев, З. Д. Уголовное преследование. – С. 6.

³ Гуськова, А. П. К вопросу об уголовно-процессуальной форме и ее значение в реализации демократических начал российского судопроизводства // Учен. зап. – Тюмень. – 2002. – Вып. 3. – С. 6.

подозреваемого и (или) обвиняемого в совершении преступления, но не производства по уголовному делу в целом¹.

По нашему мнению, дифференциация уголовного преследования на формы и виды позволяет конкретизировать наиболее важные аспекты данного вида процессуальной деятельности и создать теоретическую базу для дальнейшего исследования и разрешения пробелов, возникающих при реализации уголовного преследования в досудебном производстве.

Понятие форм и видов уголовного преследования разрабатывалась и освещалась в научных трудах выдающихся процессуалистов. В современной науке уголовного процесса дискуссия по поводу видов уголовного преследования все еще продолжается.

Так, по мнению А. Ф. Кучина, имеются два основных вида уголовного преследования:

1) частное уголовное преследование, которое реализуется частным лицом, пострадавшим от преступления, с целью защиты собственных интересов потерпевшего;

2) публичное уголовное преследование, которое осуществляется от имени государства компетентными публичными органами уголовного преследования для защиты общественных интересов, а также прав и законных интересов лиц.

Кроме вышеперечисленных видов уголовного преследования известны и другие его разновидности: 1) субсидиарное уголовное преследование; 2) дополнительное уголовное преследование; 3) частно-публичное уголовное преследование².

К. В. Муравьев в свою очередь полагает, что уголовное преследование может быть классифицировано:

1) по усмотрению применения мер процессуального принуждения на:

– усеченное – осуществляемое до установления признаков преступления и не обеспеченное принуждением;

– полноценное – реализуемое после возбуждения уголовного дела и обеспеченное государственным принуждением;

2) по кругу лиц, в отношении которых оно осуществляется, на:

– рассредоточенное – осуществляемое в отношении неопределенного круга лиц;

– сосредоточенное в отношении конкретного субъекта³.

¹ Мазюк, Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. – С. 112.

² Кучин, А. Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004. – С. 69.

³ Муравьев, К. В. Возбуждение уголовного дела в отношении лица : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2005. – С. 51.

Н. Е. Петрова выделяет следующие виды обвинения:

1. В зависимости от субъектного состава обвинительной деятельности:

– официальное, осуществляемое специальными органами государства (органами расследования и прокурором);

– неофициальное, реализуемое усилиями частных лиц.

2. В соответствии со степенью процессуальной самостоятельности неофициального обвинителя неофициальное обвинение следует подразделять на основное, когда неофициальный обвинитель полностью независим, и субсидиарное, когда неофициальный обвинитель действует наряду с должностным лицом и связан процессуальной позицией последнего¹. Фактическое уголовное преследование (обвинительная деятельность, предшествующая формальному уголовному преследованию) может быть начато до определения лица, в отношении которого оно осуществляется, в процессуальное положение подозреваемого или обвиняемого.

В. Т. Томин рекомендовал законодательным органам ввести общественно-публичное обвинение².

Довольно интересную классификацию видов государственного обвинения представлена в работе В. Н. Юрчишина. В соответствии с принципом публичности и в зависимости от субъекта уголовного преследования им выделяется: публичное обвинение, государственное, частное обвинение, а также частно-публичное и государственно-частное обвинение. Путем комплексного анализа института обвинения автором выделяется основное и субсидиарное обвинение, народное (общественное), официальное и неофициальное, простое и сложное обвинение, а также и ведомственное обвинение³.

По мнению З. Д. Еникеева, законодатель позволяет непроцессуальные виды уголовного преследования, к которым следует отнести: 1) оперативно-розыскной; 2) общественно-гражданский и 3) ведомственно-охранной⁴.

М. П. Бобылев выделяет следующие виды обвинения, классифицируя их по разным основаниям:

1) по характеру уголовного правонарушения и обусловленным им отличительным моментам, особенностям уголовного судопроизводства:

– частное обвинение;

¹ *Петрова, Н. Е.* Частное и субсидиарное обвинение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 1999. – С. 72.

² *Томин, В. Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. – М., 1991. – С. 192.

³ *Юрчишин, В. Н.* Проблемы государственного и частного обвинения в судах Украины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 2004. – С. 7.

⁴ *Еникеев, З. Д.* Уголовное преследование. – С. 17.

– частно-публичное обвинение;

– публичное обвинение;

– публично-частное обвинение. К публично-частному обвинению относятся дела небольшой тяжести, являющиеся по сути делами частного обвинения, которые по возможности могут быть прекращены ввиду примирения потерпевшего с обвиняемым при наличии следующих условий: согласие прокурора с прекращением дела (на стадии предварительного расследования); совершение преступления впервые; заглаживание вреда, причиненного потерпевшему¹;

– субсидиарное обвинение (обвинение, поддерживаемое потерпевшим в судебном разбирательстве, где выступает государственный обвинитель)².

2) по видам преступлений в зависимости от их сложности и сочетания преступлений в одном уголовном деле:

– простое обвинение (одно простое или сложное длящегося преступление; характеризуется единой, не разделенной формулировкой обвинения);

– сложное обвинение:

а) сложное по своему содержанию, по обстоятельствам совершенного преступления, а следовательно, по формулировке обвинения;

б) сложное по квалификации.

– множественность обвинения:

а) множественность обвинений при реальной совокупности преступлений;

б) множественность обвинений, относящаяся к множественности лиц, обвиняемых в совершении преступлений³.

В развитие концепции А. М. Ларина, в своей диссертации М. П. Кан предложила три формы уголовного преследования: 1) уголовное преследование в форме обвинения; 2) в форме подозрения; 3) в форме производства по применению принудительных мер медицинского характера⁴.

¹ *Бобылев, М. П.* Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2004. – С. 50–53.

² *Улиценко, М. Б.* Функция обвинения в суде. – С. 39; *Петрова, Н. Е.* Частное и субсидиарное обвинение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – С. 162.

³ *Бобылев, М. П.* Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. – С. 53–54.

⁴ *Кан, М. П.* Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. – Ташкент, 1988. – С. 96–103.

К данному перечню А. Г. Халиулин добавил еще одну форму – уголовное преследование при протокольной форме досудебной подготовки материалов¹. Соглашаясь с существованием первых двух перечисленных форм уголовного преследования, следует, как представляется, отрицательно отнестись к применению принудительных мер медицинского характера как к форме уголовного преследования. Мы солидарны с мнением А. Г. Халиулина о том, что уголовное преследование является основанием к наступлению уголовной ответственности и может реализоваться в отношении лица, действительно подлежащего уголовной ответственности. Лица, совершившие деяния в состоянии невменяемости, в соответствии со ст. 24 УК РФ, ст. 21 УК РФ уголовной ответственности не подлежат, следовательно, уголовное преследование в отношении них осуществляться не может². Поэтому данное производство является особым по своей уголовно-процессуальной форме, но в его рамках не осуществляется особая форма уголовного преследования.

О. Д. Жук полагает, что в уголовно-процессуальной науке следует выделять различные формы уголовного преследования в зависимости от весьма схожих, но разноплановых по своей природе критериев. И подозрение, и обвинение строятся на основе степени проявления уголовного преследования, что в свою очередь выражается в основе конкретности и обоснованности позиций субъектов уголовного преследования³.

Рассматривая различные позиции данной проблемы, О. Д. Жук приходит к выводу, что все это свидетельствует о стремлении авторов соотнести понятие «форма уголовного преследования» с понятием «форма уголовного судопроизводства». Данное утверждение В. Ф. Крюков считает нелогичным и одновременно замечает, что и в том и в другом случае был использован один и тот же критерий разделения уголовного преследования на формы – стадии, на которых осуществляется производство по делу⁴.

Уголовное преследование на досудебных стадиях реализуется в формах возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, выдвижения подозрения, предъявления обвинения, осуществляемых в ходе предварительного расследования, а в суде – в форме поддержания государственного или частного обвинения перед судом.

А. С. Александров и М. П. Поляков утверждают, что «уголовное преследование – это процессуальная деятельность стороны обвинения на всех стадиях, хотя происходит

¹ Халиулин, А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. – Кемерово, 1997. – С. 33–34.

² Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ. – С. 40.

³ Жук, О. Д. К вопросу о формах и видах уголовного преследования // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 2. – С. 10–11.

⁴ Крюков, В. Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве. – С. 51.

она в различных порядке и формах»¹. Форму уголовного преследования Р. В. Мазюк определяет как правовой режим процессуальной деятельности стороны обвинения, осуществляемой в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления².

Р. В. Мазюк уголовное преследование классифицирует по 3 самостоятельным основаниям:

- 1) По своей структуре – посредством 2-х этапов:
 - подозрения;
 - обвинения.
- 2) По порядку осуществления – в 2-х видах:
 - публичное уголовное преследование;
 - частное уголовное преследование.
- 3) По особенностям уголовно-процессуальной формы – в 5 формах:
 - уголовное преследование в общей форме;
 - уголовное преследование в особых формах:
 - а) уголовное преследование обвиняемого при его согласии с предъявленным обвинением;
 - б) уголовное преследование несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых;
 - в) уголовное преследование отдельных категорий лиц, обладающих иммунитетом от уголовного преследования.

По мнению Р. В. Мазюка, в приведенной классификации уголовного преследования «в зависимости от формы осуществления производства по уголовному делу» по сути используются 2 различных основания: во-первых, порядок осуществления уголовного преследования и, во-вторых, непосредственно особенности процессуальной формы³. В свою очередь О. А. Картохина выделяет в качестве самостоятельной формы уголовное преследование иностранного гражданина⁴.

По поводу осуществления уголовного преследования отдельных категорий лиц, как это предусмотрено в гл. 52 УПК РФ, ничего не говорится в УПК РТ. Хотя те же самые

¹ Александров, А. С., Поляков, М. П. Уголовное преследование – М., 2002. – Вып. 1. – С. 105.

² Мазюк, Р. В. Особые формы уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. – 2008. – № 3 (83). – С. 112.

³ Мазюк, Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. – С. 111.

⁴ Картохина, О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – С. 141; Она же. Содержание и начальный момент уголовного преследования // Вестник ЮУрГУ. – 2005. – № 8. – С. 191.

субъекты, по отношению к которым применяется особый процессуальный порядок производства по уголовным делам, предусмотренный в ст. 447 УПК РФ, существуют частично и в УПК РТ. Также предусмотрен раздел XI в УПК РТ, посвященный особенностям производства уголовных дел по отдельным категориям (только производство по делам несовершеннолетних). При проведенном анализе можно констатировать тот факт, что название раздела не соответствует технике изложения текста нормативно-правовых актов. Отсюда и создается такое впечатление, что нормы УПК РТ порой прямо противоречат ст. 17 Конституции РТ, из которой берет свое начало ст. 16 УПК РТ (все равны перед законом и судом).

Анализ норм УПК РТ порождает коллизию некоторых положений, глав и статей УПК РТ с конституционными положениями. Тем самым фактически усматривается явное нарушение равноправия сторон в уголовном судопроизводстве. Если нет четко предусмотренного механизма разрешения данных споров, то как можно привлечь высших должностных лиц к уголовной ответственности. В нашем случае это – пробел действующего уголовно-процессуального законодательства, и было бы целесообразно дополнить УПК РТ соответствующей главой, предусматривающей механизм привлечения высших должностных лиц к уголовной ответственности, но с учетом особенностей уголовного судопроизводства РТ.

С учетом вышеизложенного предлагаем следующую классификацию форм уголовного преследования по УПК РТ:

1) в зависимости от объекта уголовного преследования:

- подозрение;
- обвинение;

2) в зависимости от формы, в которой осуществляется производство по уголовному делу:

– дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно;

– дознание по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно;

– предварительное следствие по уголовным делам;

– при ускоренном производстве¹ по уголовным делам.

А также классификацию форм уголовного преследования по УПК РФ:

1) в зависимости от объекта уголовного преследования:

¹ Данный вопрос наиболее полно рассматривается во втором параграфе 2-ой главы монографического исследования.

- подозрение;
- обвинение;

2) в зависимости от формы, в которой осуществляется производство по уголовному делу:

- дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно;
- дознание в сокращенной форме;
- производство неотложных следственных действий;
- предварительное следствие по уголовным делам¹.

Ранее многими учеными выделялось в самостоятельную форму уголовного преследования – возбуждение уголовного дела в отношении определенного лица. Действительно, тогда это можно было относить к самостоятельной форме уголовного преследования, однако с внесением изменения в УПК РСФСР – также основания признания лица подозреваемым, как возбуждение в отношении него уголовного дела (аналогичное положение содержится и в ч. 1 ст. 46 УПК РТ), эта форма уголовного преследования по сути слилась с такой формой, как подозрение. В УПК РТ в законодательном определении уголовного преследования даже не упоминается подозреваемый, в отличие от законодательной дефиниции, содержащейся в п. 55 ст. 5 УПК РФ.

Остается открытым вопрос, существует ли такая форма уголовного преследования, как подозрение в современном уголовном судопроизводстве РТ? На этот вопрос стоит ответить положительно. Действующий УПК РТ предусматривает осуществление уголовного преследования в отношении подозреваемого. Эта процессуальная деятельность предполагает формирование необходимых элементов первоначального обвинения и в конечном итоге привлечение лица по нему в качестве обвиняемого. Очевидно, что при выдвижении подозрения первоначального (предварительного) обвинения еще нет, но сама деятельность направлена на изобличение лица именно в статусе обвиняемого. В связи с этим логичным выглядит мнение М. С. Строговича об эпизодичности фигуры подозреваемого в уголовном процессе.

По нашему мнению, введение подозреваемого в уголовный процесс было обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего, наличие статуса подозреваемого у лица, в отношении которого реализуется уголовное преследование, позволяет обеспечить ему право на защиту, в том числе судебную. С другой стороны, процессуальная деятельность

¹ Приложение № № 2 – 2.2 (о формах и видах уголовного преследования в уголовно-процессуальном законодательстве РТ и РФ).

по уголовному преследованию подозреваемого предоставляет возможность применять стороне обвинения в лице государственных правоохранительных органов установленные законом ограничения прав и свобод лиц, в действиях которых имеются признаки преступления. Обозначенная нами выше деятельность осуществляется в целях защиты интересов общества, государства, а также его граждан, обеспечивает возможность предъявления обвинения и назначения справедливого наказания за совершенное преступление. Такой конечный процессуальный результат возможен только благодаря признанию в уголовном процессе на его первоначальном этапе такого явления, как подозрение и введение фигуры подозреваемого. Также, считаем необходимым для восстановления баланса права на защиту подозреваемого, дополнить п. 46 ст. 5 УПК РФ, процессуальной фигурой подозреваемого¹.

В научной литературе существуют различные определения словосочетания «виды уголовного преследования». Понятие «вид уголовного преследования» указывает на то, по чьей инициативе возбуждается уголовное преследование и с какой правовой процедурой оно осуществляется². Тем самым «виды уголовного преследования» необходимо рассматривать как самостоятельную классификацию, не совпадающую с классификацией «форм уголовного преследования». В рамках отдельного вида уголовного преследования может осуществляться любая из форм уголовного преследования, и, наоборот, конкретная форма уголовного преследования может иметь место в рамках всех видов уголовного преследования.

В отличие от форм уголовного преследования, которые в действующих уголовно-процессуальных законодательствах РТ и РФ не закреплены, их виды предусмотрены в ч. 1 ст. 24 УПК РТ и ч. 1 ст. 20 УПК РФ. Так, указанные положения содержат наименования всех трех видов уголовного преследования, содержание которых конкретизировано и обоснованно в последующих частях данных статей. Интересный момент подметил О. Д. Жук: законодатель поступил весьма демократично, изложив категории уголовных дел «по возрастающей» (вначале уголовные дела частного, затем частно-публичного обвинения), и лишь в последней части этой статьи указал на то, что все остальные уголовные дела признаются уголовными делами публичного обвинения³. То же самое и к таджикскому законодательству относится.

¹ Приложение № 7 (проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ»).

² Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ. – С. 16.

³ Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ. – С. 63.

О. Н. Коршунова выделяет две группы видов уголовного преследования: *процессуальные и криминалистические*. К числу процессуальных предлагает относить те виды уголовного преследования, которые прямо предусмотрены УПК, а к криминалистическим – те, которые не упоминаются в нем прямо, но выделение которых необходимо для более полного и правильного понимания сущности уголовного преследования этих видов, а затем и для разработки рекомендаций, применительно к каждому из выделяемых видов с учетом их особенностей и своеобразия, предопределяемых спецификой целей и задач, стоящих перед субъектами деятельности¹.

По мнению Р. В. Мазюка, ч. 1 ст. 20 УПК РФ является основанием для выделения порядков (видов) уголовного преследования: публичного и частного, а производство по уголовным делам частного-публичного обвинения как самостоятельный вид уголовного преследования не образует². В то же время вышеуказанный автор предлагает именовать употребляемые в уголовно-процессуальной литературе словосочетания *«уголовные дела публичного обвинения»* и *«уголовные дела частного-публичного обвинения»* некорректными, так как до привлечения лица в качестве обвиняемого производство по рассматриваемым категориям дел не включает обвинительную деятельность. Правильнее было бы говорить об уголовных делах публичного и частного-публичного характера. Но далее автор отказывается от своих предложений о нормативном изменении этих названий, так как понятия «дела публичного обвинения», «дела частного-публичного обвинения» и «дела частного обвинения» являются устоявшимися и общепризнанными³.

Само уголовное преследование во многом отражает сущность состязательного порядка подготовки и поддержания обвинения, тем самым национальный законодатель нормативно обозначил основные направления последующего реформирования уголовно-процессуального законодательства в сторону состязательного процесса. По мнению Г. Н. Королева уголовное преследование подразделяется на две части – досудебное уголовное преследование и уголовное преследование в суде. При этом, как утверждает автор, первое осуществляется в форме расследования преступлений, а второе – в форме поддержания гособвинения в суде⁴.

¹ Коршунова, О. Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – С. 35.

² Мазюк, Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. – С. 111, 146.

³ Мазюк, Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. – С. 146, 147.

⁴ Королев, Г. Н. Единство и дифференциация функции уголовного преследования // Законность. – 2009. – № 9. – С. 6.

По нашему мнению для правильного выделения видов уголовного преследования в УПК РТ исходной и отправной нормой является положение ч. 1 ст. 24 УПК РТ, которая в настоящее время остро нуждается в совершенствовании. Приведем ее дословно, поскольку она имеет не только научное, но и важное практическое значение: *«В зависимости от характера и степени тяжести совершенного преступления обвинение в суде осуществляется в частном, частно-публичном и публичном порядке»*¹. Из приведенной части статьи вытекает, что по всем трем категориям уголовных дел, предусмотренных в данной статье, как будто вообще не осуществляется уголовное преследование в досудебном производстве. Можно в определенном смысле согласиться с тем, что по делам частного обвинения уголовное преследование не осуществляется, но в то же время просматривается пробел и смешивание понятий «обвинение» и «уголовное преследование». Иными словами, создается впечатление, что на досудебных стадиях уголовное преследование не осуществляется, а вся процессуальная деятельность осуществляется в судебном порядке.

Наиболее рациональный подход при определении и разграничении вышеназванных категорий уголовных дел был использован составителями УПК РФ и Республики Казахстан. В ч. 1 ст. 20 УПК РФ предусмотрено, что *«<...> уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляются в частном, частно-публичном и публичном порядке»*. Также в ч. 1 ст. 32 УПК РК закреплено, что *«<...> уголовное преследование и обвинение в суде осуществляются в частном, частно-публичном и публичном порядке»*.

Здесь, на наш взгляд, достаточно четко разграничено уголовное преследование, осуществляемое в досудебном и судебном производствах. Решение видится в усовершенствовании и обновлении данной нормы с внесением соответствующих изменений и дополнений в ч. 1 ст. 24 УПК РТ и необходимости ее изложения в следующей редакции: *«В зависимости от характера и тяжести совершенного преступления уголовное преследование, в том числе поддержание обвинения в суде, осуществляется в частном, частно-публичном и публичном порядке»*².

Частное начало в уголовно-процессуальной деятельности приобретает значение одной из форм реализации свободы личности, выступает средством обеспечения и защиты ее прав и интересов. Поэтому особенностями нового УПК являются закрепление

¹ Приложение № 6 (проект Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в УПК РТ»).

² Приложение № 6 (проект Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в УПК РТ»).

состязательных начал в уголовном судопроизводстве, расширение диспозитивности¹ и дифференциации форм уголовного процесса, разработка механизма ускоренного производства по уголовным делам (ускоренное производство в УПК РТ, а в УПК РФ – дознание в сокращенной форме²), что способствует достижению главной цели судебной реформы: доступности правосудия гражданам, более эффективной судебной защите их прав и законных интересов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. В частности, принципы равенства всех перед законом и судом, состязательность и равноправие участников судебного разбирательства являются важными гарантиями развития и укрепления государства и общества в Таджикистане.

Как верно замечает В. В. Дорошков, в последние годы слово «частный» уже не вызывает у отдельных должностных лиц и у большинства населения неприятного чувства как пережиток далекого эксплуататорского прошлого. Оно все сильнее входит в обиход нашего общества³. Тот же самый процесс по становлению и развитию данного института, как в России, так и в Таджикистане прошел довольно тернистый путь.

Исходя из принципов и задач уголовного судопроизводства, следует то, что он должен служить как общественным, государственным интересам, так и личным интересам частных лиц на равноправных основах.

При этом, как отмечает Е. Б. Мизулина, «сильные публичные начала в законодательстве характерны для государств с авторитарным и тоталитарным режимами»⁴. Здесь, бесспорно, мы согласны с В. В. Ворониным, который справедливо отмечает преобладание в праве диспозитивного начала свойственно демократическим государствам, где личный интерес граждан оказывается более ценным, чем интерес государства⁵.

Несмотря на то, что институт частного обвинения является старейшей формой организации уголовного судопроизводства, о его сущности и правовой природе до настоящего времени не сложилось единого мнения в науке.

¹ Диспозитивность в общем виде означает возможность участников уголовного судопроизводства распоряжаться своими материальными и процессуальными правами.

² Данный институт является аналогом ускоренного производства и введен в УПК РФ 04.03.2013 г. (Гл. 32¹, ст.ст. 226¹ – 226⁹) / О внесении изменений и дополнений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ : федеральный закон РФ от 04.03.2013 г. № 23–ФЗ // СЗ РФ. – 2013. – № 9. – Ст. 875.

³ *Дорошков, В. В.* Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. – М., 2001. – С. 30.

⁴ *Мизулина, Е. Б.* Уголовный процесс : концепция самоограничения государства. – Тарту, 1991. – С. 62.

⁵ *Воронин, В. В.* Становление, особенности проблемы российского судопроизводства по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. – Оренбург, 2001. – С. 22.

Такие процессуалисты, как А. В. Еремян, И. Л. Петрухин, указывали на то, что дела частного обвинения могут возбуждаться только по волеизъявлению потерпевшего и в связи с примирением с обвиняемым прекращаются¹.

Исходя из проанализированного, необходимо отметить, что частное обвинение в уголовном судопроизводстве как в России, так и в Таджикистане является примером действия концепции уголовного иска, который обусловлен реализацией защиты нарушенных преступлением прав и законных интересов пострадавшего; усмотрением пострадавшего на обращение к компетентным органам государства за защитой своих прав и интересов и т.д.

В научной юридической литературе высказываются суждения по поводу обоснованности и необходимости выделения частного и частно-публичного обвинения в самостоятельные формы уголовного судопроизводства. Потерпевший становится субъектом уголовного судопроизводства по делу частного обвинения с момента принятия судьей его заявления к производству и вынесения постановления о назначении дела к слушанию. Потерпевший согласно ст. 318 УПК РФ подает заявление мировому судье, а в Таджикистане судья единолично рассматривает по существу дела частного обвинения в соответствии с ч. 1 ст. 354 УПК РТ после подачи пострадавшим заявления с просьбой о привлечении лица к уголовной ответственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 354 УПК РТ возбуждение производства по делам частного обвинения начинается с подачи заявления в суд со стороны пострадавшего или его законного представителя. Фактически, все указанные субъекты могут обращаться в суд с заявлением, а представитель потерпевшего не может, не имеет полномочий, не указан в ч. 1 ст. 354 УПК РТ, что противоречит п. 19 ст. 6 УПК РТ, где предусматривается перечень субъектов со стороны обвинения и в том числе представитель потерпевшего. Также в ходе изменения и дополнения ч. 1 ст. 43 УПК РТ, которая определяет дефиницию частного обвинителя, была внесена редакционная правка². До этого п. 2 ст. 6 УПК РТ и ч. 1 ст. 43 УПК РТ в двойных стандартах определяли законодательную дефиницию частного обвинителя.

Помимо подачи заявления в суд потерпевший (или его представитель) выполняет ряд процессуальных действий, а именно: формулирует обвинение, поддерживает обвинение в суде, представляет доказательства, обладает правом примирения с

¹ *Еремян, А. В.* Основания возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993. – С. 16; *Петрухин, И. Л.* Правосудие : время реформ. – М., 1991. – С. 164.

² О внесении изменений и дополнений в УПК РТ : закон РТ от 02.08.2011 г. № 755 // АМО РТ. – 2011. – № 7–8. – Ст. 609.

обвиняемым до удаления суда в совещательную комнату для вынесения приговора (такое положение потерпевшего не закреплено в УПК РТ). Хотелось бы отметить, что дела частного обвинения возбуждаются с момента подачи заявления потерпевшим (пострадавшим по УПК РТ) в суд, но признаются они частными обвинителями с момента принятия заявления судом (ч. 7 ст. 318 УПК РФ, ч. 5 ст. 354 УПК РТ). Как показывает практика и изучение архивных уголовных дел, во многих случаях суды оставляют без движения заявление потерпевшего (пострадавшего) в связи с отсутствием в заявлениях одного из оснований, предусмотренных в ч. 5 ст. 318 УПК РФ и ч. 3 ст. 354 УПК РТ¹.

Как показывает проведенный мониторинг УПК РТ, сотрудники органов внутренних дел указывают на определенные трудности в рамках непосредственного обращения граждан с заявлением по делам частного обвинения, которые впоследствии перенаправляются в соответствующие суды, а последние их не принимают, ссылаясь на то, что граждане должны обращаться непосредственно в суд, в соответствии с требованиями УПК РТ². В соответствии с ч. 6 ст. 145 УПК РТ одним из последних решений, которое принимается при поступлении заявления, сообщения в органах внутренних дел является передача заявления, сообщения по подследственности или подсудности. Данные отказы и ограничения со стороны судейского корпуса Таджикистана должны квалифицироваться как халатное отношение к своим служебным обязанностям. Вышеупомянутая часть статьи УПК РТ имеет свои особенности, но, по мнению диссертанта, для более конкретного уяснения отдельных норм УПК РТ было бы целесообразным п. 3 ч. 6 ст. 145 УПК РТ после слов «<...> по подследственности <...>» добавить предложение *«в соответствии со статьей 161 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 24 настоящего Кодекса»* и изложить ее в следующей редакции: *«– о передаче заявления, сообщения по подследственности в соответствии со статьей 161 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 24 настоящего Кодекса»*³.

В случаях, когда прокурор может осуществлять уголовное преследование по делам частного и частно-публичного обвинения, ни в одной норме УПК РТ не закреплены за исключением ч. 4 ст. 24 УПК РТ. Данный механизм, когда прокурор может

¹ Приложение № 8 (аналитическая справка по изученным уголовным делам и отказным материалам).

² Мониторинг влияния нового УПК РТ на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия. – С. 23–24.

³ Приложение № 6 (проект Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в УПК РТ»).

осуществлять уголовное преследование по делам частного и частно-публичного обвинения, ни в одной норме УПК РТ не зафиксированы. Здесь имеется в виду конкретные случаи, обстоятельства, при которых действуют вышеуказанные полномочия прокурора, а не следователя, дознавателя или лица, в производстве которого находится рассмотрение данного заявления или сообщения о преступлении. Полагаем, что назрела необходимость внесения изменения в ч. 4 ст. 24 УПК РТ, которое бы полностью отражало всю процессуальную деятельность органов уголовного преследования и не ставило бы под сомнение, только деятельность прокурора по реализации уголовного преследования дел частного и частно-публичного обвинения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства РТ.

Таким образом, частный обвинитель наделен правами и обязанностями по участию в осуществлении уголовного преследования в уголовном судопроизводстве Таджикистана по уголовным делам частного обвинения, выделяя ее в самостоятельную форму уголовного преследования, что является оправданным и положительным.

В научной литературе очень часто встречаются суждения по поводу обоснованности и необходимости выделения частного и частно-публичного обвинения в самостоятельные формы уголовного судопроизводства и тем самым подвергаются весьма серьезной критике¹. Также свою «лепту» по данной проблематике вносят парламентарии Таджикистана и России в связи с изменениями уголовно-процессуальных законодательств.

Производство по делам частного обвинения имеет свою специфическую особенность, которая, прежде всего, связана с диспозитивной составляющей данной процедуры и полномочиями властных субъектов уголовного процесса.

Дела частного обвинения – это дела, возбуждаемые, как правило, только по заявлению потерпевших и подлежащие прекращению в случае их примирения с обвиняемым. Существование таких дел обусловлено относительно небольшой общественной опасностью этих преступлений. Дела частного обвинения осуществляются по преступлениям, указанным в ч. 2 ст. 24 УПК РТ: ст. 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», 116 «Побои», 135 «Клевета», 136 «Оскорбление»² ч. 1 и 2 ст. 156 «Нарушение авторских, смежных прав и прав патентообладателей» УК РТ.

¹ Хатуева, В. В., Рябцева, Е. В. Критерии дифференциации уголовного преследования в современном уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2012. – № 4. – С. 37–39.

² Составы клеветы и оскорбления Законом РТ от 03.07.2012 г. № 844 были исключены из текста УК РТ, но присутствовали в ч. 2 ст. 24 УПК РТ до 28.12.2012 г.

В рамках проводимой судебной-правовой реформы в Таджикистане, составы клеветы и оскорбления были исключены из текста УК РТ. Достаточно долгое время они «висели в воздухе», что доставляло правоприменительной практике немало хлопот и трудностей. Необходимо отметить и непоследовательную законодательную деятельность парламентариев Таджикистана, когда фактически составы клеветы и оскорбления были изъяты из текста УК РТ, и не было ясности до последнего, какой вид юридической ответственности будут представлять данные составы. На предпоследнем заседании уходящего года, Маджлиси мили Маджлиси Оли РТ (верхняя палата парламента РТ), 13.12.2012 г. одобрила законопроект о внесении изменений в Гражданский кодекс РТ (ч.1) в новой редакции ст. 174.1, которая будет регулировать вопросы защиты чести и достоинства при клевете и оскорблении в гражданском судопроизводстве, и 28.12.2012 г. данный законопроект вступил в законную силу¹. Тем самым данная проблема нашла частично свое решение и тем самым были развеяны все сомнения в УПК РТ².

В результате внесенных изменений из УК и УПК РФ из числа дел частного обвинения (ч. 2 ст. 20) также были исключены: ч. 1 ст. 129 УК РФ «Клевета»; ст. 130 УК РФ «Оскорбление»³. Данные составы преступлений были перенесены в разряд административных правонарушений и квалифицировались по ст. 5.60 «Клевета» и ст. 5.61 «Оскорбление» Кодекса РФ об административных правонарушениях соответственно. Последнее заседание российских парламентариев превзошло всех и вся, опять «клевету» вернули в УК РФ, теперь уже в ст. 128.1⁴.

Системное исключение «клеветы» и «оскорбления» из УК РТ⁵, и оставление в рамках данной главы состава преступления, предусматривающую уголовную ответственность за клевету и публичное оскорбление Президента РТ (ст. 137 УК РТ) вызвало ажиотаж среди независимых правозащитных организаций и СМИ в Таджикистане. В силу чего и создается такое впечатление, что нормы УПК РТ порой прямо противоречат ст. 17 Конституции РТ, из которой берет свое начало ст. 16 УПК РТ (все равны перед законом и судом).

¹ О внесении дополнения в Гражданский кодекс РТ (часть 1): закон РТ от 28.12.2012 г. № 928 // Джумхурият. – 2013. – 05 января.

² О внесении изменений в УПК РТ : закон РТ от 28.12.2012 г. № 927 // АМО РТ. – 2012. – № 12. – Ч. 1. – Ст. 1020.

³ О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ : федеральный закон РФ от 07.12.2011 г. № 420–ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

⁴ О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ : федеральный закон РФ от 28.07.2012 г. № 141–ФЗ // СЗ РФ. – 2012. – № 31. – Ст. 4330.

⁵ О внесении изменений и дополнений в УК РТ : закон РТ от 03.07.2012 г. № 844 // Садои мардум. – 2012. – 10 июля.

Сравнительный анализ норм УПК РТ порождает коллизию некоторых положений, глав и статей УПК РТ с конституционными положениями. Тем самым фактически усматривается явное нарушение равноправия сторон в уголовном судопроизводстве. По нашему мнению, последние изменения действующего законодательства, как Таджикистана, так и России требуют серьезного научно-практического подхода и тщательного системного анализа в данной сфере с привлечением обширного круга соответствующих ученых и специалистов.

Следующий вопрос, требующий восполнения пробела и рассмотрения в рамках данного исследования, – это определение предела примирения сторон в уголовном судопроизводстве по делам частного обвинения по УПК РТ. Одним из существенных моментов, требующих уточнения в УПК РТ, является установление предела примирения сторон по делам частного обвинения. В ч. 2 ст. 24 УПК РТ не предусмотрен момент, до которого в ходе судебного разбирательства возможно примирение сторон по уголовным делам. Только в ч. 6 ст. 355 УПК РТ делается оговорка, что в случае с их стороны предъявления заявления о примирении, производство уголовного дела на основании п. 5 ч. 1 ст. 27 Кодекса прекращается по решению судьи, что признать допустимым не представляется возможным и целесообразным.

Заметим, что в уголовно-процессуальных законодательствах многих стран СНГ (ч. 2 ст. 33, 36 УПК Армении; ч. 2 ст. 32, ч. 1 ст. 33 УПК Казахстана; ч. 6 ст. 31 УПК Туркменистана, ст. 583 УПК Узбекистана) примирение допускается только до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, тогда как, согласно ст. 10 УПК РСФСР 1923 г., примирение допускалось до вступления приговора в законную силу. Аналогичное положение содержится в ч. 2 п. 2 ст. 26 УПК Кыргызстана¹.

В УПК РТ (в ред. 1961 г.) в ч. 1 ст. 104 по делам частного обвинения (раньше они так не назывались) предел примирения обеих сторон был полностью закреплен, но в новом УПК РТ от этой формулировки отказались. По нашему мнению, в настоящее время целесообразно внести изменения в ч. 2 ст. 24 УПК РТ после слов «с обвиняемым» добавить: *«Примирение сторон допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора»*².

Данный вывод также подтверждается согласно результатам проведенного автором анкетирования практических сотрудников правоохранительных органов, которые положительным признают закрепление процедуры примирения сторон в нормах УПК РТ

¹ Научно-практический комментарий к УПК Кыргызской Республики / отв. ред. К. М. Осмоналиев. – Бишкек, 2008. – С. 57–60.

² Приложение № 6 (проект Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в УПК РТ»).

(74 %), отрицательно высказываются (22 %), а иного мнения по данной проблеме придерживаются (4 %)¹.

Анализируя дела частного обвинения, приходим к выводу о том, что уголовное преследование, реализуемое в частном порядке, в уголовном судопроизводстве взаимообусловлено требованиями, сформулированными в некоторых международных документах². Закрепление в УПК РФ конкретных норм, направленных на применение упрощенных и примирительных процедур в уголовном судопроизводстве, которые в свою очередь способствуют защите прав и законных интересов человека и гражданина, пострадавшего от преступлений. Следовательно, частное начало в уголовном судопроизводстве Таджикистана имеет все достаточные перспективы к расширению.

В ч. 3 ст. 20 УПК РФ, ч. 2 ст. 24 УПК РТ предусмотрены составы преступлений, уголовные дела по которым признаются делами частно-публичного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением случаев, предусмотренных ст. 25 УПК РФ и ст. 30 УПК РТ. В соответствии со ст. 25 УПК РФ и ст. 30 УПК РТ прекращение уголовного дела является правом, а не обязанностью должностных лиц органов расследования, как это имеет место по делам частного обвинения.

В данном случае основная проблема заключается в том, что потерпевшие далеко не всегда могут своевременно распорядиться имеющимся у них правом. Некоторые же преступления относятся к категории тяжких (изнасилование без отягчающих обстоятельств – ч. 1 ст. 131 УК РФ, ч. 1 ст. 138 УК РТ, насильственные действия сексуального характера – ч. 1 ст. 132 УК РФ). В ч. 3 ст. 20 УПК РФ, ч. 3 ст. 24 УПК РТ делаются ссылки на ст. 25 УПК РФ и ст. 30 УПК РТ, где уголовные дела прекращаются по усмотрению суда, судьи, прокурора, следователя с разрешения руководителя следственного органа, следователя и дознавателя с согласия прокурора, если эти уголовные дела небольшой или средней тяжести соответственно.

В связи с этим на практике возникают остроконфликтные ситуации, когда после возбуждения уголовного дела потерпевший отказывается от ранее сделанного заявления, зачастую дает ложные показания, выгораживая подозреваемого или обвиняемого, иным образом препятствует установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию. Более

¹ Приложение № 4 (о результатах опроса следователей органов прокуратуры, дознавателей и следователей системы МВД РТ).

² Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью : резолюция Ассамблеи ООН 40/34 от 29.11.1985 г. // Советская юстиция. – 1992. – № 9–10. – С. 38–44.

того, в данном случае уголовное преследование по желанию потерпевшего не может быть прекращено, и в любом случае (при доказанности обвинения) уголовное дело направляется в суд для рассмотрения и разрешения по существу¹.

В научной литературе высказывается мысль, что уголовное преследование по делам частного-публичного обвинения реализуется также в публичном порядке и самостоятельного вида уголовного преследования не составляет², не обладает какими-либо особенностями по сравнению с уголовным преследованием по делам публичного обвинения. Единственным отличием между данными категориями дел является порядок их возбуждения, а именно дела частного-публичного обвинения, могут быть возбуждены только при наличии такого повода, как заявление потерпевшего либо его законного представителя.

Также предлагается разграничить нормативное регулирование института уголовного преследования (в рамках гл. 3 УПК РФ) и института производства по уголовному делу (в рамках гл. 4 УПК РФ) и соответственно закрепить виды уголовного преследования и виды уголовных дел³.

Е. В Шманатова предлагает отказаться от частного-публичного обвинения «как самостоятельного вида обвинения»⁴. О. Д. Жук, исследуя данную проблематику, приходит к выводу, что до возбуждения уголовного дела пострадавший сам решает, следует ли его возбуждать, а после возбуждения не имеет практически никаких возможностей влиять на ход и результаты уголовного преследования и видит выход из сложившейся ситуации в полном изменении концепции частного-публичного обвинения⁵.

В Рекомендации № 6 R (87) 18 Комитета министров Совета Европы «Относительно упрощения уголовного правосудия» (принята 17 сентября 1987 г.) определяются основные приоритеты уголовной политики относительно формы и содержания уголовного процесса. В частности, предлагается ряд принципов, которые должны способствовать ускорению и

¹ Приложение № 8 (аналитическая справка по изученным уголовным делам и отказным материалам).

² Хатуаева, В. В., Рябцева, Е. В. Критерии дифференциации уголовного преследования в современном уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2012. – № 4. – С. 37–39.

³ Мазюк, Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. – С. 146–147.

⁴ Шманатова, В. Е. Публичное начало как основа уголовного преследования в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. – С. 103.

⁵ Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ. – С. 66.

упрощению работы системы уголовного правосудия. Одним из таковых является принцип дискреционного преследования¹.

Таким образом, следует признать, что расширение перечня преступлений, уголовные дела по которым возбуждаются в частно-публичном порядке, отражает общую международную тенденцию расширения дискреционных начал в уголовном судопроизводстве. В УПК РТ, в отличие от УПК РФ, к делам частно-публичного обвинения отнесены 14 составов преступлений (ч. 3 ст. 24), в то время как в УПК РФ – 18 составов преступлений (ч. 3 ст. 20).

Как было отмечено выше, основанием выделения дел частно-публичного обвинения является исключительно порядок их возбуждения, что четко отражено в ч. 3 ст. 147 УПК РФ². Вместе с тем ст. 147 УПК РТ «Возбуждение уголовного дела частно-публичного обвинения», регулирующая процессуальный порядок возбуждения дел частно-публичного обвинения, аморфно закрепляла данный процесс. Фактически в первой части данной статьи регулировался порядок возбуждения уголовных дел частного обвинения, а название статьи данный порядок не отражало. Безусловно, ст. 147 УПК РТ нуждалась в корректировке, и в скором времени законодатель в данную статью внес изменение технического характера³.

В соответствии с ч. 5 ст. 20 УПК РФ и ч. 6 ст. 24 УПК РТ все остальные уголовные дела, помимо перечисленных в ч. 2 и 3 данных статей, относятся к категории уголовных дел публичного обвинения. Осуществление публичного уголовного преследования является обязанностью властных субъектов уголовного процесса (ст. 21 УПК РФ, ст. 26 УПК РТ). Обязанность возбуждения уголовного преследования выражается, прежде всего, в детальном регулировании процедуры возбуждения уголовного преследования со стороны законодателя. Обязанность возбуждения уголовного преследования означает обязанность властных субъектов наделить процессуальным статусом подозреваемого

¹ «Государства, которые применяют принцип обязательного преследования ввиду своего исторического развития и своей конституции, должны ввести или расширить использование мер, которые хотя и отличаются от дискреционного преследования, имеют ту же цель, что и это преследование, прежде всего: i) количество дел, возбуждение преследования по которым зависит от условия, следует расширить, в частности, когда интересы общества не преобладают, просьба или согласие пострадавшего может быть условием для преследования» (п. в разд. I) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М., 1998. – С. 116–122.

² Уголовные дела о преступлениях, указанных в ч. 3 ст. 20 настоящего Кодекса, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя. Производство по таким уголовным делам ведется в общем порядке.

³ О внесении изменений и дополнений в УПК РТ: закон РТ от 02.08.2011 г. № 755 // АМО РТ. – 2011. – № 7–8. – Ст. 609.

(обвиняемого) лицо, в отношении которого имеются доказательства о причастности к совершению преступления либо доказательства, подтверждающие виновность в его совершении.

В ходе производства по уголовному делу, возбужденному по факту, обязанность осуществления уголовного преследования начинает действовать при уточнении обстоятельств, являющихся основаниями задержания лица, применения меры пресечения (до предъявления обвинения), либо достаточных доказательств, подтверждающих контекст обвинения лица. По уголовным делам этой категории уголовное преследование осуществляется в полном объеме и независимо от мнений каких бы то ни было заинтересованных лиц. Таким образом, уголовное преследование в этом случае зависит исключительно от дискреционных усмотрений властных субъектов.

В настоящее время примирение потерпевшего с обвиняемым не является основанием для обязательного прекращения уголовного дела, а лишь предоставляет суду и другим властным субъектам соответствующее право (ст. 25 УПК РФ, ст. 30 УПК РТ).

Анализируя указанную проблему (ч. 4 ст. 20 УПК РФ), А. Р. Белкин приходит к выводу, что по делам частного обвинения за потерпевшим должна сохраниться возможность примириться с обвиняемым без санкции на такой шаг со стороны лица, ведущего производство по делу. Ничего не говорит об этом и ст. 147 УПК, и лишь в ч. 4 ст. 318 УПК РФ обнаруживается, что начало участия в уголовном деле прокурора не лишает стороны права на примирение. Далее приводится постановление Пленума Верховного Суда РФ¹, который подтвердил, что уголовное дело может быть прекращено за примирением сторон лишь в порядке, предусмотренном ст. 25 УПК РФ². Данный вывод имеет особое значение и для таджикского законодателя, так как аналогичная норма предусмотрена в ст. 30 УПК РТ, которая порождает проблемы в правоприменительной деятельности органов расследования.

Также определенным пробелом в УПК РТ выступает возбуждение производства по уголовным делам частного обвинения, где лицо, совершившее преступление неизвестно. Суды в данных случаях, а также органы предварительного расследования в подобных ситуациях остаются без правового регулирования со стороны УПК РТ, ибо, таких полномочий не предусмотрено ни у одного субъекта уголовного судопроизводства.

¹ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума ВС РФ от 29.06.2010 г. № 17 // Бюллетень ВС РФ. – 2010. – № 9. – С. 27.

² Белкин, А. Р. Еще раз об уголовном преследовании и о соотношении публичного и частного начал в уголовном процессе. – С. 79.

В таких случаях, уголовное преследование по делам частного обвинения зависит исключительно от дискреционных усмотрений властных субъектов уголовного процесса.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что рекомендации, выводы и частично проанализированная проблема по уточнению и конкретизации полномочий частного обвинителя и потерпевшего направлены на приведение в соответствие со ст. 25 УПК РТ, которая в свою очередь, предусматривает право потерпевшего на участие в уголовном преследовании подозреваемого и обвиняемого. Тенденции по оптимизации некоторых норм УПК РТ, регулирующих производство по делам частного и частно-публичного обвинения все еще остаются одной из актуальных тем для исследования. Следует подчеркнуть и роль таджикского законодателя в данной деятельности, которая оставляет желать только лучшего.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что публичное уголовное преследование – это деятельность, осуществляемая властными субъектами уголовного судопроизводства с целью изобличения на основе собранных и зафиксированных доказательств подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления при производстве по уголовному делу в досудебных стадиях.

В результате исследования, разработана авторская классификация форм уголовного преследования в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству РТ и РФ в зависимости:

- от объекта уголовного преследования (подозрение или обвинение), как в Республике Таджикистан, так и в Российской Федерации;
- от формы, в которой по УПК РТ осуществляется производство по уголовному делу: в общем порядке (дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно; дознание по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно и предварительное следствие) и в форме ускоренного производства, а по УПК РФ – дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, дознание в сокращенной форме, производство неотложных следственных действий и предварительное следствие.

Эффективное сочетание форм и видов уголовного преследования в свою очередь характеризует особенности процедуры, в которой оно осуществляется. В основе классификации уголовного преследования на формы должна находить свое непосредственное подтверждение особенность уголовно-процессуальной формы уголовного преследования как процессуальной деятельности, направленной на изобличение подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления. Вместе с тем полномочия по уголовному преследованию должны быть четко отграничены от иных

полномочий органов уголовного преследования. Поэтому в настоящем исследовании, несомненно, актуальными являются вопросы правового регулирования в механизме реализации уголовного преследования в досудебных стадиях.

ГЛАВА II. РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

§1. Реализация функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела

Право приобретает смысл и ценность для личности, общества, если оно в полной мере реализуется. Основное назначение норм права состоит в том, что они определяют содержание прав субъекта и тем самым способствуют его реализации. Слово «реализация» происходит от лат. «realis» (вещественный) и буквально означает овеществление. В настоящее время реализация норм права определяется как осуществление, овеществление, исполнение какого-либо плана и т.п. Процесс реализации – это переход какого-либо определенного явления в иное качественное состояние, воплощение, а также использование свойств этого феномена.

Под реализацией права, на наш взгляд, следует понимать соблюдение его норм как государством и обществом в целом, так и госорганами и его должностными лицами, отдельными гражданами и их объединениями.

Имеются различные точки зрения ученых на разновидности и вариации реализации правовых норм. Представляется, что основными формами реализации норм права следует именовать: «использование права», «исполнение обязанностей», «соблюдение запретов» и «применение законодательства».

Следует отметить, что процесс реализации норм права является сложным и многоуровневым. В данном процессе принимают активное участие не только субъекты с их правовым статусом, но и государство представляют правотворческие, правоисполнительные и правоприменительные органы. Следовательно, содержание реализации функции уголовного преследования охватывает: использование прав, исполнение обязанностей и применение законодательства. Реализация функции

уголовного преследования как особая форма правоприменения имеет специфические особенности, регулируемые УПК РФ. Применительно к настоящему исследованию будет использоваться только термин «реализация».

По определению А. Г. Халиулина наиболее дискуссионными в науке уголовного процесса проблемами являются существование стадии возбуждения уголовного дела и его соотношение с уголовным преследованием¹.

Об актуальности и сложности решения в законодательстве, теории и практике уголовного процесса комплекса частично вышеизложенных проблем, свидетельствует значительное количество публикаций по данной тематике. В свое время еще в советских юридических источниках господствовало мнение, согласно которому уголовное преследование начинается с возбуждением уголовного дела, и процессуальное решение о начатии данной стадии именовалось возбуждением уголовного преследования.

Согласно данной концепции понятие возбуждение уголовного дела отождествлялось с понятием возбуждения уголовного преследования². Возбуждение уголовного дела происходит при наличии достаточных данных, указывающих на то, что было совершено преступление. Процессуальная деятельность начинает свою реализацию с возбуждения уголовного дела в отношении определенного лица.

В науке уголовного процесса существуют различные мнения относительно определения начального момента осуществления уголовно–процессуальной деятельности. В. П. Божьев начало осуществления уголовно – процессуальной деятельности считает моментом поступления в компетентные государственные органы официальной информации, указывающей на признаки преступления³. Эта точка зрения наиболее полно отражает правовую природу поводов и основания к инициированию возбуждения уголовного дела и выполнения отдельных процессуальных действий, предусмотренных УПК. Отсюда вытекает вывод, что любые действия, выполняемые дознавателем, следователем и прокурором в связи с проверкой информации о совершенном преступлении и принятием решения, в соответствии со ст. 144 УПК РФ и ст. 145 УПК РФ, представляют собой уголовно – процессуальную деятельность.

Вместе с тем, А. П. Кругликов после тщательного анализа норм УПК РФ приходит к выводу о том, что при наличии в полученном сообщении признаков преступления всегда

¹ Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ. – С. 154.

² Данная проблема была проанализирована в 1-ой главе монографического исследования.

³ Божьев, В. П. Уголовно – процессуальные правоотношения. – М., 1975. – С. 123.

необходимо возбуждать не уголовное дело, а уголовное преследование – без проведения какой-либо предварительной проверки. Далее он отмечает, что соответствует данный вывод и содержанию п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, в соответствии с которым постановление прокурора направляется в орган предварительного расследования именно для решения вопроса об уголовном преследовании¹.

В правоприменительной практике часто возникают ситуации, что совершившее преступление и подлежащее привлечению к уголовной ответственности лицо в момент возбуждения уголовного дела неизвестно, а выявление этого лица может происходить уже после возбуждения уголовного дела, в процессе производства предварительного расследования. Следовательно, некоторая часть предварительного следствия во многих случаях ведется без определенного лица, т.е. без субъекта, имеющего статус подозреваемого и (или) обвиняемого. Эта часть предварительного расследования, в которой следователь (орган дознания) совершает все необходимые процессуальные действия для того, чтобы изобличить лицо, совершившее преступление, и собрать необходимые доказательства, которые представляют собой деятельность к возбуждению уголовного дела, но не само уголовное преследование, так как еще нет лица, в отношении которого следует это уголовное преследование возбудить и в дальнейшем осуществлять.

Необходимо отметить, что основанием для противоречивых суждений касательно начального момента уголовного преследования во многом определяет законодательное определение данной деятельности. В соответствии с п. 24 ст. 6 УПК РФ уголовное преследование осуществляется властными субъектами в целях установления деяния, и лица его совершившего, и привлечения к ответственности только обвиняемого. Как видно, в данной норме содержится двусмысленное разъяснение о том, что данная процессуальная деятельность осуществляется в целях установления деяния и лица, совершившего данное деяние.

На этой части расследования дела подозрение в совершении преступления может в той или иной мере падать на различных лиц, в соответствии с чем следователь придает следствию то или иное направление. Но пока нет достаточных данных, указывающих на определенное лицо как на совершителя преступления, это лицо не привлекается к делу в качестве обвиняемого и ему не предъявляется обвинение, хотя следователь и принимает все необходимые меры к тому, чтобы собрать доказательства, на основании которых можно было бы это лицо привлечь к делу в качестве обвиняемого.

¹ *Кругликов, А. П.* Что возбуждать : уголовное дело или уголовное преследование? // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 57–59.

Если считать, что эта деятельность следователя до привлечения того или иного лица в качестве обвиняемого и есть уголовное преследование, то лицо, в отношении которого следователь собирает доказательства его виновности, тем самым оказывается лицом, в отношении которого возбуждено и ведется уголовное преследование. Между тем это лицо в качестве обвиняемого еще не привлечено, обвинение ему не предъявлено, никакого процессуального положения в уголовном деле оно не занимает; само оно или вообще не допрошено, или допрошено только в качестве свидетеля. Если такая деятельность следователя есть уголовное преследование, то в отношении лиц, на которых почему-либо пало подозрение и о которых дал показание тот или иной свидетель, на тот момент данные следствия являются еще совершенно недостаточными для привлечения их к уголовной ответственности в качестве обвиняемых. Совершенно ясно, что такой порядок абсолютно недопустим в уголовном процессе Таджикистана, особенно в его досудебных стадиях.

Правовой статус лица, в отношении которого реализуется уголовное преследование, должен получить процессуальное оформление. Тем, что в отношении него возбуждено и ведется уголовное преследование, данное лицо ставится в определенное процессуальное положение, делается субъектом процесса и получает в силу закона определенные процессуальные права; одновременно процессуальные права и обязанности в отношении этого лица возникают у следователя. Таким процессуальным положением может быть только положение подозреваемого или обвиняемого, в законном порядке привлеченного к уголовной ответственности.

Применительно к УПК РСФСР 1960 г. А. М. Ларин придерживался следующей позиции: возбуждение уголовного преследования возможно в разных формах. Первым актом этой функции может быть привлечение в качестве обвиняемого (ст. 143–144 УПК) задержание подозреваемого (ст. 122 УПК), либо применение меры пресечения к подозреваемому до предъявления обвинения (ст. 90 УПК)¹.

Специальной нормы о порядке возбуждения уголовного дела не было закреплено в УУС 1864 г. и УПК РСФСР 1922, 1923 гг. Введена была эта норма Циркуляром Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26, однако в законе эта норма появилась лишь в 1960 г. В странах континентальной (романо-германской) и англосаксонской (американской) системами правосудия² порядок возбуждения уголовного дела

¹ Ларин, А. М. Предварительное следствие // Уголовный процесс России. – М., 1997. – С. 156.

² Гаврилов, Б. Я. Актуальные проблемы досудебного производства и совершенствование УПК РФ // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. – М., 2007. – С. 331.

отсутствует. Во многих ведущих странах Европы за органами прокуратуры закреплено право возбуждать уголовное преследование. Содержание функции уголовного преследования в этих ведущих странах, как утверждают С. П. Щерба и В. Н. Дадонов, неизменно состоит, из возбуждения уголовного дела (инициация уголовного преследования), с которого, собственно, оно и начинается¹.

Институт возбуждения уголовного дела в законодательном процессе прошел довольно тернистый путь. История уголовно-процессуального законодательства современного Таджикистана тому явное подтверждение. С 1 июля 1926 г. Президиум ЦИК Узбекской ССР ввел в действие на всей территории Узбекской ССР и Таджикской ССР первый УПК Узбекской ССР², который, подвергаясь некоторым изменениям, действовал до 1929 г.

В связи с преобразованием Таджикской АССР в отдельную Союзную социалистическую республику все законодательство Узбекской ССР в соответствии с решением ЦИК и СНК Таджикской ССР от 19.12.1929 г. за № 42 продолжало действовать до издания законодательными органами Таджикской ССР соответствующего законодательства или отмены ранее действовавшего. ЦИКом Узбекской ССР 29 июня 1929 г. был принят и введен с 1 августа того же года в действие новый УПК Узбекской ССР.

Первая глава, озаглавленная «Возбуждение уголовного преследования», состояла из трех статей, в которых указывались органы, имеющие право возбуждать уголовное преследование, обстоятельства, устраняющие его возможность, и некоторые другие вопросы.

Вторая глава «Общие вопросы предварительного расследования» содержала 18 статей (ст. 4–21), регламентирующих вопросы руководства деятельностью органов расследования, подследственности уголовных дел, разграничения компетенции следователя и других субъектов расследования, гражданского иска в уголовном деле и обжалования действия органов расследования.

Обзор законодательных актов, принятых Правительством Таджикской ССР за период 1929–1935 гг., свидетельствует о том, что исходя из потребностей судебно-следственной практики, принималось несколько десятков нормативных актов, регулирующих деятельность органов следствия и суда Таджикской ССР.

¹ Щерба, С. П., Дадонов, В. Н. Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании // Законность. – 2011. – № 6. – С. 53.

² СУ. – 1926. – № 1–2. – С. 53.

Первый УПК Таджикской ССР в соответствии с постановлением Президиума ЦИК республики от 15.08.1935 г. был введен в действие с 25.08.1935 г. Этим же постановлением на территории Советского Таджикистана отменялся УПК Узбекской ССР. УПК Таджикской ССР 1935 г. состоял из 14 глав, содержащих всего 154 статьи.

В главе первой кодекса «Общие положения» содержалось 15 статей (1–15), предусматривающих задачи органов суда, расследования и прокуратуры по борьбе с преступностью, соблюдению законности при расследовании дел и избранию мер пресечения, указывались права участников процесса и т.д.

Глава вторая «Возбуждение уголовного дела» содержала 9 статей (16–24), регламентирующую деятельность органов, обладающих правом возбуждать уголовное преследование, излагавших обстоятельства, устраняющие возможность возбуждения уголовного преследования, права экспертов, переводчиков, понятых, поручителей, залогодателей и других лиц приносить жалобы прокурору на действия лиц, производящих расследование, нарушающих или стесняющих их права¹.

В первой главе также содержались нормы, определяющие обязанности органов расследования, прокуратуры и суда возбуждать уголовное преследование по каждому преступлению.

Следует заметить, что в УПК ТССР 1935 г. возбуждение уголовного дела и уголовного преследования не только не разграничивались, но они, несмотря на их существенное отличие, отождествлялись. Признать такой факт удачным, разумеется, нельзя. Автор отмечает, что возбуждение уголовного преследования осуществляется при наличии преследуемого лица, а уголовное дело может быть возбуждено и при наличии самого факта, события преступления, хотя еще и неизвестно конкретное лицо, которое может быть привлечено к ответственности в качестве обвиняемого по уголовному делу.

Такое различие имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение. Нередки случаи, когда, обнаружив факт того или иного преступления и не располагая данными, указывающими на то, кем оно совершено, возбуждать уголовное преследование нельзя, но органы расследования не могут не реагировать на факт совершенного преступления. Единственный способ их реагирования в подобных случаях – возбуждение уголовного дела по факту преступления².

Таким образом, можно прийти к общему выводу, что в то время в законодательных нормах не было никаких разграничений в порядке возбуждения производства по

¹ Раджабов, С. Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР : дис. ... канд. юрид. наук. – С. 80–81.

² Раджабов, С. Р. Указ. соч. – С. 124.

уголовному делу и уголовного преследования. Имелись сложности с определением данных понятий, с моментом начала их возбуждения и в период действия УПК РСФСР 1922 и 1923 гг., где указывалось, что прокуратура обязана возбуждать уголовное преследование <...> (ст. 9 УПК РСФСР 1923 г.). Отсюда вытекает вывод о том, что прокурор был обязан возбудить уголовное преследование в любом случае, когда ему стало известно из поступившего заявления или иного повода, указанных в ст. 91 УПК РСФСР 1923 г., о совершенном преступлении.

Словосочетание «уголовное преследование» со временем было предано законодателем забвению, а его место постепенно в теории и на практике занимал институт возбуждения уголовного дела. При этом в свое время, многие процессуалисты отождествляли данные институты¹.

Следовательно, законодатель того времени в содержание возбуждения уголовного преследования вкладывал сущность и смысл института возбуждения уголовного дела. В том же смысле употреблялись данные словосочетания в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и в иных правовых актах. По сути, сходную позицию заняли многие авторы учебных источников по уголовному процессу (советского периода), в которых содержались разделы об институте возбуждения уголовного дела, но не было ни малейшего упоминания об уголовном преследовании.

Анализируя проблемы уголовного преследования, А. Б. Соловьев, утверждает, что уголовное преследование реализуется при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица <...>².

В свою очередь Р. В. Мазюк считает, что в уголовное преследование входит возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, применение мер процессуального принуждения, проведение отдельных следственных и других процессуальных действий³. Из вышеизложенного следует вывод о том, что уголовное преследование охватывает также и первую стадию уголовного судопроизводства. Тогда

¹ Подспорьем в то время была ст. 94 УПК РСФСР 1923 г., которая устанавливала обязанность прокуратуры возбуждать уголовное преследование по всякому совершившемуся преступлению, а ст. 4 УПК закрепляла, что уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжаемо и подлежит прекращению во всякой стадии процесса.

² Соловьев, А. Б. Уголовное преследование и прокурорский надзор в досудебных стадиях судопроизводства // Прокурорская и следственная практика. – 1997. – № 3. – С. 91–92.

³ Мазюк, Р. В. Уголовное преследование – общий институт российского уголовно–процессуального права // Сибирские крим. чтения. – Иркутск. – 2006. – Вып. 24. – С. 59–67.

как возбуждение уголовного дела – стадия уголовного процесса, а уголовное преследование всего лишь процессуальная функция, осуществляемая как в досудебном, так и в судебном производстве.

В другой работе Р. В. Мазюк подчеркивает, что возбуждение уголовного преследования и уголовного дела – не тождественные понятия: возбуждение уголовного преследования может совпадать с возбуждением уголовного дела, а может и происходить независимо от него. В заключение Р. В. Мазюк признает тот факт, что возбуждение уголовного преследования можно рассматривать как самостоятельный акт, не зависящий от акта возбуждения уголовного дела. Возбуждение уголовного преследования может совпадать с возбуждением уголовного дела, а может быть отдалено от него во времени. В последнем случае основанием возбуждения уголовного преследования являются достаточные данные о причастности конкретного лица к совершению преступления, которые сами по себе законодателем в качестве такового не указаны, но используются как основания задержания данного лица либо применения к нему меры пресечения¹.

Рассматривая данную проблему, А. Г. Халиулин также приходит к выводу о том, что уголовное преследование может совпадать с возбуждением уголовного дела только в тех случаях, когда речь идет о возбуждении дела по поводу совершения каких-либо деяний конкретным лицом. В этих случаях уголовные дела значительно чаще ранее возбуждались именно прокурором. Например, возбуждение уголовного дела по результатам осуществления надзорной деятельности, возбуждение уголовного дела о преступлениях против государственной власти, о совершении преступлений судьями, прокурорами, должностными лицами и военнослужащими. К сожалению, после кардинальных изменений в УПК РФ 2007 г. и до настоящего времени полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве РФ существенно сокращены.

Данной позиции также придерживается и З. З. Гатауллин, утверждая, что уголовное преследование – единственная по УПК РФ функция органов расследования, в связи с чем все виды деятельности данных органов правомерно рассматривать как способы реализации этой функции, и в итоге автор признает тот факт, что возбуждение уголовного дела является возбуждением уголовного преследования².

Уголовное преследование осуществляется в рамках расследования преступлений, которое занимает доминирующее место в процессуальной деятельности следователя и

¹ Мазюк, Р. В. Возбуждение уголовного преследования в Российском уголовном судопроизводстве // Мат-лы Всероссийской науч. – практ. конф. – Иркутск, 2005. – С. 75–78.

² Гатауллин, З. Ш. Уголовное преследование как функция прокурора // Законность. – 2010. – № 2. – С. 10–11.

дознателя. Расследование преступлений шире уголовного преследования, поскольку оно проводится и в тех случаях, когда уголовное преследование отсутствует¹.

По утверждению Ю. В. Дерешева, в современном российском уголовном процессе предварительное производство реализуется через функцию досудебного уголовного преследования². По сути, аналогичное З. З. Зинатуллину определение, исследуя вопросы начала реализации уголовного преследования, предлагает Л. И. Малахова³.

Уголовное преследование в свою очередь является основной формой претворения в жизнь задач уголовного судопроизводства РТ по своевременному и полному расследованию преступлений, привлечению к соответствующей уголовной ответственности лиц, действительно совершивших преступления. В настоящее время, когда в условиях осуществления в Таджикистане судебно-правовой реформы идет поиск наиболее упрощенных форм производства по раскрытию и расследованию преступлений, целесообразно обратиться к передовой мировой практике по выявлению и расследованию преступлений.

Г. Н. Королев, разделяя уголовное преследование на две части (досудебное уголовное преследование и уголовное преследование в суде), подчеркивает, что досудебное уголовное преследование при этом осуществляется в форме расследования преступлений и включает в себя процессуальную проверку оснований для возбуждения уголовного дела и проведение дознания и предварительного следствия. Эта часть уголовного преследования, по мнению Г. Н. Королева, начинается с момента поступления в соответствующий компетентный орган сообщения о совершенном или готовящемся преступлении и заканчивается направлением дела в суд для рассмотрения по существу⁴. Далее Г. Н. Королев утверждает, что в досудебном производстве формой реализации уголовного преследования является предварительное расследование преступлений.

Исследуя данную проблему, В. С. Джатиев приходит к выводу, что уголовное преследование – это абстракция без всякого собственного содержания, поскольку его объясняют вполне конкретными уголовно-процессуальными явлениями (хотя и в различных сочетаниях): возбуждением уголовного дела, предварительным следствием и дознанием, задержанием подозреваемого, привлечением в качестве обвиняемого,

¹ Соловьев, А. Б. Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. – С. 374.

² Дерешев, Ю. В. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 81.

³ Малахова, Л. И. Функция уголовного преследования как вид процессуальной деятельности // Российский следователь. – 2003. – № 7. – С. 25.

⁴ Королев, Г. Н. Единство и дифференциация функции уголовного преследования. – С. 6.

применением к подозреваемому и обвиняемому меры пресечения, изменением обвинения, обвинительным заключением, утверждением обвинительного заключения, поддержанием обвинения в суде и т.д.¹. С вышеуказанными доводами автора можно частично согласиться, но не со всеми. Трудно согласиться с осуществлением уголовного преследования в процессе изменения обвинения, при составлении обвинительного заключения и при утверждении его, так как это и есть одна часть, т.е. досудебное уголовное преследование.

Имеют место быть и категоричные заявления о том, что функция уголовного преследования отсутствует в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования до появления в них подозреваемого или обвиняемого². Без возбуждения уголовного дела – не имеет место быть и уголовное преследование кого-либо в совершении преступления³.

Некоторые авторы вместе с тем, признав, что до появления в уголовном деле подозреваемого или обвиняемого следователь не реализует функцию уголовного преследования, приходят к такому выводу, что пришлось бы согласиться с тем, что и поиск виновного в совершении преступления не осуществляется, ведь такой поиск с использованием уголовно-процессуальных средств доказывания – и есть уголовное преследование⁴.

Рассматривая данную проблематику, А. Ф. Кучин приходит к выводу, что, действительно, современный законодатель возлагает на орган предварительного расследования обязанность одновременно выполнять функцию обвинения, защиты и разрешения дела по существу. Поэтому, вряд ли, возможно говорить об уголовном преследовании в «чистом виде»⁵.

Из анализа отдельных норм действующего уголовно-процессуального законодательства Таджикистана можно констатировать правовую конструкцию, сущность которой заключается в юридическом факте совершения преступления, обусловленная

¹ Джатиев, В. С. УПК РФ : шаг вперед или два шага назад? // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений. – М., 2005. – С. 16.

² Божьев, В. П. Состязательность на предварительном следствии. – С. 4–5; Михайловская, И. Б. Новый УПК РФ : изменение процессуальной формы // Проблемы обеспечения участников процесса по новому УПК РФ. – Саратов, 2003. – С. 11–31.

³ Баев, О. Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений : проблемы качества права и правоприменения. – М., 2009. – С. 100.

⁴ Уголовное преследование в стадии возбуждения уголовного дела // Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / отв. ред. И. С. Дикарев. – М., 2012. – С. 34.

⁵ Кучин, А. Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук. – С. 77.

вынесением должностным лицом органа расследования процессуального решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица в стадии возбуждения уголовного дела.

Уголовному преследованию может подвергнуться любое «лицо, подозреваемое в совершении преступления». Это частично подтверждается и ч. 1 ст. 46 УПК РТ. Таким образом, в этих случаях возбуждение уголовного дела будет означать начало уголовного преследования в форме подозрения.

Также следует отметить, что в ч. 1 ст. 26 УПК РТ «Обязанность осуществления уголовного преследования» абстрактно закреплены полномочия властных субъектов уголовного преследования, где указано о том, что уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела в каждом случае обнаружения события преступления. Возбуждение уголовного дела по факту совершенного преступления еще полностью не доказывает и не оправдывает обязанность реализации функции уголовного преследования. Было бы оправданным, с нашей точки зрения, в вышеизложенную норму УПК РТ добавить следующее словосочетание: «<...> возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица <...>»¹. Тем самым будет четко разграничиваться порядок возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица (уголовное преследование) с возбуждением уголовного дела по факту совершенного преступления.

Анализ норм УПК РТ в части, регламентирующей производство в стадии возбуждения уголовного дела, приводит к выводу о том, что работа по подготовке данного закона проводилась в отрыве от достижений уголовно-процессуальной науки, основанных в свою очередь на настоятельных требованиях практики. В настоящее время практически во многих научных работах встречаются различные мнения ученых-процессуалистов о сохранении или об отказе от стадии возбуждения уголовного дела. Анализируя уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, Л. В. Головкин приходит к следующему выводу: стадия возбуждения уголовного дела, с которой якобы должен начинаться уголовный процесс, представляет собой один из неудачных рудиментов советского уголовного процесса². Далее Л. В. Головкин приходит к выводу, что концептуальный уровень и характер обсуждения данных проблем отчетливо показывает, что Россия здесь, увы, не только отстает, но иногда и движется в неправильном направлении. Следует отметить, что в постсоветском пространстве от

¹ Приложение № 6 (проект Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в УПК РТ»).

² Головкин, Л. В. Казахстан : десоветизация уголовного процесса. Статья 1. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 4. – С. 11.

данной стадии впервые отказались законодатели Украины, которые в новом УПК Украины отразили всю суть данной новизны в уголовно-процессуальной деятельности органов расследования¹.

На наш взгляд, сохранение стадии возбуждения уголовного дела полностью соответствует традициям смешанного типа уголовного процесса России и Таджикистана с учетом однотипности характера построения системы уголовного судопроизводства.

Анкетирование субъектов правоприменения также выявило некоторые проблемы, обусловленные возбуждением уголовного дела, которые подтверждают выявленные недостатки в стадии возбуждения уголовного дела. На вопрос о том: «С чем, на Ваш взгляд, связаны проблемы осуществления уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела?», – прокуроры, следователи и дознаватели отвечали следующим образом: с несовершенством норм уголовно-процессуального законодательства – 35 %; с нарушением требований закона вследствие низкого уровня правосознания должностных лиц – 26 %; с недооценкой должностными лицами значимости процессуальных норм – 19 %; с неверной интерпретацией норм закона – 13 %; иное – 7 %. Большинство опрошенных отмечали, что в процессе возбуждения уголовных дел имеются определенные разногласия, противоречия с другими службами по возбуждению и ведению предварительного расследования уголовных дел.

Анкетирование респондентов показало, что правоприменительная практика создает сложные условия для реализации данных положений, поэтому часто имеют место ошибочные решения при возбуждении уголовного дела.

Проведенные исследования по вопросам возбуждения уголовного дела следственными аппаратами соответствующих министерств и ведомств РТ еще раз подтверждают данные показатели, которые указаны в приложении².

Также нами были изучены статистические данные ГИАЦ МВД России в рамках исследования. По данным ГИАЦ МВД России число рассмотренных заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, в процессе которых было принято решение о возбуждении уголовного дела, остается нестабильным. Только за последние семь лет ежегодно увеличивается количество рассмотренных жалоб и заявлений. Если, в 2006 г. было возбуждено 3262,6 тыс. уголовных дел; в 2007 г. – 2991,4 тыс. уголовных

¹ УПК Украины от 13.04.2012 г. № 4651–VI // Голос Украины. – 2012. – № 90–91. – 19 мая.

² Приложение 5 (сравнительная таблица о количестве возбужденных уголовных дел правоохранительными органами РТ за 2006-2012 г.); Общие сведения о состоянии преступности в Республике Таджикистан за 12 месяцев 2011–2012 гг. – Душанбе : ГИАЦ МВД РТ, 2012. – С. 41 и др.

дел; в 2008 г. – 2632,6 тыс. уголовных дел; в 2009 г. – 2445,5 тыс. уголовных дел; в 2010 г. – 2183,2 тыс. уголовных дел; в 2011 г. – 1982,4 тыс. уголовных дел и в 2012 г. – 1861,4 тыс. уголовных дел¹, что негативно сказывается на работе следственных органов. Данное состояние еще подтверждается и постановлениями об отказе в возбуждении уголовных дел. Только в 2012 г. из числа материалов по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения, направленных прокурору для получения согласия на возбуждение уголовного дела, прокурорами отказано в даче согласия на возбуждение уголовного дела в 1271 случаях², что еще раз подтверждает актуальность данной проблемы.

Безусловно, следует признать, что уголовно–процессуальная деятельность возникает в связи с возбуждением уголовного дела в отношении конкретного лица. Если отсутствует уголовное дело, нет и уголовно-процессуальной деятельности, при этом она имеет начало (возбуждение уголовного дела) и конец (исполнение приговора или прекращение уголовного дела). Каждое возбужденное уголовное дело порождает уголовно-процессуальную деятельность. В свою очередь уголовно-процессуальную деятельность осуществляют субъекты двух равноправных групп, которые с момента возбуждения уголовного дела призваны защищать и отстаивать свои интересы. Возбуждение уголовного дела и принятие его к своему производству следователем, дознавателем, прокурором влечет за собой уголовно-процессуальные действия, что приводит к возникновению уголовно-процессуальных правоотношений между властными субъектами уголовного процесса. Данные правоотношения возникают только при наличии уголовно-процессуальных прав и обязанностей.

Также в рамках настоящего исследования, несомненно, актуальным является вопрос, касающийся определения правового статуса субъектов уголовного судопроизводства, которые осуществляют уголовное преследование в досудебном производстве. Участники уголовного судопроизводства – это субъекты, наделенные определенными процессуальными правами и обязанностями и выполняющие определенную функцию в ходе процессуальной деятельности. Это государственные органы и должностные лица, наделенные властными полномочиями в процессе, а также граждане, которые могут участвовать в осуществлении уголовного преследования для

¹ Преступность и правонарушения. 2004-2008 гг. – М. : ГИАЦ МВД России, 2009. – С. 3; Состояние преступности в России (январь-декабрь 2009 г.). – М. : ГИАЦ МВД России, 2009. – С. 4; Состояние преступности в России (январь-декабрь 2010 г.). – М. : ГИАЦ МВД России, 2010. – С. 4; Состояние преступности в России (январь-декабрь 2011 г.). – М. : ГИАЦ МВД России, 2011. – С. 4.

² Состояние преступности в России (январь-декабрь 2012 г.). – М. : ГИАЦ МВД России, 2012. – С. 4.

защиты собственных интересов или представлять чьи-либо интересы, или привлекаться для оказания содействия правосудию.

Раздел II УПК РТ предусматривает и раскрывает всю процессуальную деятельность всех участников уголовного судопроизводства. В зависимости от особенностей процессуальных функций национальный законодатель разделил участников на группы: суд, осуществляющий функцию разрешения дела; участники, осуществляющие функцию уголовного преследования; участники, защищающие свои или представительские права и интересы; другие участники уголовного судопроизводства.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что к субъектам, осуществляющими функцию уголовного преследования, в соответствии с гл. 5 УПК РТ относятся: прокурор, руководитель специализированного органа по борьбе с коррупцией, начальник следственного подразделения, следователь, орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя. Согласно п. 19 ст. 6 УПК РТ, сторону обвинения представляют: прокурор (государственный обвинитель), потерпевший (частный обвинитель), гражданский истец, законные представители и представители потерпевшего и гражданского истца. Следовательно, законодательное определение функции уголовного преследования в качестве субъектов, реализующих уголовное преследование, предусматривает только прокурора, следователя и дознавателя.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что соответствующее конкретное определение субъектов уголовного преследования в досудебных стадиях отсутствует, где законодатель недостаточно внимательно определил функцию и назначение каждого участника, допустив тем самым разнобой в определении их статуса и полномочий. Названное обстоятельство диктует необходимость совершенствования УПК РТ.

Таким образом, субъектов уголовного преследования в досудебных стадиях производства, можно разделить на три группы. К первой группе относятся те субъекты уголовного судопроизводства, которые осуществляют уголовное преследование в силу своих служебных полномочий и являются должностными лицами специальных правоохранительных органов, уполномоченных осуществлять процессуальные действия и принимать решения, составляющие содержание функции уголовного преследования. Вторую группу представляют потерпевшие, частные обвинители, гражданские истцы, их представители. Основным отличием двух вышеуказанных групп субъектов уголовного преследования является осуществление данной функции в силу своих служебных обязанностей для первой группы субъектов, а для субъектов второй группы –

субъективным правом. Последние самостоятельно определяют объем функции уголовного преследования, а также используемые в этих целях средства, методы и способы осуществления. Третью группу субъектов, составляют сотрудники органов дознания, наделенные правом осуществления ОРД, которые в рамках механизма осуществления уголовного преследования осуществляют вспомогательную роль.

К субъектам уголовного судопроизводства, осуществляющим функцию уголовного преследования, УПК РФ в первую очередь относит прокурора. Процессуальное положение прокурора как субъекта уголовного судопроизводства имеет ряд специфических особенностей. Прежде всего, это общие особенности, характеризующие процессуальное положение прокурора на всем протяжении уголовного судопроизводства. Прокурор является главным субъектом осуществления уголовного преследования в досудебном производстве в рамках возбужденного уголовного дела и делит свои полномочия по осуществлению данной процессуальной функции с органами дознания и предварительного следствия лишь постольку, поскольку это диктуется колоссальным объемом работы по установлению фактических обстоятельств совершенных преступлений. В процессе возбуждения уголовного дела именно прокурору и только ему принадлежит решающее слово в вопросе о начале уголовного преследования путем возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица и о привлечении в качестве подозреваемого и (или) обвиняемого по уголовному делу данного лица. Такие вопросы разрешаются только с согласия прокурора.

Одновременно в УПК РФ созданы возможности непредвзятой и беспристрастной реализации полномочий прокурора, как по осуществлению уголовного преследования, так и по надзору за законностью и обоснованностью решений, а также по осуществлению иной процессуальной деятельности должностными лицами следственных органов и органов дознания в досудебном производстве. Так, прокурор наряду с уголовным преследованием осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов расследования. Прокурор вправе и обязан вносить представления на незаконные и необоснованные судебные решения в вышестоящий суд, требуя оправдания незаконно осужденного и т.д. Все перечисленные полномочия могут рассматриваться в качестве самостоятельных направлений деятельности прокурора как субъекта уголовного судопроизводства, что тем не менее не делает их самостоятельными уголовно-процессуальными функциями.

Всецело соглашаемся с высказыванием А. Г. Халиулина, который утверждает, что абсолютное большинство уголовных дел возбуждается не прокурором, а органами следствия и дознания. В то же время возбуждение уголовного дела прокурором имеет

свои особенности. Они прежде всего связаны с тем, что именно прокуроры чаще, чем иные органы предварительного следствия и дознания, возбуждают уголовные дела в отношении конкретных лиц, т.е. с момента начала расследования приступают к осуществлению уголовного преследования¹. Однако мнение А. Г. Халиулина в настоящее время не относится к органам прокуратуры России, но приемлемо к прокурорской деятельности в Таджикистане.

Таким образом, уголовное преследование, осуществляемое прокурором, – многофакторное, многостадийное, имеющее сложную структуру правовое явление. И оно не заканчивается вынесением и вступлением в законную силу обвинительного приговора, а продолжается и в последующих стадиях уголовного процесса. Такой вывод в свою очередь находит подтверждение в ст. 36 УПК РТ, где закреплено, что прокурор осуществляет уголовное преследование на всех стадиях уголовного процесса.

Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела и реализация им функции уголовного преследования в настоящее время стала одной из острых дискуссионных проблем науки уголовного процесса. Существенным образом были урезаны полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования в РФ. Последние изменения и дополнения в УПК РФ, по мнению А. П. Кругликова, вернули прокурору некоторые его полномочия в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, которых он был необоснованно лишен². Рассматривая вопрос о полномочиях прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства РТ, нельзя не обратить внимания еще на одно важное обстоятельство: в досудебном производстве прокурор является руководителем уголовного преследования.

Также в перечне субъектов уголовного преследования из числа закрепленных в гл. 5 УПК РТ указывается и начальник следственного подразделения. Необходимо отметить, что в п. 13 ст. 6 УПК РТ данный субъект именуется как начальник подразделения расследования, хотя в ст. 38 УПК РТ речь идет о начальнике следственного подразделения.

Являясь субъектом уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных правоотношений, следователь действует главным образом в стадии предварительного расследования преступлений. Значительно меньший объем его полномочий составляет участие в стадии возбуждения уголовного дела. Новым УПК РТ следователь лишен права самостоятельно возбуждать уголовные дела, но за ним

¹ Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ. – С. 158.

² Кругликов, А. П. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования // Законность. – 2012. – № 1. – С. 12.

оставлено право участвовать в данном процессе. Поэтому не позднее 3-х суток со дня поступления сообщения о преступлении при выявлении в нем признаков готовящегося, совершенного или совершившегося преступления следователь обязан вынести постановление о возбуждении уголовного дела и незамедлительно направить его прокурору для получения согласия на возбуждение уголовного дела.

В стадии возбуждения уголовного дела полномочия следователя вытекают из положений, предусмотренных ст. 140–150 УПК РТ. Полномочия следователя по реализации функции уголовного преследования в общем виде регламентированы в п. 13 ч. 1 ст. 39 УПК РТ. Функция уголовного преследования, реализуемая следователем, является предметом большого количества научных исследований¹. На следователя в полной мере распространяются положения, относящиеся к субъектам уголовного судопроизводства, реализующих уголовное преследование.

В свою очередь другим субъектом, осуществляющим функцию уголовного преследования в досудебном производстве, считаются органы дознания. В пределах своей компетенции органы дознания участвуют в досудебном производстве по уголовным делам, т.е. при осуществлении ими производства в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования преступлений.

Непосредственными задачами органов дознания во взаимодействии с другими сотрудниками правоохранительных органов по реализации функции уголовного преследования являются: выявление лиц, совершивших преступления; принятие мер по раскрытию, установлению и изобличению лиц, виновных в совершении преступлений; обеспечение правильного применения закона в досудебном производстве по уголовным делам; принятие предусмотренных законом мер к тому, чтобы выявленные в совершении преступлений лица были подвергнуты справедливому наказанию; никто из невиновных не был привлечен к уголовной ответственности и осужден; заключения под стражу, привлечения к уголовной ответственности либо необоснованного применения к ним иных мер процессуального принуждения; предупреждение, выявление и пресечение коррупции в правоохранительных органах; обеспечение безопасности деятельности должностных лиц правоохранительных органов, их защита от противоправных посягательств при исполнении должностных обязанностей.

Для установления правового положения органов дознания на стадиях досудебного производства по уголовному делу важно иметь в виду, что кроме производства дознания

¹ *Ларин, А. М. Я – следователь.* – М., 1991. – С. 16; *Тишковец, Е. И. Следователь как субъект уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук.* – Воронеж, 2003. – С. 4–5 и др.

по уголовному делу как формы предварительного расследования и обладания в связи с этим рядом процессуальных полномочий на органы дознания возлагается осуществление ОРД. Данная деятельность представляет собой самостоятельную функцию органов дознания. Ее правовые основы устанавливаются как УПК РФ, так и иным, специальным законодательством. Отнесение оперативных сотрудников к числу субъектов, осуществляющих функцию уголовного преследования в досудебном производстве, является неоправданным, так как оперативные сотрудники привлекаются к «участию» в осуществлении функции уголовного преследования только по поручению следователя, дознавателя или лица, в производстве которого находится уголовное дело, и только для установления «причастности» лица к совершенному преступлению.

Результаты ОРД играют большую роль и тем самым создают условия для применения в отношении определенного контингента лиц тех или иных мер уголовно-процессуального принуждения (задержание подозреваемого и т.д.), а в конечном счете служат основанием для начала реализации функции уголовного преследования в досудебном производстве.

Следующим самостоятельным субъектом уголовного преследования согласно гл. 5 УПК РФ является начальник подразделения дознания. Введение процессуальной фигуры начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве РФ обусловлено потребностью повышения уровня процессуального контроля за расследованием уголовных дел в форме дознания. Правовая природа статуса начальника подразделения дознания, так же как и начальника следственного подразделения, определяется выполняемыми ими управленческими функциями.

В соответствии с гл. 5 УПК РФ субъектом уголовного преследования является дознаватель. Дознаватель – должностное лицо органа дознания, правомочное осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (ч. 3 ст. 41). Круг процессуальных полномочий дознавателя, предоставленных ему УПК РФ, значительно расширен по сравнению с УПК РФ (в ред. 1961 г.). Во многом его права и обязанности идентичны правам и обязанностям следователя. Тем не менее, процессуальная самостоятельность дознавателя существенным образом ограничена.

В реализации функции уголовного преследования также может принимать участие потерпевший (ст. 42 УПК РФ). В соответствии со ст. 25 УПК РФ потерпевшему предоставлено право на участие в уголовном преследовании. Правовое положение потерпевшего по УПК РФ (в ред. 1961 г.) вызывало острую необходимость в наделении потерпевшего правами и обязанностями, которые позволяли бы ему самым активным

образом эффективно участвовать в защите своих нарушенных преступлением прав и законных интересов и в этих же целях принимать самое полноценное активное участие в осуществлении уголовного преследования.

В силу того что результатом преступления зачастую становится причиненный физическим или юридическим лицам материальный ущерб, который необходимо возмещать, в уголовном преследовании могут принимать участие гражданские истцы и их представители, наделенные в этих целях определенными полномочиями (ст. 44 и 45 УПК РТ). Соответственно в силу сложившихся обстоятельств данные субъекты в пределах возможного реализуют функцию уголовного преследования в досудебном производстве.

Частным обвинителем является лицо, подавшее в суд заявление в порядке, определенном УПК РТ, и поддерживающее обвинение в суде, а также потерпевший, поддерживающий обвинение в суде в случае отказа государственного обвинителя от обвинения (п. 2 ст. 6, ч. 1 ст. 43 УПК РТ). Вопрос о моменте возникновения у лица статуса частного обвинителя в УПК РТ урегулирован противоречиво. Согласно ч. 1 ст. 354 УПК РТ дела частного обвинения возбуждаются пострадавшим или его законным представителем путем подачи в суд заявления о привлечении лица к уголовной ответственности. Между тем в ч. 5 ст. 354 УПК РТ указано, что с момента принятия судом заявления к своему производству лицо, его подавшее, является частным обвинителем. При этом получение лицом статуса частного обвинителя в связи с подачей им заявления или в связи с принятием его судом к производству – полагаем, это разные условия наделения лиц статусом субъекта уголовного судопроизводства. Устранение данной правовой коллизии должно быть решено посредством изложения п. 2 ст. 6; ч. 1 ст. 43 УПК РТ в новой редакции:

«Частным обвинителем является лицо, подавшее в суд заявление о возбуждении уголовного дела частного обвинения в отношении конкретного лица, принятое судом к производству, и которое поддерживает обвинение в суде в случае отказа государственного обвинителя от обвинения»¹.

Само существование гражданского истца в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства вызывает значительные сомнения. Его наличие было целесообразно ранее, когда потерпевшим признавалось лишь физическое лицо (ст. 54 УПК РТ в ред. 1961 г.), а гражданский иск мог предъявляться и с целью компенсации вреда, причиненного юридическому лицу. В настоящее же время в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РТ потерпевшим признается и юридическое лицо в случае причинения вреда

¹ Приложение № 6 (проект Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в УПК РТ»).

его деловой репутации. Поэтому статусы потерпевшего и гражданского истца полностью совпадают, как и совпадает осуществляемая ими функция уголовного преследования в части, касающейся гражданского иска.

В юридической литературе также высказывается мнение о передаче прав и обязанностей в части, касающейся гражданского иска, потерпевшему, его законному представителю и представителю¹. Проблема участия потерпевшего в уголовном преследовании является одной из актуальных проблем. Рассматривая данную проблематику, А. Р. Белкин утверждает, что в ст. 22 УПК РФ право потерпевшего на уголовное преследование неоправданно ущемлено и сужено, а также ст. 22 и 318 УПК РФ противоречат друг другу, поскольку ст. 318 не предусматривает возможности подачи заявления мировому судье через представителя потерпевшего, это только допустимо для законного представителя². В свою очередь, этими недостатками и грешит ст. 354 УПК РТ. Для устранения этих пробелов нами предлагаются поправки к ст. 22 и 318 УПК РФ³ и к ст. 25⁴ и 354 УПК РТ.

В этой связи, возбуждение уголовного дела есть первоочередный этап уголовного преследования, которое охватывает процессуальные действия по установлению основания для возбуждения уголовного дела и принятию законного процессуального решения. То, что реализация уголовного преследования по фактам очевидных преступлений начинается с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретных лиц, не вызывает сомнений и находит свое непосредственное подтверждение в самом законодательстве.

О том же говорят нормы МУПК стран СНГ (ст. 31, 33–38), УПК РТ (ст. 24–32) и УПК РФ (ст. 20–25, 27, 28), положения относительно начала (возбуждения), осуществления и прекращения уголовного преследования, а также отказа от него. По смыслу названных норм компетентные органы или их должностные лица обязаны возбудить уголовное преследование (производство), получив сведения о готовящемся или совершенном преступлении либо непосредственно обнаружив преступное событие.

¹ Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ. – С. 58.

² Белкин, А. Р. Еще раз об уголовном преследовании и о соотношении публичного и частного начал в уголовном процессе. – С. 85.

³ Приложение № 7 (проект Федерального закона РФ «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ»).

⁴ Приложение № 6 (проект Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в УПК РТ»).

Критически относясь к постановлениям КС РФ, В. П. Божьев отмечает, что Суд без достаточных к этому оснований фактически приравнял уголовное преследование к возбуждению уголовного дела (см. п. 6 Постановления КС РФ от 28 ноября 1996 г.)¹.

Итак, резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что начиная с истории возникновения стадии возбуждения уголовного дела и до настоящего времени среди высказываний и мнений ученых-процессуалистов нет единого общепринятого понятия. В законодательных нормах не было никаких разграничений в определении понятий «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования». Следовательно, в понятие «возбуждение уголовного преследования» законодатель того времени вкладывал смысл возбуждения уголовного дела.

Кроме того, некоторые авторы полагают, что понятием «уголовное преследование» также охватывается и процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела. Отдельные ученые-процессуалисты реализацию функции уголовного преследования связывают с появлением подозреваемого или обвиняемого в уголовном деле². Возражая против данного утверждения, А. П. Кругликов отмечает, что уголовное преследование ведется в отношении лица, совершившего преступление, и тогда, когда в уголовном деле еще нет ни подозреваемого, ни обвиняемого. Уголовное преследование на стадии возбуждения уголовного дела заключается в принятии предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством мер по каждому заявлению или сообщению о преступлении, по любому другому из поводов для возбуждения уголовного дела с целью обнаружения и закрепления следов преступления, установления и изобличения лиц, виновных в его совершении, привлечения этих лиц к уголовной ответственности³.

Другие же ученые связывают осуществление функции уголовного преследования с вынесением постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, проведением

¹ КС РФ в своих постановлениях употребляет формулировку «возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом», т.е. не отождествляет понятия «возбуждение уголовного преследования» и «формулирование обвинения» (как известно, первым актом обвинения является постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого). Более того, КС РФ считает, что «актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и создаются правовые основания для последующих процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда» // СЗ РФ. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.

² Ковтун, Н. Н., Кузнецов, А. П. Сущность и содержание функции уголовного преследования в уголовном процессе России // Российский судья. – 2004. – № 6. – С. 29; Вольнская, О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования. – М., 2007. – С. 64; Божьев, В. П. Состязательность на предварительном следствии. – С. 4–5; Михайловская, И. Б. Новый УПК РФ : изменение процессуальной формы. – С. 11–31.

³ Кругликов, А. П. Уголовное преследование : сущность, значение и защита от него // Мат-лы II Межвуз. науч. – практ. конф. – Волгоград, 2000. – С. 64.

первых мер процессуального принуждения (задержание подозреваемого, меры пресечения) или со следственными действиями.

Между тем возбуждение уголовного дела всегда является начальным моментом процедуры реализации функции уголовного преследования, когда на данном этапе в рамках возбужденного уголовного дела присутствуют подозреваемый или обвиняемый.

Согласно результатам проведенного анкетирования практических сотрудников по вопросу начального момента реализации функции уголовного преследования свыше 21 % из них считают, что с момента поступления заявления или сообщения о признаках преступления; 55 % – с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица; 16 % – с момента возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления, а затем только лишь 8 % – с момента проведения первых процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина¹. Именно на досудебных стадиях уголовного судопроизводства сведения, которые первоначально являлись лишь фактическими данными о совершенном конкретным лицом противоправном деянии, впервые приобретают процессуальное оформление в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, которые имеют принципиальное значение в дальнейшем изобличении конкретного лица.

В целом, подытоживая анализ, следует обратить внимание законодателя на утверждение автора о необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан положения о сущности правовой конструкции функции уголовного преследования в досудебном производстве, которая должна заключаться в юридическом факте совершения преступления и быть связанной с началом ее реализации путем принятия должностным лицом органа расследования процессуального решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица аналогично п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, которая регламентирует начало реализации функции уголовного преследования с момента возбуждения уголовного дела в отношении лица.

Поэтапно в рамках исследования разработана авторская классификация субъектов, осуществляющих уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан, которую составляют:

– государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное преследование в силу своих служебных полномочий: прокурор, начальник следственного подразделения, следователь, начальник подразделения дознания и дознаватель, отнесенные к стороне обвинения;

¹ Приложение № 4 (о результатах опроса следователей органов прокуратуры, дознавателей и следователей системы МВД РТ).

– потерпевший (частный обвинитель), его законный представитель и представитель, гражданский истец, его законный представитель и представитель, также участвующие в уголовном преследовании на стороне обвинения. В отличие от положений ч. 7 ст. 246 УПК РФ уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан предоставляет потерпевшему право участвовать в уголовном преследовании лица, в случаях отказа государственного обвинителя от обвинения (ч. 10-11 ст. 279 УПК РТ).

В свою очередь, должностные лица органов дознания, наделенные правом осуществления ОРД, к числу субъектов, реализующих функцию уголовного преследования в досудебном производстве Республики Таджикистан, в отличие от Российской Федерации, отнесены быть не могут. Процессуальную деятельность они вправе осуществлять лишь по поручению следователя, дознавателя или должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, и только в целях установления причастности лица к совершенному преступлению. Такая деятельность является вспомогательной по отношению к уголовному преследованию, осуществляемому уполномоченными на то законом должностными лицами.

§2. Реализация функции уголовного преследования в процессе производства предварительного расследования

По уголовно-процессуальному законодательству РТ основными формами досудебного производства по уголовным делам являются предварительное следствие и дознание (гл. 19 и 20 УПК РТ). Ко всему этому еще и добавилось ускоренное производство (гл. 46).

Ускоренное производство как форма уголовного преследования заменила существовавшую до этого протокольную форму досудебной подготовки материалов, которая была закреплена в нормах предшествующего УПК РТ (гл. 34, ст. 406–412, в ред. 1961 г.). Этому институту уголовно-процессуального права посвящена отдельная глава (ст. 453–460 УПК РТ). Действие ст. 453 распространяется на 17 составов преступлений, предусмотренных в нормах Особенной части УК РТ.

В основном это преступления небольшой и средней тяжести¹. В настоящее время ускоренное производство является по своей сути дознанием с сокращенным сроком, но с правом производить в предусмотренных случаях предварительное следствие. Ускоренное производство должно быть закончено не позднее 10 суток со дня поступления в орган дознания заявления или сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору (ст. 454).

По нашему мнению данное нововведение является ничем иным, как процессуальным порядком обеспечения и соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства при производстве по уголовным делам.

Приходится констатировать, что применительно к уголовно-процессуальному праву наибольшее распространение получил механический перенос (без уточнения и наполнения содержанием) норм международного права в нормативно-правовые акты. Однако, что касается понятия разумных сроков производства по уголовному делу, то

¹ Ускоренное производство осуществляется в случаях, когда факт преступления очевиден, известно лицо, подозреваемое в совершении преступления, и оно не отрицает своей причастности к совершению преступления, орган дознания немедленно приступает к ускоренному производству. При ускоренном производстве до возбуждения уголовного дела в течение семи суток орган дознания получает объяснения от лица, совершившего преступление, очевидцев и других лиц об обстоятельствах совершенного преступления, истребует справку о наличии или отсутствии судимости у лица, совершившего преступление, характеризующие данные о личности и другие материалы, имеющие значение для рассмотрения дела в судебном заседании (ч. 3 ст. 453 УПК РТ).

данное понятие до сих пор не имплементировано в уголовно-процессуальное законодательство РТ, тем самым еще не получило соответствующего содержания.

Подтверждением сказанному является то, что при поступлении от органа дознания уголовного дела, законченного в порядке ускоренного производства, прокурор или его заместитель обязаны в срок не более 24 часов проверить это дело и по основаниям, и в порядке, предусмотренном ст. 247–250 УПК РТ, принять решение по отношению к нему (ст. 456 УПК РТ). Также хочется подчеркнуть, что в рамках ускоренного производства в случаях, специально предусмотренных УПК РТ, может вестись как и дознание, так и предварительное следствие.

Дознание по уголовным делам о преступлениях, перечисленных в ст. 453 УПК РТ, производится органом дознания по общим правилам УПК в случаях :

- возбуждения начальником органа дознания уголовного дела, если в течение семи суток невозможно выяснить существенные обстоятельства совершения преступления;
- возвращения прокурором уголовного дела, законченного в порядке ускоренного производства, для производства дознания;
- невозможности в течение трех суток выполнить процессуальные действия, предусмотренные ст. 453 УПК РТ. В случаях, предусмотренных УПК РТ, дознание должно быть закончено не позднее 20 суток со дня возбуждения или возвращения уголовного дела прокурором законченного в порядке ускоренного производства, для дальнейшего производства дознания (ст. 457).

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных в ст. 453 УПК РТ, если они совершены несовершеннолетними, а также о предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяниях невменяемых или лиц, заболевших психической болезнью после совершения преступления. Предварительное следствие должно быть закончено не позднее чем в месячный срок со дня возбуждения уголовного дела (ст. 458 УПК РТ).

По поступившему от прокурора в суд уголовному делу судья проводит подготовительные действия и принимает решения в соответствии с правилами гл. 31 УПК РТ. Решение по уголовному делу должно быть принято судьей не позднее пяти суток со дня поступления дела в суд (ст. 459 УПК РТ), но рассмотрение уголовного дела в судебном заседании судьей проводится по общим правилам судебного разбирательства (ст. 460 УПК РТ).

К сожалению, после принятия УПК РТ и введения ускоренного производства по некоторым категориям уголовных дел все еще чувствуется слабая проработанность данного нововведения и апробирование его практикой. Вызывает сомнение срок ускоренного производства, которое должно быть закончено не позднее десяти суток со

дня поступления в орган дознания заявления или сообщения о преступлении до передачи уголовного дела с обвинительным заключением (актом) прокурору.

По нашему мнению ускоренное производство по некоторым признакам имеет много общего с досудебным соглашением о сотрудничестве. Тем самым уголовное преследование при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением в уголовном судопроизводстве Таджикистана уместно заменить ускоренным производством, но только по отношению к тем преступлениям, которые предусмотрены в ст. 453 УПК РТ.

Упрощенные (ускоренные) процедуры уголовного судопроизводства приобретают все большую популярность. Так, казахстанский ученый-процессуалист А. А. Касимов предлагает следующие необходимые условия для применения ускоренного порядка судопроизводства:

- преступление подпадает под категорию преступлений небольшой тяжести;
- по решению прокурора, принимаемому в стадии предания суду, к обвиняемому с учетом данных о его личности, обстоятельств совершения преступления применимы предельные санкции;
- преступление носит очевидный характер, лицо застали с поличным при совершении преступления;
- лицо полностью признало себя виновным в совершении преступления;
- оно не оспаривает собранных по делу доказательств;
- подсудимый не возражает против ускоренного рассмотрения его дела в суде;
- за совершение данного преступления не может быть назначено уголовное наказание свыше 3 месяцев ареста¹.

Упрощенный порядок судопроизводства (ускоренное правосудие) также имеет место в российском уголовном процессе.

Как отмечает А. И. Макаркин, дифференциация в виде упрощенных форм свойственна и построзыскному процессу России (дознание, протокольная форма, сокращенное судебное следствие), и предостыкательному процессу США (сделки о признании вины).

С. В. Горлова, раскрывая понятие ускоренного производства по уголовным делам, выделяет следующие формы уголовного преследования:

- а) по делам частного обвинения;
- б) по делам небольшой тяжести;

¹ Касимов, А. А. Судебная власть : уголовно-процессуальное исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Караганда, 2001. – С. 10.

в) возможность вынесения приговора без проведения судебного разбирательства (при согласии подсудимого);

г) упрощенное производство при производстве по уголовным делам несовершеннолетних;

д) упрощенный порядок по делам об общественно опасных деяниях невменяемых¹.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что по общим правилам ускоренное производство в уголовном судопроизводстве РТ выступает в качестве сокращенной формы дознания и как одна из форм осуществления уголовного преследования в досудебном производстве, который в свою очередь будет выступать механизмом эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина, упрощению производства отдельных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве.

Основной формой предварительного расследования в Таджикистане является предварительное следствие. В настоящее время правом производства предварительного следствия в РТ наделены следующие государственные органы: Генеральная прокуратура, МВД, ГКНБ, АKN РТ, АГФКБК (ч. 1 ст. 159 УПК РТ).

Предварительное следствие по уголовным делам производится в соответствии с определенной УПК РТ подследственностью. Принадлежность следователей к тому или иному ведомству не сокращает их полномочий, а скорее способствует наиболее полному, быстрому и объективному расследованию уголовных дел. Такое построение следственных органов должно носить организационно-целенаправленный характер.

В соответствии со ст. 160 УПК РТ производство предварительного следствия обязательно по всем уголовным делам, за исключением дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или лицами, которые в силу своих психофизиологических недостатков не могут самостоятельно защищать свои права.

Таким образом, предварительное следствие, являясь одной из форм досудебного производства, представляет собой подготовку материалов, обеспечивающих возможность рассмотрения уголовного дела в суде. В ходе предварительного следствия, как известно, не решается вопрос о виновности лица. Никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу (ч. 1 ст. 20 Конституции РТ). Однако это не умаляет его значения, на предварительном следствии вполне возможно окончательное разрешение уголовного дела в форме прекращения производства по основаниям, предусмотренным ст. 27–32 и ч. 1 ст. 234 УПК РТ. Данные основания

¹ Горлова, С. В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006. – С. 150–151.

аморфно закрепляют процесс прекращения уголовного дела в отношении лица по аналогии со ст. 27 УПК РФ.

Правом на производство отдельных следственных действий или предварительного следствия в полном объеме наделяется прокурор через призму осуществления функции уголовного преследования (ч. 1 ст. 36 УПК РТ) и начальник следственного подразделения, которые в специально предусмотренных случаях пользуются правами следователя (ч. 1 ст. 38 УПК РТ).

Расследование преступлений для органов предварительного следствия является главной функцией, основной задачей, содержание которой состоит в быстром и полном раскрытии преступлений, всестороннем, беспристрастном и объективном расследовании уголовных дел, своевременном привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, выявлении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и принятии мер к их устранению (ст. 178 УПК РТ). Аналогичная норма была закреплена в ст. 16 УПК РТ (в ред. 1961 г.) и ст. 21 УПК РСФСР.

Как показывает практика, основная нагрузка как по расследованию уголовных дел, так и по разрешению материалов и заявлений лежит на следователе. Независимо от ведомственной принадлежности следователей все они в своей правоприменительной практике руководствуются едиными процессуальными правилами производства предварительного следствия, установленными УПК РТ. Эти правила обязательны также для прокурора и начальника следственного подразделения, принявшего уголовное дело к своему производству.

Следует отметить, что в Таджикистане прокурор вправе принять к своему производству следствие по любому уголовному делу, кроме дел, указанных в ч. 7 и 8 ст. 161 УПК РТ (ч. 2 ст. 159). Это предварительное следствие по делам коррупционного характера, где предварительное расследование проводится следователями специализированного органа по борьбе с коррупцией.

На следователя возложена обязанность принимать меры по всестороннему, беспристрастному и объективному расследованию уголовных дел и он наделяется достаточно широкими полномочиями (ч. 1 ст. 39 УПК РТ). Следователь уполномочен возбуждать уголовные дела, принимать в производство уголовное дело и осуществлять (проводить) следственные действия, самостоятельно принимать решения по уголовному делу, кроме случаев, когда требуется согласие прокурора или разрешение суда, своевременно завершать производство уголовного дела, принимать решения по привлечению лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, определению объема обвинения, прекращать производство по уголовному делу или направлять в

предусмотренном порядке в суд. В случае несогласия с указаниями прокурора он вправе предоставить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений, знакомиться в соответствии с законодательством с оперативно-розыскными материалами органов дознания, относящимся к расследуемому делу, давать письменные поручения и указания сотрудникам органов дознания о производстве оперативных и следственных действий, исполнение которых обязательно, и требовать от них содействия в производстве следственных действий, выносить обвинение лицам, в отношении которых собрано достаточно подтверждающих доказательств о совершении ими преступления, и в определенном УПК РФ порядке избирать меру пресечения. В частности, в ч. 1 п. 13 ст. 39 УПК РФ прямо указано, что следователь уполномочен осуществлять уголовное преследование и предоставлять дело с обвинительным заключением прокурору.

По УПК РФ (гл. 5) прокурор, начальник следственного подразделения, следователь и лицо, производящее дознание, отнесены к кругу субъектов, осуществляющих уголовное преследование. А в главе, посвященной участникам уголовного судопроизводства, которые осуществляют уголовное преследование, указывается на них как на обвинителей.

В ст. 6 УПК РФ, где раскрываются основные понятия, используемые в законе, следователь указан как должностное лицо, уполномоченное в установленных законом пределах осуществлять предварительное следствие по уголовным делам. Однако его полномочия рассматриваются в рамках главы, посвященной лицам, осуществляющим уголовное преследование, что не в полной мере раскрывает его назначение и выполняемые им функции в уголовном судопроизводстве. Среди процессуалистов на этот счет имеются различные мнения относительно функции следователя в уголовном процессе.

По мнению О. Я. Баева, функцией следователя является уголовное преследование и ничто иное¹.

По утверждению А. А. Мухиддинова, следователь осуществляет следующие процессуальные функции: 1) рассмотрение и разрешение заявлений и сообщений о преступлении; 2) выяснение обстоятельств дела; 3) обвинение в совершении преступления; 4) ограждение граждан от необоснованного обвинения в совершении преступления; 5) обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и исполнения приговора в части конфискации имущества; 6) пресечение

¹ Баев, О. Я. Новации норм доказательственного права в УПК РФ 2001 г. и проблемы их реализации // Мат-лы Межд. науч. конф. – Воронеж, 2002. – С. 22.

преступлений и принятие мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления; 7) розыск обвиняемых и их имущества¹.

С такими выводами А. А. Мухиддинова трудно согласиться, поскольку данная работа была подготовлена и издана еще до принятия нового УПК РТ и тем самым не содержит многих положительных моментов, которые в настоящее время, предусмотрены в УПК РТ.

Конечно, действия следователя направлены именно на выявление лица, совершившего преступление, а не на установление нейтральных для дела обстоятельств. Но по закону эта деятельность не должна быть обвинительной. Расследование должно вестись объективно и всесторонне. В ч.1 ст.21 УПК РТ прямо указывается на обязанности следователя и других властных субъектов, уполномоченных расследовать уголовные дела: принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства.

Предварительное следствие, как и судебное, состоит во всестороннем, не связанном никакой предустановленной позицией в исследовании обстоятельств, имеющих значение для дела, для того, чтобы на основе собранного полного и достоверного доказательственного материала сделать правильные выводы.

Учитывая континентальную систему построения уголовного процесса России и Таджикистана, внедрение состязательности на предварительном следствии и отнесение следователя к стороне обвинения может поставить под сомнение объективность расследования по уголовному делу.

По нашему мнению, нецелесообразно относить прокурора, начальника следственного подразделения, следователя и дознавателя к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения: это прямо противоречит требованиям всесторонности, полноты и объективности расследования уголовного дела, которая установлена как один из основных, центральных принципов уголовного процесса (гл. 2 ст. 21 УПК РТ).

Следует отметить, что следователь и прокурор в предварительном следствии осуществляют уголовное преследование. Следователь является органом уголовного преследования в силу того, что он привлекает определенное лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого и собирает в отношении них изобличающие

¹ Мухиддинов, А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах РТ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – С. 12.

доказательства. Прокурор на предварительном следствии является органом уголовного преследования в силу того, что он руководит предварительным следствием и осуществляет надзор за его проведением, а равно сам возбуждает уголовное преследование, дает следователю указания о его проведении, а иногда и сам непосредственно ведет предварительное следствие по тому или иному уголовному делу.

Уголовное преследование – основная функция, осуществляемая следователем и прокурором на предварительном следствии. В настоящее время встречаются мнения некоторых таджикских ученых–процессуалистов, утверждающих, что осуществление прокурором уголовного преследования есть метод, способ¹, с которым мы не согласны. Возбуждение уголовного дела и производство предварительного следствия возможны тогда, когда имеются достаточные данные о совершенном (или готовящемся) преступлении. Поэтому деятельность следователя, как и осуществляющего надзор и руководство следствием прокурора, направлена на то, чтобы раскрыть преступление, обнаружить и изобличить лицо, совершившее преступление. Следователь обязан принять все меры, произвести все действия, собрать и проверить все доказательства, для того чтобы обнаружить и изобличить лиц, действительно совершивших преступление, доказать их виновность.

Процессуальное положение дознавателя напоминает процессуальное положение следователя, но не тождественно ему. Так, если по каждому уголовному делу следователь самостоятельно, в силу занимаемой им должности в следственном органе, использует свои процессуальные полномочия, установленные законом, то в отличие от этого процессуальные полномочия органа дознания по конкретному уголовному делу дознаватель вправе использовать лишь после того, как начальник органа дознания примет решение о возложении на дознавателя этих полномочий (ч. 3, 4 ст. 41 УПК РТ). Дознаватель по поручению начальника подразделения дознания в случаях, не терпящих отлагательства, обязан возбуждать уголовное дело, в отношении которого обязательно производство предварительного следствия, проводить неотложные следственные действия и принимать оперативно-розыскные меры и сообщать об этом прокурору и в органы предварительного следствия в течение 24 часов (ч. 4).

Дознание как форма предварительного расследования является процессуальной деятельностью и состоит из производства дознавателем под руководством и контролем

¹ *Искандаров, З. Х.* Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан : автореф. дис ... д-ра юрид. наук. – С. 10–11, 33–34; *Его же.* Роль прокурора на стадии предварительного расследования в уголовном процессе Республики Таджикистан // Мат-лы Межд. науч. конф. – Peter lang, 2012. – С. 280.

начальника органа дознания, прокурора следственных действий и принятии процессуальных решений в порядке, определенном УПК РФ, для выявления и раскрытия преступлений, изобличения этих лиц, привлечения данных лиц к уголовной ответственности в качестве обвиняемых и подготовки материалов для судебного рассмотрения уголовных дел. Дознание осуществляется дознавателями до полного исследования обстоятельств совершенных преступлений, отнесенных к подследственности органов дознания.

Весьма сложным является вопрос о соотношении уголовного преследования и расследования преступлений. Необходимо отметить, что вопрос о соотношении понятий «функция уголовного преследования» и «функция предварительного расследования» является в теории уголовного процесса дискуссионным. Ряд авторов вообще полагают, что функция предварительного расследования исключает необходимость в использовании функции уголовного преследования в научном обороте¹.

Так, А. П. Лобанов утверждает, что расследование по уголовному делу представляет одну из уголовно-процессуальных функций, охватывающую деятельность следователя, органа дознания, прокурора с момента возбуждения уголовного дела и до направления его прокурору или вынесения постановления о прекращении уголовного дела. Но предварительное расследование как процессуальная функция, по его мнению, может рассматриваться при функционально–структурном анализе уголовного судопроизводства, при ином методологическом подходе, ином способе функционального структурирования системы уголовно-процессуальной деятельности, когда не стоит задача исследования функции защиты и противоположной ей функции уголовного преследования².

По мнению Р. К. Досанова, предварительное расследование можно рассматривать как форму осуществления уголовного преследования в досудебном производстве³. Наиболее лояльный подход предпринят А. Г. Халиулиным при определении соотношения двух вышеуказанных понятий – уголовного преследования и предварительного расследования.

Как им отмечается, расследование преступлений следует считать самостоятельной уголовно-процессуальной функцией, и в некотором смысле понятие «расследование»

¹ Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ. – С. 17–18; Джатиев, В. С. Обвинение и защита // Российская юстиция. – 1995. – № 3. – С. 17.

² Лобанов, А. П. Функции уголовного преследования и защиты в досудебном производстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1996. – С. 22–23.

³ Досанов, Р. К. Уголовное преследование по законодательству РФ и РК : дис. ... канд. юрид. наук. – С. 61–63.

действительно шире, чем понятие «уголовное преследование»¹, поскольку расследование имеет место и до того момента, как какое-либо лицо становится подозреваемым либо обвиняемым. Расследование может закончиться и без возбуждения уголовного преследования в отношении конкретного лица, например, когда уголовное дело было возбуждено по факту какого-либо события, содержащего признаки преступления, но затем прекращено за отсутствием события преступления.

Многие авторы рассматривают расследование уголовного дела в качестве уголовно-процессуальной функции. Непосредственное отношение этот вопрос имеет и к теории уголовно-процессуальных функций. В юридической литературе этот вопрос обсуждается уже почти полвека. Подобную позицию занимает КС РФ. Так, в своем постановлении от 14 января 2000 г. № 1–П КС РФ указал на то, что уголовное преследование на досудебной стадии процесса считается равнозначным расследованию преступлений². В этой части трудно согласиться с такой позицией, так как уголовный процесс по своей структурной логике не является обвинительным, или же следует принимать то обстоятельство, что в момент принятия данного постановления действовал совершенно другой уголовно-процессуальный закон, как в РФ, так и в РТ.

Кроме трех традиционно признанных уголовно-процессуальных функций (уголовное преследование, защита и разрешение уголовного дела), многие ученые-процессуалисты включают в систему функций еще и функцию предварительного расследования, т.е. под влиянием функциональных особенностей трех функций.

Содержание функции расследования, по мнению ее сторонников, составляет круг деятельности, назначение, роль следователя и органа дознания, состоящее из выявления преступления, возбуждения в связи с этим уголовного дела, расследования преступления и привлечения виновных к уголовной ответственности с направлением дела для предания обвиняемых суду или прекращения уголовного дела.

По нашему мнению, «функция расследования дела (предварительного расследования)» – это не уголовно-процессуальная функция, а стадия уголовного процесса в виде предварительного расследования, осуществляемого в форме дознания и предварительного следствия. Функция расследования типична для розыскной модели

¹ Соловьев, А. Б. О функциях прокуратуры в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Проблемы совершенствования прокурорского надзора. – М., 1997. – С. 123.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой И. П. Смирновой и запросом ВС РФ : постановление КС РФ от 14.01.2000 г. № 1–П // СЗ РФ. – 2000. – № 5. – Ст. 611.

уголовного процесса, где не существует отдельной функции обвинения. В состязательном процессе уголовное преследование – это государственное обвинение перед судом¹.

Следует отметить, что Н. В. Азаренок считает важным не только своевременно установить виновное лицо, но и обеспечить его права и законные интересы. И далее приходит к выводу, что возникает необходимость выделения уголовного преследования из функции предварительного расследования². По нашему мнению, данный вывод ошибочен в силу того, что функция уголовного преследования находит свое непосредственное осуществление в рамках предварительного расследования, а не наоборот.

Досудебное уголовное преследование имеет место там и тогда, где и когда органы уголовного преследования предпринимают какие-либо действия, направленные на изобличение лица в совершении преступления, на ограничение его прав и свобод. Уголовному преследованию может подвергнуться любое лицо, подозреваемое в совершении преступления.

В настоящее время можно констатировать явное противоречие между декларируемыми ценностями состязательного уголовного процесса и реальной постановкой производства по уголовному делу на досудебных стадиях в уголовном судопроизводстве Таджикистана. Законодатель сам создал неразрешимую ситуацию, отнеся органы предварительного расследования к стороне обвинения, назвав их участниками уголовного судопроизводства, осуществляющими уголовное преследование. Одновременно возложив на них обязанность выполнения и функции защиты.

Согласно проведенному анкетированию сотрудников следственных органов, 54 % респондентов ответили, что считают уголовное преследование и предварительное расследование идентичными понятиями, а 46 % ответили отрицательно³. На наш взгляд, этому способствует не совсем правильное понимание со стороны практических сотрудников того, какая цель преследуется при производстве предварительного расследования и осуществлении тем самым уголовного преследования.

Также в ходе анкетирования 62 % респондентов отметили, что основное отличие уголовного преследования от предварительного расследования состоит в том, что

¹ Смирнов, А. В. Уголовный процесс. – СПб., 2004. – С. 26.

² Азаренок, Н. В. Уголовное преследование в системе современного досудебного производства // Российский юридический журнал. – 2011. – № 6. – С. 117–121.

³ Приложение № 4 (о результатах опроса следователей органов прокуратуры, дознавателей и следователей системы МВД РТ).

уголовное преследование ведется только в отношении определенного лица, а предварительное расследование может вестись и по «факту» совершенного преступления¹.

Как известно, расследование преступлений имеет определенные закономерности и специфические особенности. Так, в одних случаях следователю после возбуждения уголовного дела необходимо большую часть усилий сконцентрировать на избличение лица, совершившего преступление.

Уголовное преследование по конкретному уголовному делу наиболее конкретно усматривается только в том случае, если следователь уже к началу расследования располагает данными, содержащими относительно полную информацию о событии преступления и лице, его совершившем. Уголовное преследование по таким делам начинается непосредственно после возбуждения уголовного дела и обычно не представляет особой сложности, хотя и в этом случае большие затруднения могут возникнуть в связи с установлением всех участников преступления и уточнив степень их виновности, а следовательно, и пределов уголовного преследования в отношении каждого лица.

Следует отметить, что независимо от конкретных обстоятельств уголовного дела, с которыми порой сталкивается следователь в ходе выдвижения и проверки версий о лице, совершившем преступление, уголовное преследование начинает осуществляться с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица.

Также в рамках рассматриваемой проблемы нами определяется момент окончания функции уголовного преследования в досудебном производстве. Исследованием установлено, что большинство респондентов определяют окончание уголовного преследования в связи с прекращением уголовного дела в отношении конкретного лица по реабилитирующим основаниям, предусмотренным УПК РФ (49 %), с направлением уголовного дела в суд (23 %), с составлением обвинительного заключения (9 %) и утверждением его (12 %), а иного мнения придерживается (7 %)².

Следовательно, уголовное преследование в досудебном производстве может быть окончено в форме вынесения постановления о прекращении уголовного преследования в отношении конкретного лица, как это регламентировано ст. 27 УПК РФ. Данный вывод не обуславливает обязательность прекращения уголовного дела в целом, производство по делу должно продолжаться с целью установления конкретного лица, действительно

¹ Приложение № 4 (о результатах опроса следователей органов прокуратуры, дознавателей и следователей системы МВД РФ).

² Приложение № 4 (о результатах опроса следователей органов прокуратуры, дознавателей и следователей системы МВД РФ).

подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, а в дальнейшем в качестве обвиняемого.

В связи с этим вопрос о соотношении уголовного преследования и прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства приобретает особую актуальность, теоретическую и практическую значимость в рамках данного исследования.

Со времен появления прокуратура исторически сложилась как орган государства, представляющий и защищающий интересы государства и общества. При этом в истории прокуратуры наблюдается процесс конкуренции двух основных направлений ее деятельности: а) публичного уголовного преследования, т.е. борьбы с преступностью от имени государства в различных правовых формах, и б) представительства государственных и общественных интересов в области правоохраны посредством осуществления прокурорского надзора. Данные направления деятельности прокуратуры характерны и для прокуратуры РТ, и для прокуратуры РФ.

Конституция и КЗ РТ «Об органах прокуратуры РТ» регулируют такие функции прокуратуры, как: прокурорский надзор за исполнением законов; надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; расследование преступлений; участие в рассмотрении уголовных дел судами; опротестование решений, приговоров, определений и постановлений судов, противоречащих закону; рассмотрение жалоб и иных обращений граждан; координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, по профилактике преступлений, по борьбе с иными правонарушениями и по их профилактике; разработка мер по предотвращению преступлений, по борьбе с коррупцией, терроризмом, экстремизмом и иными правонарушениями; участие в работе по совершенствованию и разъяснению законов. В уголовном судопроизводстве функции прокурора определены ст. 26 и 36 УПК РТ. Данными статьями УПК РТ на прокурора возложены функция уголовного преследования на всех стадиях уголовного процесса и функция надзора за исполнением законов органами дознания и органами предварительного следствия в досудебном производстве.

Согласно ч. 1 ст. 26 УПК РТ, функция уголовного преследования должна осуществляться прокурором посредством возбуждения им уголовного дела в каждом случае обнаружения преступления, принятия всех предусмотренных законом мер к установлению события преступления, лица, его совершившего, и при наличии достаточных доказательств передачи материалов дела на разрешение суда. Из полномочий, предусмотренных КЗ РТ «Об органах прокуратуры РТ», следует также, что в уголовном судопроизводстве функция уголовного преследования реализуется посредством расследования прокурором уголовного дела о преступлении, участия

прокурора в рассмотрении уголовного дела в качестве государственного обвинителя и посредством опротестования прокурором незаконного, необоснованного судебного приговора, определения, постановления.

Соотношение между функциями прокурора по осуществлению уголовного преследования и прокурорского надзора определено ч. 1 и 2 ст. 36 УПК РТ, согласно которым первой определена функция уголовного преследования, а второй – функция прокурорского надзора. И видный правовед В. М. Савицкий указывал, что уголовное преследование является важнейшей, стержневой функцией прокуратуры¹. Данная характеристика уголовного преследования в его соотношении с функцией прокурорского надзора подтверждается и нормами законов РТ, и историей данного правоохранительного органа Таджикистана, и даже структурой звеньев централизованной вертикальной системы органов прокуратуры РТ. Осуществление прокуратурой уголовного преследования демонстрирует координирующий и руководящий характер прокуроров по отношению к органам расследования. Из данного обстоятельства исходит не только доктрина активной руководящей роли прокуратуры в осуществлении уголовного преследования и в целом в руководстве процессами досудебного производства по уголовным делам, но и повседневная практика борьбы с преступностью в досудебных стадиях уголовного процесса РТ.

Смешанная модель организации уголовного процесса в РТ, когда предварительное обвинение формируется прокурором и органами расследования под надзором прокурора в ходе возбуждения уголовного дела и его предварительного расследования, обуславливает необходимость установления активной роли прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса, поскольку такая роль прокуратуры позволяет определять ход и результаты уголовного преследования, активный сбор, проверку и оценку доказательств по уголовным делам, уголовно-правовую квалификацию содеянного обвиняемым деяния².

Прокуроры РТ демонстрируют неуклонную борьбу с преступностью. Активность таджикских прокуроров в решении задач досудебного производства по делам о

¹ *Савицкий, В. М.* Стержневая функция прокуратуры – осуществление уголовного преследования // Российская юстиция. – 1994. – № 10. – С. 21–24.

² *Михайлов, В. А.* Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 1968. – С. 5–10; *Он же.* Руководящая роль прокурора в досудебном уголовном процессе РФ // Публичное и частное право. – Вып. 2 (VI). – С. 57–74; Об обязательности для судебных следователей требований прокурором : указ Правительствующего Сената от 30 ноября 1889 г. // Судебная власть в России. – Т. 4. – С. 164–166; *Савицкий, В. М.* Стержневая функция прокуратуры – осуществление уголовного преследования // Российская юстиция. – 1994. – № 10. – С. 21–24.

преступлениях подтверждается результатами проведенного автором изучения в судебных архивах 250 уголовных дел, оконченных производством в 2006–2012 гг., а также результатами анкетного опроса 385 следователей органов прокуратуры, следователей и дознавателей органов внутренних дел РТ¹. Согласно полученным результатам указанного исследования, руководящая деятельность прокуроров в борьбе с преступностью проявляется в том, что в большинстве случаев прокуроры Таджикистана сами выносят постановления о возбуждении уголовных дел с последующим их направлением по подследственности в соответствующие органы дознания и следственные подразделения; выносят постановления об образовании группы следователей для расследования уголовных дел в случае сложности или большого объема.

Эта активность проявляется и в том, что прокуроры: ежедневно проверяют исполнение органами дознания и следователями требований УПК о приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; не только по окончанным производством уголовным делам, но и в ходе расследования по собственной инициативе, а не только на основании жалоб участников уголовного процесса, проверяют законность и обоснованность проведения следственных действий и принятия процессуальных решений; санкционируют решения и действия органов расследования в случаях, предусмотренных УПК; при санкционировании указанных решений и действий органов расследования практикуют допрос лиц, в отношении которых принимается процессуальное решение или будет проводиться следственное действие; дают письменные указания органам расследования о выполнении требований УПК при расследовании уголовных дел, о проведении розыскных и оперативно-розыскных мероприятий в целях активизации процессов раскрытия преступлений и обнаружения подозреваемых лиц; лично участвуют в производстве предварительного следствия и в необходимых случаях лично проводят предварительное следствие в полном объеме по любому делу и прежде всего по так называемым «резонансным» делам; возвращают уголовные дела к доследованию при нарушении органами расследования требований УПК о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств совершенных преступлений; отстраняют дознавателей и следователей от дальнейшего ведения расследования в случае нарушения ими законов, прав и законных интересов субъектов досудебного производства.

Анализ регулируемых законодательством РТ процессуальных полномочий прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса свидетельствует, по нашему мнению, что реализация прокурорами полномочий по уголовному преследованию и

¹ Приложение № 8 (аналитическая справка по изученным уголовным делам и отказным материалам).

наблюдению за деятельностью органов расследования образует процессуальное руководство уголовно-процессуальной деятельностью следователей и органов дознания по осуществлению ими уголовного преследования и в целом производства в досудебных стадиях уголовного процесса.

По нашему мнению, в этой связи имеются все основания полагать, что осуществляемое таджикскими прокурорами на основании действующего УПК процессуальное руководство досудебным производством допустимо квалифицировать как процессуальную форму прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного следствия и органами дознания, как в свое время квалифицировали подобную деятельность советских прокуроров профессора В. М. Савицкий, Р. Д. Рахунов, Ф. Н. Фаткуллин, В. А. Михайлов и многие другие советские правоведы и прокуроры¹.

В Таджикистане прокурор осуществляет процессуальное руководство всеми органами предварительного следствия и всеми органами дознания независимо от их ведомственной принадлежности и подчиненности. Данный статус прокурора обусловлен своеобразием таджикского уголовного процесса, в котором по замыслу законодателя надзор в досудебном производстве должен быть инициативным, действенным, а не пассивным созерцанием соблюдения или несоблюдения норм УПК, УК и других законов в досудебном производстве, раскрытия или нераскрытия преступлений, правильного или неправильного расследования дела по существу.

В то же время необходимо отметить, что процессуальное руководство прокурорами досудебным производством, регулируемое ст. 168 и иными статьями УПК РТ, ограничено ч. 12 ст. 161 УПК, согласно которой прокуроры не вправе истребовать уголовные дела о преступлениях коррупционного характера, которые находятся в производстве специализированного органа по борьбе с коррупцией, не вправе передавать эти дела в производство иных органов расследования, не вправе принимать к своему производству данные дела. Данное ограничение полномочий прокуроров обусловлено тем, что специализированный орган по борьбе с коррупцией одновременно является органом финансового контроля и правоохранительным органом, который в свою очередь подведомственен Президенту РТ.

Осуществление прокурорами функции публичного уголовного преследования подразделяется на две самостоятельные части: осуществляемое в досудебном

¹ Михайлов, В. А. Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе. – С. 5–10; Он же. Руководящая роль прокурора в досудебном уголовном процессе РФ. – С. 57–74; Савицкий, В. М. Стержневая функция прокуратуры – осуществление уголовного преследования. – С. 105–110.

производстве и осуществляемое в судебном производстве. При этом первое, как уже отмечалось, осуществляется прежде всего в форме возбуждения уголовного дела и его расследования прокурорами, а второе – в форме поддержания прокурором государственного обвинения в суде первой инстанции и в форме опротестования судебных решений в судах вышестоящих инстанций. Указанные формы уголовного преследования подтверждаются международно-правовыми актами, в частности Рекомендацией № R (2000) 19 Комитета Министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия», п. 2 которого гласит: *«Во всех системах уголовного правосудия прокуроры: решают вопрос о возбуждении или продолжении уголовного преследования; поддерживают обвинение в суде; могут обжаловать или давать заключения по жалобам на все или некоторые решения суда»*. Полномочия прокурора, как видно из содержания этой рекомендации, вытекают из того, что прокурор является должностным лицом, осуществляющим уголовное преследование, как в досудебном, так и в судебном производстве¹. По данным Совета Европы, органы прокуратуры всех государств-членов Совета Европы осуществляют уголовное преследование. В 44 государствах и государственных образованиях органы прокуратуры выступают в качестве гособвинителей по уголовным делам в суде².

Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ, прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренных данным Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Анализируя полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве по законодательству РФ, следует констатировать, что с принятием федеральных законов «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия»³, «О Следственном комитете РФ»⁴ произведено перераспределение

¹ Халиулин, А. Г. Прокурор в современном уголовном процессе России // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях. – М., 2010. – С. 114.

² Щерба, С. П., Додонов, В. Н. Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании // Законность. – 2011. – № 6. – С. 57.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия : федеральный закон РФ от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 16.

⁴ О СК РФ : федеральный закон РФ от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 15.

полномочий между прокурором и руководителем следственного органа по процессуальному руководству и надзору за следствием. Это выражается в том, что исключено право прокуроров осуществлять функцию уголовного преследования в первой стадии досудебного производства посредством принятия сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении, проверки данного сообщения и разрешения его путем вынесения постановления о возбуждении уголовного дела или постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Это выражается также в том, что практически исключено право прокуроров осуществлять уголовное преследование в стадии предварительного расследования, в частности, лично проводить по уголовным делам предварительное следствие, участвовать в проведении предварительного следствия и производстве отдельных следственных действий и т.п.

По утверждению Б. Я. Гаврилова, перераспределение (фактическая передача) процессуальных полномочий практически в полном объеме и частично надзорных функций от прокурора к руководителю следственного органа были направлены: во-первых, на реальное повышение результативности и качества предварительного следствия и в конечном итоге на обеспечение конституционных прав граждан как участников уголовного судопроизводства, во-вторых, на создание единой службы расследования¹.

По мнению представителей органов прокуратуры, с учетом внесенных новелл прокурор фактически лишен необходимых средств к реализации надзорных своих полномочий за предварительным следствием, поскольку более не имеет властно-распорядительных средств воздействия на следователя. Все это, по мнению А. Г. Халиулина, является последствиями непродуманной и непоследовательной реформы досудебного производства в ходе исследуемых новелл².

По поводу указанного реформирования прокуратуры Е. Г. Мартынчиком высказано следующее суждение: «в научно–практических особенностях и тем более в тонкостях института уголовного преследования, к сожалению, российские законодатели разобраться не смогли и в регламентации его допустили серьезные ошибки. Это, пожалуй, одно из красноречивых свидетельств того, как порой трудно теоретические идеи и конструкции материализовать в нормах уголовно-процессуального права»³.

¹ *Гаврилов, Б. Я.* Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа : объективная необходимость или волюнтаризм в праве // Вестник МВД России. – 2010. – № 1. – С. 84.

² *Халиулин, А. Г.* Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2008. – № 11. – С. 3–8.

³ *Мартынчик, Е. Г.* УПК РФ : достижения и нереализованные возможности // Российский судья. – 2002. – № 4. – С. 5.

По поводу указанного реформирования прокуратуры С. А. Шейфер замечает: 1) в настоящее время сложилась ситуация, когда значительная часть надзорных полномочий оказалась сосредоточенной в руках руководителя следственного органа, прокурор же оказался лишенным возможности как возбуждать уголовное преследование, так и прекращать его; 2) в связи с принятием Федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ¹ в специальной литературе появились утверждения, что прокурор вообще перестал быть органом уголовного преследования; 3) без должного прокурорского надзора невозможно действенное уголовное преследование, а вместе с ним – и действенное уголовное судопроизводство².

В связи с продолжающейся научной дискуссией представляет интерес позиция Н. Н. Ковтуна о том, что столь упорно обсуждаемые тезисы в практически полном отсутствии достаточных средств (полномочий) прокурора по реализации надзорных своих полномочий применительно к органам предварительного следствия, носят скорее эмоциональный, чем действительно объективный характер. В итоге не только перечень, но и суть сохранившихся полномочий явно опровергают, по его мнению, тезисы о том, что в современных процессуальных условиях прокурор практически лишен легитимных средств для реализации своих надзорных полномочий.

По сути, посредством использования целого ряда организационных моментов своего функционирования прокуратура (за последнее время) не только «вернула» себе большинство полномочий по руководству следователем и его непосредственным руководителем, но и, несомненно, «выиграла» в руководящем своем положении. В настоящее время прокуратура, как известно, может руководить и указывать, казалось бы, и процессуально, и организационно обособленным следственным органам, более не отвечая за итоговые результаты расследования³.

Резюмируя изложенное, сделаем общий вывод: в реализации функции уголовного преследования достаточно специфична роль прокурора. В отличие от иных органов уголовного преследования прокуроры выступают гарантами законности предварительного расследования, соблюдения прав и законных интересов лиц, участвующих в производстве по уголовному делу на его досудебных стадиях. Как отмечено выше, прокурор является многофункциональным государственным органом. Важнейшей функцией прокурора в

¹ О внесении изменений в УПК РФ и в Федеральный закон «О прокуратуре РФ»: федеральный закон РФ от 05.06.2007 г. № 87–ФЗ // СЗ РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.

² Шейфер, С. А. Новые изменения уголовно-процессуального законодательства – новые вопросы // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях. – М., 2010. – С. 123, 124.

³ Ковтун, Н. Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 31.

досудебном и судебном уголовном процессе является функция уголовного преследования. Не менее важной функцией прокурора в досудебном производстве по уголовным делам является функция прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и органами предварительного следствия, а также функция прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве по уголовному делу. Какая бы то ни было конкуренция между указанными функциями прокурора в досудебном уголовном процессе недопустима. Регулируемые Конституцией, КЗ РТ «Об органах прокуратуры РТ» и УПК РТ функции прокурора взаимосвязаны между собой, взаимообусловлены друг с другом, с одинаковой активностью они подлежат безусловной реализации прокурорами.

В то же время необходимо отметить, что в настоящее время в Таджикистане предпринимаются меры по усилению роли прокуратуры в борьбе с преступностью и укреплению режима законности. Принята Концепция прогнозного развития законодательства РТ, согласно которой: а) в целях укрепления прокурорского надзора по точному и единообразному соблюдению законов, вытекающих из Конституции РТ, требуется усовершенствование КЗ РТ «Об органах прокуратуры РТ», б) подлежит повышению роль прокуратуры в осуществлении уголовного преследования и в) подлежит повышению роль прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора. При этом второе направление призвано повысить эффективность уголовного преследования как за счет возрастания активной деятельности самих прокуроров, так и за счет инициирования прокурорами активной деятельности органов расследования по осуществлению уголовного преследования, а также за счет усиления роли прокуроров в рассмотрении судами уголовных дел посредством установления обязанности прокуроров поддерживать государственное обвинение в судах по всем уголовным делам. Повышение роли прокурорского надзора будет осуществляться: за счет интенсификации прокурорами процессуального руководства деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия в стадии возбуждения уголовного дела и в стадии предварительного расследования, а также за счет интенсификации прокурорско-надзорной деятельности по обеспечению безусловного соблюдения прав, свобод и законных интересов всех участников досудебного производства¹.

Следует отметить, что указанная Концепция не лишена недостатков. В частности, в Концепции, как и в ст. 36, 168, 247, 248 УПК РТ, не предусмотрен прокурорский надзор за

¹ Концепция прогнозного развития законодательства РТ : указ Президента РТ от 19.02.2011 г. № 1021 Ч. 13. п. 44 // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов РТ. – 2011. – № 3. – Ч. 2. – С. 142–156.

соблюдением прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела и в стадии предварительного расследования. Данный пробел рекомендуется устранить в установленном порядке.

Для обеспечения и воплощения в жизнь вышеуказанных аспектов уголовного преследования была принята Государственная программа по реализации Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан в сфере государственного устройства, правозащиты, обороны и безопасности на 2012-2015 гг.¹.

Рассматривая спектр определенных проблем, связанных с реализацией функции уголовного преследования в стадии предварительного расследования, можно сделать основополагающий вывод, что уголовное преследование в стадии предварительного расследования есть процессуальная деятельность по установлению и раскрытию преступления, изобличению виновного лица и привлечению к уголовной ответственности.

Также в реализации функции уголовного преследования при производстве предварительного следствия достаточно специфична роль прокурора, следователя и дознавателя. Каждый субъект уголовного преследования реализует функцию уголовного преследования в силу возложенных на него уголовно-процессуальным законодательством полномочий, которые в настоящее время все еще требуют уточнений и системного анализа при дальнейшем совершенствовании УПК РТ.

¹ Государственная программа по реализации Концепции прогнозного развития законодательства РТ в сфере государственного устройства, правозащиты, обороны и безопасности на 2012–2015 гг. : постановление Правительства РТ от 01.03.2012 г. № 97 // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов РТ. – 2012. – № 3. – С. 146–151.

Заключение

Настоящее монографическое исследование, сделанные в ней выводы и предложения, не претендуют на истину в конечной ее инстанции. Однако, тема исследования, ее структура и раскрытое содержание по своему характеру является новым научным исследованием в сравнительно-правовом анализе. Монография, по нашему мнению, дает некий импульс для оптимизации функции уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а результаты исследования показывают необходимость изменения и проведения кардинальных перемен в данной сфере.

На основании проведенного монографического исследования можно сделать вывод, что деятельность прокурора, следователя и дознавателя по реализации функции уголовного преследования – это сложная многогранная уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая в целях изобличения лица, совершившего деяния, запрещенное уголовным законом, и других обстоятельств, которые имеют значение по расследуемому уголовному делу.

Излагая собственное видение проблем функции уголовного преследования в досудебных стадиях производства по уголовному делу, автор стремится восполнить недостаточную научную разработанность данной функции в доктрине уголовного процесса и, как следствие, формулирует новые теоретические положения и проекты законодательных решений по оптимизации данной функции в уголовно-процессуальном праве Таджикистана и Российской Федерации. В монографии по теме исследования проанализированы и раскрыты научные положения, вызывающие особый интерес и дискуссии ученых-правоведов, юристов-практиков, правозащитников и представителей юридической общественности. По всем сложным и запутанным вопросам темы монографического исследования автор раскрывает как существующие научные положения, которые он разделяет и поддерживает, так и формулирует собственную научную позицию.

В результате проведенного научного анализа в исследовании обоснованно делается вывод о том, что проанализированные проблемы функции уголовного преследования законодателем не воспринято в должной мере, а уголовно-процессуальное законодательство, как в России, так и в Таджикистане устанавливает расплывчато. В проведенном исследовании формулируется и обосновывается вывод о том, что внесенные изменения и дополнения в УПК РТ являются поспешными и в научном плане сомнительными.

В настоящем монографическом исследовании особое внимание уделено современному состоянию функции уголовного преследования, а также правовому регулированию уголовного преследования как процессуальной деятельности стороны обвинения и в историческом контексте данной проблемы.

В результате проведенного исследования представляется возможным сформулировать в обобщенном виде основные теоретические выводы и наиболее значимые положения, сформулированные автором по результатам проведенного исследования, а также практические рекомендации по совершенствованию УПК РТ и УПК РФ.

Исходя из особенностей содержания и специфики функции уголовного преследования в досудебном производстве, автор приходит к выводу о том, что функцию уголовного преследования образует совокупность правовых норм, регламентирующих процессуальную деятельность специально уполномоченных государственных органов, должностных лиц по возбуждению уголовного дела в отношении конкретного лица, задержание лица по подозрению в совершении преступления, принятие решений, которыми лицу предоставляется статус подозреваемого или обвиняемого, избрание и применение к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения, производство следственных действий, составление обвинительного заключения, утверждение прокурором обвинительного заключения и передача уголовного дела в суд. Имеющиеся в науке уголовно-процессуального права определения уголовного преследования недостаточно конкретизировали деятельность субъектов, осуществляющих и участвующих в уголовном преследовании, а также производство различных следственных действий, связанных с уголовным преследованием лица.

Затем предложена авторская классификация субъектов, реализующих функцию уголовного преследования в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству РТ, по аналогии с уголовно-процессуальным законодательством РФ. Классификация субъектов, осуществляющих уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан, которую составляют:

– государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное преследование в силу своих служебных полномочий: прокурор, начальник следственного подразделения, следователь, начальник подразделения дознания и дознаватель, отнесенные к стороне обвинения;

– потерпевший (частный обвинитель), его законный представитель и представитель, гражданский истец, его законный представитель и представитель, также участвующие в уголовном преследовании на стороне обвинения. В отличие от положений ч. 7 ст. 246 УПК

РФ уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан предоставляет потерпевшему право участвовать в уголовном преследовании лица, в случаях отказа государственного обвинителя от обвинения (ч. 10-11 ст. 279 УПК РТ).

В свою очередь, должностные лица органов дознания, наделенные правом осуществления оперативно-розыскной деятельности, к числу субъектов, реализующих функцию уголовного преследования в досудебном производстве Республики Таджикистан, в отличие от Российской Федерации, отнесены быть не могут. Процессуальную деятельность они вправе осуществлять лишь по поручению следователя, дознавателя или должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, и только в целях установления причастности лица к совершенному преступлению. Такая деятельность является вспомогательной по отношению к уголовному преследованию, осуществляемому уполномоченными на то законом должностными лицами.

Автором разработана классификация форм уголовного преследования в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации в зависимости:

– от объекта уголовного преследования (подозрение или обвинение), как в Республике Таджикистан, так и в Российской Федерации;

– от формы, в которой по УПК РТ осуществляется производство по уголовному делу: в общем порядке (дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно; дознание по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно и предварительное следствие) и в форме ускоренного производства, а по УПК РФ – дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, дознание в сокращенной форме, производство неотложных следственных действий и предварительное следствие.

В ходе исследования разработано авторское утверждение о необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан положения о сущности правовой конструкции функции уголовного преследования в досудебном производстве, которая должна заключаться в юридическом факте совершения преступления и быть связанной с началом ее реализации путем принятия должностным лицом органа расследования процессуального решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица аналогично п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, которая регламентирует начало реализации функции уголовного преследования с момента возбуждения уголовного дела в отношении лица.

Более убедительным аргументом является сформулированная автором позиция относительно особой формы окончания уголовного преследования в досудебном

производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан, которая должна быть законодательно выражена в предоставлении следователю, дознавателю, прокурору права вынесения постановления о прекращении уголовного преследования в отношении конкретного лица, как это регламентировано в ст. 27 УПК РФ.

Вместе с тем, в исследовании, как следует из его содержания, автором обосновывается вывод о том, что суд не является органом уголовного преследования и не может осуществлять функцию уголовного преследования в досудебном производстве, однако данное полномочие суда, закрепленное в п. 15 ч. 1 ст. 35 УПК РТ, явно противоречит ст. 20 УПК РТ. Данное суждение автора обосновывается следующими выводами, а именно тем, что смешанный тип национального (таджикского) уголовного судопроизводства обусловлен соподчиненностью закрепленной в УПК РТ функции уголовного преследования двум другим функциям – прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также наличием у суда права на возбуждение уголовного дела при одновременном провозглашении в УПК РТ принципа состязательности и равноправия сторон.

Разработанные автором проекты законов по совершенствованию функции уголовного преследования в досудебном производстве и там же обосновывается необходимость данного решения, а также предлагаются пути его реализации, сводящиеся к законодательному закреплению в УПК РТ и УПК РФ соответствующих изменений и дополнений в целях оптимизации функции уголовного преследования.

Изложенные предложения, сформулированные на основе проведенного исследования, направлены на совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства Таджикистана и Российской Федерации, повышение качества предварительного расследования уголовных дел и создание условий для принятия справедливых судебных решений по уголовным делам.

Излагая собственное видение всех проблемных вопросов реализации функции уголовного преследования, которые поступательно возникают в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, мы понимаем, что наши теоретические выводы, практические рекомендации и законодательные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства РТ и РФ эта определенная лепта в оптимизации данной функции, и это, конечно, никоим образом не означает завершенность или исчерпанность изучения самой проблемы реализации уголовного преследования в досудебном производстве и в доктрине уголовного процесса.

Сформулированные теоретические положения, выводы, законодательные и практические предложения, по нашему мнению, существенным образом развивают познание проблемы функции уголовного преследования в досудебном производстве и определяют стратегию дальнейшего совершенствования законодательства Республики Таджикистан, несмотря на то, что сложность, многогранность данной темы и ее объем не позволили охватить все ее стороны в рамках настоящего монографического исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Нормативные правовые акты, официальные документы**

1. Конституция Республики Таджикистан : офиц. текст (с изменениями и дополнениями от 2003 г.) // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. – 2008. – № 1. – С. 5–21.
2. Конституция Российской Федерации : офиц. текст (с изменениями от 30.12.2008. № 6–ФКЗ и от 30.12.2008 № 7–ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью : утв. Резолюцией Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 [Текст] // Советская юстиция. – 1992. – № 9–10. – С. 38–44.
4. Об органах прокуратуры Республики Таджикистан : конституционный закон Республики Таджикистан (в ред. Закона РТ от 01 августа 2012 г. № 876 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2005. – № 7. – Ст. 423.
5. О судах Республики Таджикистан : конституционный закон Республики Таджикистан от 06.08.2001 г. № 30 (в ред. Законов Республики Таджикистан от 01 августа 2012 г. № 875; от 03.07.2012 г. № 833; от 01.08.2012 г. № 875; от 28.12.12 г. № 926; от 19.03.13 г. № 936; от 22.07.2013 г. № 972) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2001. – № 7. – Ст. 490.
6. Об Агентстве по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 20 марта 2008 г. № 374 (в ред. Законов Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г. № 748; от 22 июля 2013 г. № 989) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2008. – № 3. – Ст. 193.
7. Об изменении названия Таджикской ССР и внесении изменений в Конституцию (Основной закон) Таджикской ССР : закон Республики Таджикистан от 31 августа 1991 г. № 378 // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. – 1991. – № 18. – Ст. 226.
8. Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2011. – № 3. – Ст. 155.
9. О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть 1) : закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 г. № 928 // Джумхурият. – 2013. – № 3–8. – 05 января.

10. О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 г. № 932 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2012. – № 12. Ч. 1. – Ст. 1025.

11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 г. № 927 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2012. – № 12. Ч. 1. – Ст. 1020.

12. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 03 июля 2012 г. № 844 // Садои мардум. – 2012. – № 90 (2917). – 10 июля.

13. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 21 июля 2010 г. № 618 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2010. – № 7. – Ст. 551.

14. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 692 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2011. – № 3. – Ст. 159.

15. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 02 августа 2011 г. № 755 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2011. – № 7–8. – Ст. 609.

16. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 16 апреля 2012 г. № 809 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2012. – № 4. – Ст. 259.

17. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 03 июля 2012 г. № 864 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2012. – № 7. – Ст. 714.

18. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 01 августа 2012 г. № 878 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2012. – № 8. – Ст. 815.

19. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 982 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2013. – № 7. – Ст. 510.

20. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 983 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2013. – № 7. – Ст. 511.

21. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 14 марта 2014 г. № 1067 // Джумхурият. – 2014. – № 54 (22 359). – 20 марта.

22. О принятии и введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 12 (1409). – Ст. 816.

23. О внесении изменений и дополнений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 04 марта 2013 г. № 23–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9. – Ст. 875.

24. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия : федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 г. № 404–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 16.

25. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 7 декабря 2011 г. № 420–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

26. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2012 г. № 141–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 31. – Ст. 4330.

27. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федеральный закон Российской Федерации от 05 июня 2007 г. № 87–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.

28. О Следственном комитете Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 403–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 15.

29. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (в ред. Законов Республики Таджикистан от 21.07.10 г. № 617; от 25.03.11 г. № 694; от 02.08.11 г. № 75; от 16.04.2012 г. № 808; от 03.07.2012 г. № 844; от 13.06.2013 г. № 965; от 13.06.2013 г. № 966; от 12.11.2013 г. № 1028; от 28.12.2013 г. № 1037) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1998. – № 9. – Ст. 68.

30. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ (в ред. Федеральных законов от 02.11.2013 г. № 302–ФЗ, от 25.11.2013 г. № 317–ФЗ, от 21.12.2013 г. № 365–ФЗ, от 21.12.2013 г. № 376–ФЗ, от 28.12.2013 г. № 380–ФЗ, от 28.12.2013 г. № 381–ФЗ, от 28.12.2013 г. № 421–ФЗ, от 28.12.2013 г. № 432–ФЗ, от 03.02.2014 г. № 5–ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

31. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01 сентября 1998 г. № ЗР–248 (по состоянию на 16.12.2006 г.) // Официальные ведомости Республики Армения. – 1998. – № 22 (55). – 21 сентября.

32. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295–3 (в ред. Законов Республики Беларусь от 03.01.2012 г. № 335–3; 07.01.2012 г. № 349–3; от 13.07.2012 г. № 417–3) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. – 1999. – № 28–29. – Ст. 433.

33. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03 декабря 2009 г. № 564 (в ред. Законов Республики Таджикистан от 21.07.2010 г. № 618; от 25.03.2011 г. № 692; от 02.08.2011 г. № 755; от 16.04.2012 г. № 809; от 03.07.2012 г. № 844; от 01.08.2012 г. № 878; от 28.12.2012 г. № 927; от 28.12.2012 г. № 932; от 22.07.2013 г. № 982; от 22.07.2013 г. № 983) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 12 (1409). – Ст. 816.

34. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 177–ФЗ (в ред. Федеральных законов от 28.12.2013 г. № 380–ФЗ; от 28.12.2013 г. № 382–ФЗ; от 28.12.2013 г. № 432–ФЗ; от 03.02.2014 г. № 3–ФЗ; от 03.02.2014 г. № 4–ФЗ; от 03.02.2014 г. № 5–ФЗ, от 03.02.2014 г. № 7–ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 5241. – Ст. 4924.

35. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г. (по состоянию на 22.12.2012 г.) // Ведомости Меджлиса Туркменистана. – 2009. – № 2. – Ст. 29.

36. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651–VI (в ред. Закона Украины от 05.07.2012 г. № 5076–VI) // Голос Украины. – 2012. – № 90–91. – 19 мая.

37. Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан : указ Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 г. № 1021 // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. – 2011. – № 3. – Часть 2. – С. 142–156.

38. Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан : указ Президента Республики Таджикистан от 23 июня 2007 г. № 271 // Национальный центр законодательства при Президенте РТ [Электронный ресурс] URL: <http://mmk.tj/ru> (дата обращения: 09.03.2014 г.).

39. Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2011–2013 г. : указ Президента Республики Таджикистан от 03 января 2011 г. № 976 // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. – 2011. – № 1–3. – С. 254–260.

40. Государственная программа по реализации Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан в сфере государственного устройства, правозащиты, обороны и безопасности на 2012–2015 гг. : постановление Правительства Республики Таджикистан от 01.03.2012 г. № 97 // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. – 2012. – № 3. – С. 146–151.

41. Об определении соответствия восьмого абзаца ч. 2 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан ст. 17 и 19 Конституции Республики Таджикистан : постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 15.05.2012 г. // Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан. – 2012. – № 2. – С. 162–169.

42. Об определении соответствия ч. 5 ст. 124 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан ст. 14 и 19 Конституции Республики Таджикистан : постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 20.12.2012 г. // Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан. – 2012. – № 4. – С. 138-144.

43. По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2000 г № 1–П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 5. – Ст. 611.

44. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части первой статьи 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. № 7–П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 17. – Ст. 2205.

45. По делу о проверке конституционности положений частей 3, 4 и 5 статьи 377 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан А. Б. Аулова, А. Б. Дубровский,

А. Я. Капинченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Мустафина и А. А. Стубайло : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 г. № 2–П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 8. – Ст. 991.

46. По делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. № 19–П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.

47. Ввиду истечения срока давности уголовного преследования до поступления дела в суд приговор в части осуждения по ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 119 УК РФ отменен и уголовное дело прекращено : определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2011 г. № 56–011–19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 11. – С. 20.

48. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 9. – С. 2–8.

49. О признании утратившими силу или изменении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда СССР по гражданским и уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 14.03.1963 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1963. – № 3. – С. 12–16.

50. О судебной практике по делам о взяточничестве : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31.07.1962 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1962. – № 5. – С. 22–25.

51. Согласно положениям п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ факт признания Конституционным Судом Российской Федерации закона, примененного в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции РФ является новым обстоятельством, не известным суду на момент вынесения судебного решения : постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16.05.2007 № 235–П06 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 1. – С. 20–22.

52. Суд обоснованно прекратил уголовное дело в судебном заседании в связи с истечением срока уголовного преследования : определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.01.2009 г. № 14–008–47 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 7. – С. 20.

53. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ [Текст] : принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи

государств – участников Содружества Независимых Государств 17.02.1996 г. – М. : Изд-во Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 1996. – 374 с.

54. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью [Текст]. – М. : СПАРК, 1998. – 388 с.

55. Сборник Постановлений Пленумов Верховного Суда Республики Таджикистан (1992-2011 годы) [Текст]. – Душанбе : Конуният, 2011. – 556 с.

Монографии, статьи

56. Абдуллоев, Н. А. Советское уголовно-процессуальное право (на тадж. языке) [Текст] / Н. А. Абдуллоев. – Душанбе, 1979. – Часть 2. – 70 с.

57. Азаренок, Н. В. Уголовное преследование в системе современного досудебного производства [Текст] / Н. В. Азаренок // Российский юридический журнал. – 2011. – № 6. – С. 117–121.

58. Александров, А. С., Поляков, М. П. Уголовное преследование [Текст] / А. С. Александров, М. П. Поляков // Уголовный процесс. Общая часть. – М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – Вып. 1. – 304 с.

59. Амирбеков, К. И., Егоров, С. Е., Халиулин А. Г. Функции прокуратуры России в уголовном судопроизводстве [Текст] / К. И. Амирбеков, С. Е. Егоров, А. Г. Халиулин // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 6 (26). – С. 70–80.

60. Андреева, О. И. Соотношение функции обвинения и уголовного преследования по УПК РФ [Текст] / О. И. Андреева // Судебная реформа и становление правового государства в Российской Федерации (по материалам научно-практической конференции) / под общ. ред. В. С. Комаровского, М. Ю. Мизулина. – М., 2003. – С. 137–143.

61. Анишина, Ю. А. Уголовное преследование и его виды в Российской Федерации и иных странах Содружества независимых государств (сравнительный анализ) // Вестник Брянского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 1–6.

62. Асанов, В. О содержании уголовного преследования [Текст] / В. Асанов // Уголовное право. – 2000. – №4. – С. 3–5.

63. Бадридинов, А. Х. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве [Текст] / А. Х. Бадридинов // Законодательство. – 2011. – № 4. – С. 79–83.

64. Баев, О. Я. Новации норм доказательственного права в УПК Российской Федерации 2001 г. и проблемы их реализации [Текст] / О. Я. Баев // 50 лет в

криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина. Материалы Межд. науч. – конф. – Воронеж. – 2002. – С. 21–41.

65. Баев, О. Я. Сущность, формы и дефиниции института уголовного преследования [Текст] / О. Я. Баев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. – 2008. – № 1. – С. 250–261.

66. Баев, О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него [Текст] : монография / О. Я. Баев. – М. : «Экзамен», 2008. – 639 с.

67. Баев, О. Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений : проблемы качества права и правоприменения [Текст] : монография / О. Я. Баев. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 288 с.

68. Баев, О. Я. Цели уголовного судопроизводства и процессуальная функция следователя [Текст] / О. Я. Баев // Актуальные проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка. – Куйбышев, 1982. – С. 91–99.

69. Белкин, А. Р. Еще раз об уголовном преследовании и о соотношении публичного и частного начал в уголовном процессе [Текст] / А. Р. Белкин // Публичное и частное право. – 2011. – № 3. – С. 78–87.

70. Божьев, В. П. Пленум Верховного суда РФ о применении норм УПК РФ, регулирующих деятельность судов второй инстанции [Текст] / В. П. Божьев // Уголовный процесс. – 2009. – № 4. – С. 38–41.

71. Божьев, В. П. Проблемы состязательности сторон в российском уголовном процессе [Текст] / В. П. Божьев // Уголовно-процессуальный кодекс 2001 г. и практика его применения : материалы межвуз. науч. – практ. конф. – М. : Академия управления МВД РФ, 2004. – С. 6–12.

72. Божьев, В. П. Состязательность на предварительном следствии [Текст] / В. П. Божьев // Законность. – 2004. – № 1. – С. 3–6.

73. Божьев, В. П. Уголовно – процессуальные правоотношения [Текст] : монография / В. П. Божьев. – М. : Юридическая литература, 1975. – 176 с.

74. Васечкина, А. В. Содержание функции уголовного преследования [Текст] / А. В. Васечкина // Материалы Всероссийской науч. – практ. конф. (с межд. участием), посвящ. 90-летию Кубанского государственного аграрного университета 12–13 октября 2012 г. – Краснодар : Кубанский ГАУ, 2012. – С. 116–122.

75. Володина, Л. М. О назначении уголовного судопроизводства [Текст] / Л. М. Володина // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений. – М., 2005. – Ч. 1. – С. 3–6.

76. Волынская, О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования : теоретические и организационно–правовые проблемы [Текст] : монография / О. В. Волынская. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2007. – 351 с.
77. Газиев, М. С. Уголовный процесс [Текст] / М. С. Газиев. – Душанбе : «Деваштич» (на тадж. яз.), 2009. – 303 с.
78. Гаврилов, Б. Я. Актуальные проблемы досудебного производства и совершенствование УПК РФ [Текст] / Б. Я. Гаврилов // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ) : Материалы Межд. науч. – практ. конф. – М., 2007. – С. 328–339.
79. Гаврилов, Б. Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа : объективная необходимость или волюнтаризм в праве [Текст] / Б. Я. Гаврилов // Вестник МВД России. – 2010. – № 1. – С. 81–88.
80. Гатауллин, З. Ш. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном судопроизводстве [Текст] / З. Ш. Гатауллин // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – С. 221–225.
81. Гатауллин, З. Ш. Уголовное преследование как функция прокурора [Текст] / З. Ш. Гатауллин // Законность. – 2010. – № 2. – С. 9–13.
82. Головкин, Л. В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде : постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений [Текст] / Л. В. Головкин // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 50–67.
83. Головкин, Л. В. Казахстан : десоветизация уголовного процесса. Статья 1. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела [Текст] / Л. В. Головкин // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 4. – С. 10–13.
84. Головкин, Л. В. Новый УПК РФ в контексте сравнительного уголовно-процессуального права [Текст] / Л. В. Головкин // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 51–61.
85. Голощапов, А. В. К вопросу о понятии и сущности функции уголовного преследования [Текст] / А. В. Голощапов // Юридическая наука Сибири. – Кемерово. – 1997. – С. 182–183.
86. Гуськова, А. П. К вопросу об уголовно-процессуальной форме и ее значение в реализации демократических начал российского судопроизводства [Текст] / А. П. Гуськова // Ученые записки : Сборник научных трудов. – Тюмень. – 2002. – Вып. 3. – С. 3–11.

87. Деришев, Ю. В. Досудебное уголовное преследование по УПК РФ [Текст] / Ю. В. Деришев // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 43–50.
88. Деришев, Ю. В. Уголовное досудебное производство : проблемы и пути реформирования [Текст] / Ю. В. Деришев // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 81–83.
89. Джатиев, В. С. Обвинение и защита [Текст] / В. С. Джатиев // Российская юстиция. – 1995. – № 3. – С. 17–18.
90. Джатиев, В. С. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : шаг вперед или два шага назад? [Текст] / В. С. Джатиев // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений. – М., 2005. – С. 15–19.
91. Дореволюционные юристы о прокуратуре : Сборник статей / науч. ред. и составитель С. М. Казанцев. СПб., 2001. – 287 с.
92. Еникеев, З. Д. Уголовное преследование [Текст] / З. Д. Еникеев. – Уфа. : Изд-во БГУ, 2000. – 131 с.
93. Жук, О. Д. К вопросу о формах и видах уголовного преследования [Текст] / О. Д. Жук // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 2. – С. 334–339.
94. Жук, О. Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования [Текст] / О. Д. Жук // Законодательство. – 2004. – № 5. – С. 39–42.
95. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальные функции [Текст] : монография / З. З. Зинатуллин. – Ижевск : Удмуртский государственный университет, 1994. – 130 с.
96. Зинатуллин, З. З., Зинатуллин, Т. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам [Текст] : монография / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин. – Ижевск : Удмуртский государственный университет, 1997. – 57 с.
97. Зинатуллин, З. З., Туров, С. Ю. Эволюция учения об уголовно-процессуальных функциях [Текст] / З. З. Зинатуллин, С. Ю. Туров // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – Вып. 1. – С. 91–97.
98. Искандаров, З. Х. Роль прокурора на стадии предварительного расследования в уголовном процессе Республики Таджикистан [Текст] / З. Х. Искандаров // Материалы Межд. науч. конф. «Предварительное расследование в уголовном процессе стран Центральной Азии : между состязательной и инквизиционной моделью», Душанбе 12–13 октября 2010 г. // под общ. ред. Ф.К. Шредера, М. Кудратова. – Peter lang, 2012. – С. 275–284.
99. Искандаров, З. Х. Уголовный процесс – способ защиты прав человека [Текст] / З. Х. Искандаров // Вестник Таджикского национального университета. – 2008. – № 3 (46). – С. 85–88.

100. Картохина, О. А. Содержание и начальный момент уголовного преследования [Текст] / О. А. Картохина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2005. – № 8. – С. 189–193.
101. Коврига, З. Ф. Процессуальные проблемы уголовного преследования и защиты [Текст] / З. Ф. Коврига // Правовая конфликтология. – Воронеж. – 2005. – Вып. 13. – С. 44–53.
102. Ковтун, Н. Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссий? [Текст] / Н. Н. Ковтун // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 29–34.
103. Ковтун, Н. Н., Кузнецов, А. П. Сущность и содержание функции уголовного преследования в уголовном процессе России [Текст] / Н. Н. Ковтун, А. П. Кузнецов // Российский судья. – 2004. – № 6. – С. 29–31.
104. Корнуков, В. М. Уголовное преследование [Текст] / В. М. Корнуков // Публичное и частное право. – 2009. – № 1. – С. 157–164.
105. Королев, Г. Н. Единство и дифференциация функции уголовного преследования [Текст] / Г. Н. Королев // Законность. – 2009. – № 9. – С. 5–7.
106. Королев, Г. Н. Начальный момент уголовного преследования [Текст] / Г. Н. Королев // Законность. – 2005. – № 5. – С. 22–25.
107. Кругликов, А. П. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования [Текст] / А. П. Кругликов // Законность. – 2012. – № 1. – С. 12–16.
108. Кругликов, А. П. Уголовное преследование и обвинение в современном уголовном процессе России [Текст] / А. П. Кругликов // Материалы Межд. науч. конф. посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И. Я. Фойницкого «Стратегии уголовного судопроизводства» / отв. ред. Н. В. Радутная. – М. : РАП, 2008. – С. 105–111.
109. Кругликов, А. П. Уголовное преследование : сущность, значение и защита от него // Защита субъективных прав : история и современные проблемы : Материалы II Межвуз. науч. – практ. конф. (г. Волжский, 11.04.2000 г.). – Волгоград, 2000. – С. 62–65.
110. Кругликов, А. П. Что возбуждать : уголовное дело или уголовное преследование? [Текст] / А. П. Кругликов // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 57–59.
111. Крюков, В. Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве : уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора [Текст] : монография / В. Ф. Крюков. – М. : «Норма», 2010. – 480 с.

112. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу : процессуальные функции [Текст] : монография / А. М. Ларин. – М. : Юридическая литература, 1986. – 160 с.
113. Ларин, А. М. Я – следователь [Текст] : монография / А. М. Ларин. – М. : Юридическая литература, 1991. – 191 с.
114. Ларин, А. М., Мельникова, Э. Б., Савицкий, В. М. Уголовный процесс России. Лекции–очерки [Текст] / А. М. Ларин, Э. Б. Мельникова, В. М. Савицкий / под ред. В. М. Савицкого. – М. : Изд-во БЕК. 1997. – 238 с.
115. Мазюк, Р. В. Возбуждение уголовного преследования в Российском уголовном судопроизводстве [Текст] / Р. В. Мазюк // Деятельность правоохранительных органов и государственной противопожарной службы в современных условиях : проблемы и перспективы развития : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – Иркутск, 2005. – С. 75–78.
116. Мазюк, Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве [Текст] : монография / Р. В. Мазюк. – М. : «Юрлитинформ», 2009. – 216 с.
117. Мазюк, Р. В. Институт уголовного преследования в системе институтов российского уголовного судопроизводства [Текст] / Р. В. Мазюк // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 2 (57). – С. 139–144.
118. Мазюк, Р. В. Особые формы уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве [Текст] / Р. В. Мазюк. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 3 (83). – С. 111–113.
119. Мазюк, Р. В. Уголовное преследование – общий институт российского уголовно–процессуального права [Текст] / Р. В. Мазюк // Сибирские криминалистические чтения. – Иркутск. – 2006. – Вып. 24. – С. 59–67.
120. Мазюк, Р. В. Функциональная характеристика современного российского уголовного судопроизводства [Текст] / Р. В. Мазюк // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы Межд. науч. – практ. интернет-конференции, Иркутск, 16–30 апреля 2012 г. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. – С. 105–113.
121. Макарова, З. В. Защита в российском уголовном процессе [Текст] / З. В. Макарова // Известие вузов. Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 217–231.
122. Малахова, Л. И. Функция уголовного преследования как вид процессуальной деятельности [Текст] / Л. И. Малахова // Российский следователь. – 2003. – № 7. – С. 25–26.

123. Мартынчик, Е. Г. УПК Российской Федерации : достижения и нереализованные возможности [Текст] / Е. Г. Мартынчик // Российский судья. – 2002. – № 4. – С. 3–6.
124. Меженина, Л. А. Уголовная ответственность и уголовное преследование [Текст] / Л. А. Меженина // Проблемы уголовной ответственности : история и современность. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ. – 2004. – Часть 1. – С. 173–176.
125. Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс : концепция самоограничения государства [Текст] : монография / Е. Б. Мизулина. – Тарту : Тартуский университет, 1991. – 269 с.
126. Михайлов, В. А. Конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства [Текст] : монография / В. А. Михайлов. – М. : Изд-во Российской Таможенной академии, 2010. – 162 с.
127. Михайлов, В. А. Общие положения о предварительном расследовании [Текст] / В. А. Михайлов // Публичное и частное право. – 2012. – № 1. – С. 100–119.
128. Михайлов, В. А. Процессуальный порядок применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве [Текст] : монография / В. А. Михайлов. – М. : Академия МВД России, 1995. – 192 с.
129. Михайлов, В. А. Руководящая роль прокурора в досудебном уголовном процессе Российской Федерации [Текст] / В. А. Михайлов // Публичное и частное право. – 2010. – Вып. 2 (VI). – С. 57–74.
130. Михайлов, В. А. Судебная власть и уголовное судопроизводство [Текст] / В. А. Михайлов // Публичное и частное право. – 2009. – № 1. – С. 141–157.
131. Михайловская, И. Б. Новый УПК РФ : изменение процессуальной формы [Текст] / И. Б. Михайловская // Проблемы обеспечения участников процесса по новому Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. С. А. Шейфера. – Саратов : «Самарский университет», 2003. – С. 11–31.
132. Мониторинг влияния нового УПК РТ на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия : анализ законодательства и правоприменительной практики [Текст]. – Душанбе : Общественный Фонд «НОТАБЕНЕ», 2012. – 139 с.
133. Мотовиловкер, Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции [Текст] : монография / Я. О. Мотовиловкер. – Ярославль : Ярославский государственный университет, 1976. – 94 с.
134. Пашин, С. А. Состязательность «отложена в сторону» [Текст] / С. А. Пашин // Проект УПК РФ : научно-практический анализ. Сборник статей / под ред. С. А. Пашина. – М. : Р. Валент, 2000. – С. 21–29.

135. Пашин, С. А. Становление правосудия [Текст] / С. А. Пашин. – М. : Р. Валент, – 2011. – 456 с.
136. Петрова, Н. Е. Частное и субсидиарное обвинение [Текст] : монография / Н. Е. Петрова. – Самара : Самарский университет, 2004. – 213 с.
137. Петрухин, И. Л. Правосудие : время реформ [Текст] : монография / И. Л. Петрухин. – М. : Наука, 1991. – 208 с.
138. Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию // под ред. Маджитова А. М., Камоловой Е. Д. – Душанбе, 2012. – 228 с.
139. Рахмонов, С. Некоторые размышления о новом УПК РТ [Текст] / С. Рахмонов // Известия Академии наук Республики Таджикистан. – 2010. – № 2. – С. 116–123.
140. Результаты мониторинга практики применения Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан [Текст]. – Душанбе, 2011. – 78 с.
141. Ретунская, Т. П. Институт частного обвинения в уголовном процессе России [Текст] : монография / Т. П. Ретунская. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2006. – 144 с.
142. Савицкий, В. М. Стержневая функция прокуратуры – осуществление уголовного преследования [Текст] / В. М. Савицкий // Российская юстиция. – 1994. – № 10. – С. 24–28.
143. Савицкий, В. М. Язык процессуального закона [Текст] : монография / В. М. Савицкий. – М. : Наука, 1987. – 287 с.
144. Салимзаде, Ш. О. Новый УПК Республики Таджикистан : основные цели и достижения [Текст] / Ш. О. Салимзаде // Прокурорская и следственная практика. – 2011. – № 1. – С. 44–46.
145. Соловьев, А. Б. О функциях прокуратуры в досудебных стадиях уголовного судопроизводства [Текст] / А. Б. Соловьев // Проблемы совершенствования прокурорского надзора. – М., 1997. – С. 120–126.
146. Соловьев, А. Б. Уголовное преследование и прокурорский надзор в досудебных стадиях судопроизводства [Текст] / А. Б. Соловьев // Прокурорская и следственная практика. – 1997. – № 3. – С. 88–94.
147. Соловьев, А. Б. Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства [Текст] / А. Б. Соловьев // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы Межд. науч. – практ. конф. – М., 2007. – С. 373–376.

148. Соловьев, А. Б., Токарева, М. Е. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России [Текст] : монография / А. Б. Соловьев, М. Е. Токарева. – М. : «Юрлитинформ», 2010. – 304 с.

149. Соловьев, А. Б., Якубович Н. А. К вопросу о концепции правового обеспечения функции уголовного преследования [Текст] / А. Б. Соловьев, Н. А. Якубович // Современные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики. – М., – Кемерово, 1996. – С. 79–80.

150. Синельщиков, Ю. П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса [Текст] / Ю. П. Синельщиков // Российский следователь. – 2008. – № 17. – С. 9–14.

151. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса [Текст] : монография / А. В. Смирнов. – СПб. : «Наука», ООО «Издательство "Альфа"», 2000. – 223 с.

152. Смирнов, А. В. Состязательные и инквизиционные элементы в современном уголовном процессе постсоветских государств Среднеазиатского региона (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан) [Текст] / А. В. Смирнов // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 7–10.

153. Смирнов, А. В., Калиновский, К. Б. Уголовный процесс [Текст] / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский / под общ. ред. А. В. Смирнова. – СПб. : Питер, 2004. – 697 с.

154. Судебная власть в России. История. Документы [Текст] : в 6 т. / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин. – Т. IV : На рубеже веков : Эпоха войн и революций. – М. : Мысль, 2003. – 678 с.

155. Сухарева, Н. Д. О понятии «уголовное преследование» [Текст] / Н. Д. Сухарева // Российский следователь. – 2002. – № 10. – С. 24–25.

156. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела [Текст] : монография. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. И. С. Дикарев. – М. : Юрлитинформ. 2012. – 408 с.

157. Томин, В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства [Текст] : монография / В. Т. Томин. – М. : Юридическая литература, 1991. – 240 с.

158. Томин, В. Т. Уголовный процесс : актуальные проблемы теории и практики [Текст] : монография / В. Т. Томин. – М. : Юрайт, 2009. – 376 с.

159. Ткачев, Н. В. Общенаучный аспект понятия «функция» [Текст] / Н. В. Ткачев // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях : проблемы теории и практики. Сборник статей. – М. : «Волтерс Клувер», 2010. – С. 108–113.

160. Фаткуллин, Ф. Н., Зинатуллин, З. З., Аврах, С. Я. Обвинение и защита по уголовным делам [Текст] / Ф. Н. Фаткуллин, З. З. Зинатуллин, С. Я. Аврах. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1976. – 168 с.
161. Федотов, А. В. К вопросу механизма уголовного преследования [Текст] / А. В. Федотов // История государства и права. – 2009. – № 3. – С. 13–16.
162. Федотов, А. В. Сущность и содержание понятия «уголовное преследование» в современном российском уголовно–процессуальном праве [Текст] / А. В. Федотов // История государства и права. – 2009. – № 2. – С. 19–22.
163. Халилов, Ф. Я–О. Нормативное понятие уголовного преследования по УПК Азербайджанской Республике и Российской Федерации [Текст] / Ф. Я–О. Халилов // Право и государство : теории и практика. – 2009. – № 2 (50). – С. 130–133.
164. Халиулин, А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России [Текст] : монография / А. Г. Халиулин. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. – 224 с.
165. Халиулин, А. Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок [Текст] / А. Г. Халиулин // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2008. – № 11. – С. 3–8.
166. Халиулин, А. Г. Прокурор в современном уголовном процессе России [Текст] / А. Г. Халиулин // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях : проблемы теории и практики. Сборник статей. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – С. 113–118.
167. Хатуаева, В. В. Институт уголовного преследования в российском уголовно-процессуальном праве [Текст] : монография / В. В. Хатуаева. – М., Российская академия правосудия, 2010. – 147 с.
168. Хатуаева, В. В., Рябцева, Е. В. Критерии дифференциации уголовного преследования в современном уголовном судопроизводстве [Текст] / В. В. Хатуаева, Е. В. Рябцева // Российская юстиция. – 2012. – № 4. – С. 37–39.
169. Чувилев, А. А. Оперативно-розыскное право [Текст] / А. А. Чувилев. – М. : Норма ИНФРА-М, 1999. – 80 с.
170. Чернышев, В. А. Понятие уголовно–процессуальной функции в науке уголовного процесса [Текст] / В. А. Чеканов // Вестник Удмуртского университета. – 1998. – № 1. – С. 177–187.
171. Шейфер, С. А. Новые изменения уголовно-процессуального законодательства – новые вопросы [Текст] / С. А. Шейфер // Уголовно–процессуальное законодательство в современных условиях : проблемы теории и практики. Сборник статей. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – С. 122–128.

172. Щерба, С. П., Дадонов, В. Н. Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании [Текст] / С. П. Щерба, В. Н. Дадонов // Законность. – 2011. – № 6. – С. 53–57.

Диссертации и авторефераты диссертаций

173. Алексеева, Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство : реализация в УПК Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Алексеева Лидия Борисовна. – М., 2003. – 57 с.

174. Арипов, А.Л. Деятельность следователя по собиранию и проверке доказательств на предварительном следствии (по законодательству Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Арипов Анвар Лутфуллоевич. – М., 2011. – 226 с.

175. Берова, Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Берова Джульетта Михайловна. – Краснодар, 2011. – 47 с.

176. Бобылев, М. П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Бобылев Максим Петрович. – Уфа, 2004. – 200 с.

177. Воронин, В. В. Становление, особенности проблемы российского судопроизводства по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Воронин Владимир Викторович. – Оренбург, 2001. – 206 с.

178. Горлова, С. В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Горлова Светлана Вениаминовна. – Челябинск, 2006. – 273 с.

179. Досанов, Р. К. Уголовное преследование по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Досанов Рахмаджан Кузыбаевич. – М., 2004. – 216 с.

180. Еремян, А. В. Основания возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Еремян Ара Владимирович. – М., 1993. – 189 с.

181. Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций), участии в них и о преступлениях, совершенных этими сообществами : современные проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Жук Олег Дмитриевич. – М., 2004. – 376 с.

182. Искандаров, З. Х. Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Искандаров Зайниддин Хамидович. – Ташкент, 2010. – 50 с.

183. Кан, М. П. Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Кан Маргарита Петровна. – Ташкент, 1988. – 175 с.

184. Картохина, О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Картохина Оксана Алексеевна. – СПб., 2003. – 244 с.

185. Касимов, А. А. Судебная власть : уголовно-процессуальное исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Касимов Акылтай Ахмеджанович. – Караганда, 2001. – 25 с.

186. Козубенко, Ю. В. Уголовное преследование : вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Козубенко Юрий Вячеславович. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.

187. Королев Г. Н. Теоретические и правовые основы осуществления прокурором уголовного преследования в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Королев Геннадий Николаевич. – Н. Новгород, 2005. – 438 с.

188. Коршунова, О. Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Коршунова Ольга Николаевна. – М., 2006. – 42 с.

189. Кучин, А. Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Кучин Александр Федорович. – Н. Новгород, 2004. – 193 с.

190. Крюков, В. Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Крюков Виктор Федорович. – М., 2012. – 52 с.

191. Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Кухта Андрей Андреевич. – Н. Новгород, 2010. – 660 с.

192. Лобанов, А. П. Функции уголовного преследования и защиты в досудебном производстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Лобанов Анатолий Петрович. – М., 1996. – 48 с.

193. Михайлов, В. А. Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Михайлов Виктор Александрович. – Воронеж, 1968. – 18 с.

194. Муравьев, К. В. Возбуждение уголовного дела в отношении лица : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Муравьев Кирилл Владимирович. – Омск, 2005. – 27 с.
195. Мухиддинов, А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мухиддинов Алишер Абдувахидович. – Ташкент, 2009. – 20 с.
196. Нозиров, Н.А. Охрана прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Нозиров Накиб Алиевич. – М., 2006. – 257 с.
197. Петрова, Н. Е. Частное и subsidiарное обвинение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Петрова Наталья Евгеньевна. – Самара, 1999. – 213 с.
198. Раджабов, С. Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Раджабов Султон Раджабович. – Душанбе, 1967. – 408 с.
199. Струкова, В. В. Уголовное преследование, осуществляемое в частном порядке (теоретические основы и механизм реализации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Струкова Виктория Викторовна. – М., 2011. – 25 с.
200. Улищенко, М. Б. Функция обвинения в суде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Улищенко Мария Борисовна. – М., 1997. – 22 с.
201. Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации : проблемы осуществления в условиях правовой реформы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Халиулин Александр Германович. – М., 1997. – 261 с.
202. Шарипова, А. Р. Уголовное преследование по делам о налоговых преступлениях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Шарипова Алия Рашидовна. – М., 2010. – 222 с.
203. Шманатова, В. Е. Публичное начало как основа уголовного преследования в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Шманатова Валентина Евгеньевна. – Самара, 2004. – 137 с.
204. Юрчишин, В. Н. Проблемы государственного и частного обвинения в судах Украины : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Юрчишин Василий Николаевич. – Киев, 2004. – 19 с.
205. Ягофаров, Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ягофаров Фарит Мухамедвалеевич. – Оренбург, 2003. – 149 с.

Иные источники

206. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / под ред. В. М. Лебедева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2007. – 943 с.
207. Научно-практический комментарий к Конституции Республики Таджикистан (на тадж. языке) [Текст] / под общ. ред. М. А. Махмудова. – Душанбе : Шарки озода, 2009. – 520 с.
208. Научно-практический комментарий к УПК Кыргызской Республики [Текст] / отв. ред. К. М. Осмоналиев. – Бишкек : Издательский Дом «Алтын принт», 2008. – 704 с.
209. Общие сведения о состоянии преступности в Республике Таджикистан за 12 месяцев 2006–2007 гг. – Душанбе : Информационный Центр МВД Республики Таджикистан, 2007. – 55 с.
210. Общие сведения о состоянии преступности в Республике Таджикистан за 12 месяцев 2007–2008 гг. – Душанбе : Информационный Центр МВД Республики Таджикистан, 2008. – 55 с.
211. Общие сведения о состоянии преступности в Республике Таджикистан за 12 месяцев 2008–2009 гг. – Душанбе : Информационное Управление МВД Республики Таджикистан, 2009. – 57 с.
212. Общие сведения о состоянии преступности в Республике Таджикистан за 12 месяцев 2009–2010 гг. – Душанбе : Информационное Управление МВД Республики Таджикистан, 2010. – 57 с.
213. Общие сведения о состоянии преступности в Республике Таджикистан за 12 месяцев 2010–2011 гг. – Душанбе : Главный информационно–аналитический центр МВД Республики Таджикистан, 2011. – 59 с.
214. Общие сведения о состоянии преступности в Республике Таджикистан за 12 месяцев 2011–2012 гг. – Душанбе : Главный информационно–аналитический центр МВД Республики Таджикистан, 2012. – 59 с.
215. Преступность и правонарушения. 2004–2008 гг. : Статистический сборник. – М. : ФКУ Главный информационно–аналитический центр МВД России, 2009. – 72 с.
216. Состояние преступности в России (январь–декабрь 2009 г.). – М. : ФКУ Главный информационно–аналитический центр МВД России, 2009. – 48 с.
217. Состояние преступности в России (январь–декабрь 2010 г.). – М. : ФКУ Главный информационно–аналитический центр МВД России, 2010. – 50 с.
218. Состояние преступности в России (январь–декабрь 2011 г.). – М. : ФКУ Главный информационно–аналитический центр МВД России, 2011. – 50 с.

219. Состояние преступности в России (январь–декабрь 2012 г.). – М. : ФКУ
Главный информационно–аналитический центр МВД России, 2012. – 60 с.

220. Уголовно–процессуальный кодекс РСФСР : С постатейными
материалами [Текст] / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М. : «Спарк», 2000. – 1037 с.

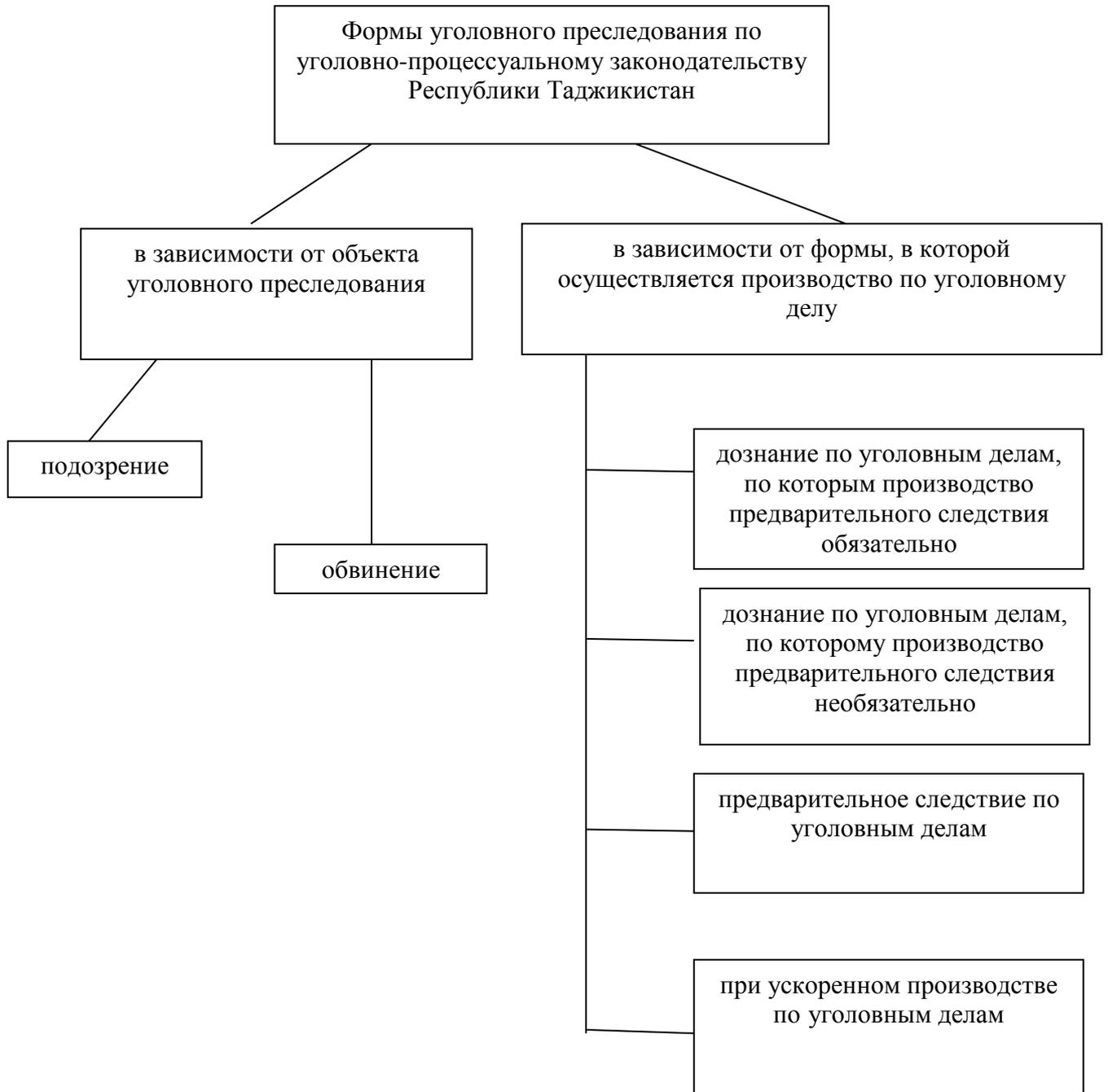
Понятие уголовного преследования, приведенное в уголовно – процессуальных законодательствах государств – участников СНГ¹

<p>Модельный УПК для государств-участников СНГ (п.23 ст.10)</p>	<p>Уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении преступления, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер</p>
<p>УПК Республики Азербайджан (ст.7 п.7.0.4)</p>	<p>Уголовное преследование – уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая в целях установления события преступления, изобличения лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом, предъявления ему обвинения, поддержания этого обвинения в суде, назначения наказания, обеспечения при необходимости мер процессуального принуждения</p>
<p>УПК Республики Армения (п.17 ст.6)</p>	<p>Уголовное преследование – всякие процессуальные действия, осуществляемые органами уголовного преследования, а в установленных настоящим Кодексом случаях – потерпевшим в целях установления личности совершившего запрещенное Уголовным кодексом деяние, виновности последнего в совершении преступления, а также обеспечения применения к такому лицу наказания или других мер принуждения</p>
<p>УПК Республики Белоруссии (п.48 ст.6)</p>	<p>Уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая органом дознания, дознавателем, следователем, прокурором, частным обвинителем в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения</p>

¹ В некоторых УПК государств-участников СНГ отсутствует законодательное определение уголовного преследования. Например: УПК Республики Узбекистан; УПК Республики Кыргызстан; УПК Республики Молдова и УПК Украины.

УПК Республики Казахстан (п.13 ст.7)	Уголовное преследование (обвинение) – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении преступления, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или иных мер уголовно-правового воздействия.
УПК Российской Федерации (п.55 ст.5)	Уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.
УПК Республики Таджикистан (п.24 ст.6)	Уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, дознавателем в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, привлечения последнего в качестве обвиняемого, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер.
УПК Туркменистана (п.39 ст.6)	Уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая органами уголовного преследования в целях сбора подтверждающих доказательств, наличия или отсутствия признаков запрещенных уголовным законом деяний в фактически совершенных действиях, а если таковые имеются, то виновности или невиновности лица, подозреваемого в совершении этих деяний.

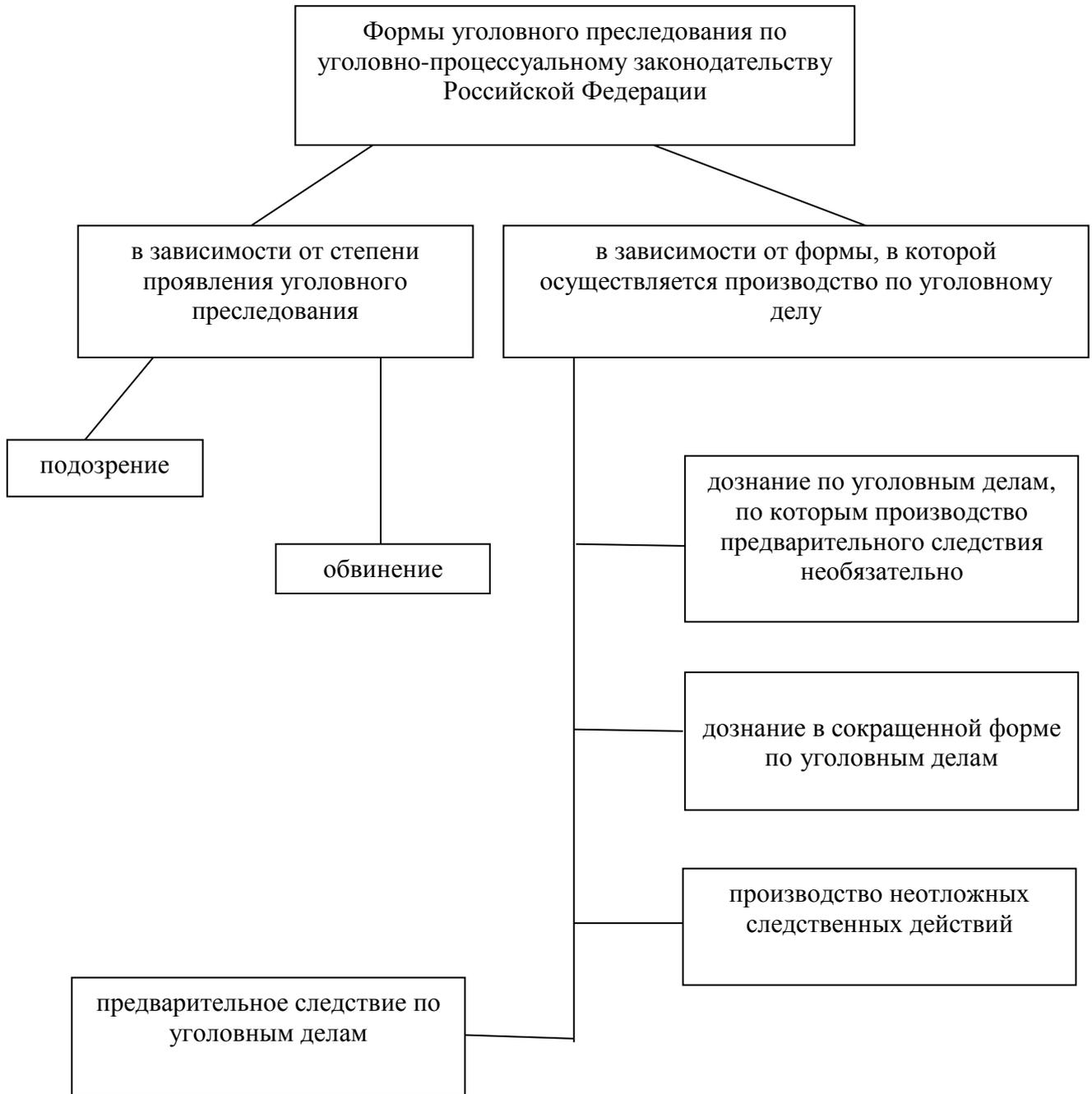
Структура форм уголовного преследования по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан

Структура форм и видов уголовного преследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации

Структура форм уголовного преследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации

АНКЕТА

**для опроса сотрудников прокуратуры, предварительного следствия и дознания по
проблемам осуществления функции уголовного преследования в досудебном
производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики
Таджикистан**

АНКЕТА**для опроса сотрудников органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания**

Уважаемые коллеги! На кафедре управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России проводится исследование, посвященное институту уголовного преследования в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан. Полагаем, что полное и всестороннее изучение теоретических аспектов и анализ взглядов практических работников на проблемы правоприменения процессуальных норм об институте уголовного преследования в досудебном производстве будут способствовать выработке обоснованных предложений по реформированию данного правового института. Нам необходима и ваша помощь в форме ответов на поставленные в настоящей анкете вопросы. Данные проведенного анкетирования будут использованы в обобщенном виде в научно-исследовательских целях и при подготовке законодательных предложений по совершенствованию УПК РТ.

Выбрав нужный вариант ответа, обведите его кружком (либо подчеркните).

1. *Имеет ли для Вас в профессиональной деятельности какое-либо практическое значение понятие «уголовное преследование»?*

1) нет;

2) да (можно указать несколько вариантов):

а) для разграничения понятий «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования»;

б) для выделения видов уголовного преследования (публичного, частно-публичного и частного);

в) как наименование порядка прекращения производства по уголовному делу в отношении конкретного лица;

г) иное _____

2. *В каком из перечисленных значений, на Ваш взгляд, «уголовное преследование» используется в УПК РТ?*

а) как название процессуальной деятельности стороны, осуществляющей уголовное преследование, которая по своей целенаправленности отлична от процессуальной деятельности по установлению события преступления и связанных с ним обстоятельств;

б) как название функции в условиях состязательного судопроизводства (синоним функции обвинения);

в) как название производства по уголовному делу в целом;

г) иное _____

3. *Как Вы понимаете термин «уголовно-процессуальная функция»?*

а) как направление деятельности;

б) как круг полномочий, обязанностей;

в) иное _____

4. *С какого момента, по Вашему мнению, начинается уголовное преследование?*

а) с момента поступления заявления или сообщения о признаках преступления;

б) с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;

в) с момента возбуждения уголовного дела вообще;

г) с момента проведения первых процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина;

д) иное _____

5. С какого момента, по Вашему мнению, заканчивается уголовное преследование?

- а) с составлением обвинительного заключения и предъявлением обвинения;
- б) с утверждением обвинительного заключения;
- в) с направлением уголовного дела в суд;
- г) с прекращением уголовного дела;
- д) иное _____

6. По Вашему мнению, основной целью осуществления уголовного преследования является:

- а) установление лица, совершившего преступление, и привлечение его к уголовной ответственности;
- б) раскрытие преступления;
- в) установление фактических обстоятельств совершения преступления;
- г) свой вариант: _____

7. По Вашему мнению, что следует относить к содержанию функции уголовного преследования?

- а) процессуальную деятельность, предусмотренную УПК РТ;
- б) процессуальные действия следственных органов и прокуратуры;
- в) деятельность по раскрытию и расследованию преступлений;
- г) иное _____

8. Считаете, ли Вы понятия «уголовное преследование» и «обвинение» тождественными по содержанию:

- а) да;
- б) нет;
- в) иное _____

9. Считаете, ли Вы оперативно-розыскную деятельность частью уголовного преследования?

- а) да;
- б) нет;
- в) свой вариант: _____

10. По Вашему мнению, что составляет понятие уголовное преследование?

- а) процессуальная деятельность правоохранительных органов, предусмотренная в УПК РТ;
- б) оперативно-розыскная деятельность;
- в) административная деятельность.
- г) иное _____

11. Считаете ли Вы, что необходимо разрешить примирение сторон по всем делам частного-публичного обвинения (в т.ч. и по ст.138 УК РТ). Почему?

- а) да, потому что _____
- б) нет, потому что _____

12. Допустимо ли, на Ваш взгляд, процедуру примирения сторон закрепить в ч.2 ст.24 УПК РТ?

- а) да;
- б) нет;
- в) иное _____

13. Как Вы считаете, целесообразно ли наделять потерпевшего правами по осуществлению уголовного преследования (на примере ст.24 ч.5 и п.п.10-11 ст.279 УПК РТ)?

- а) да;
- б) нет;

14. С чем, на Ваш взгляд, связаны проблемы осуществления функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела?

- а) недооценка должностными лицами значимости процессуальных норм;
- б) неверная интерпретация норм закона;
- в) нарушение требований закона вследствие низкого уровня правосознания должностных лиц;
- г) несовершенство норм уголовно-процессуального законодательства;
- д) иное _____

16. На Ваш взгляд, в чем различие дел частного, публичного и частно-публичного обвинения?

- а) в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления;
- б) по составу статей, предусмотренных в разных частях ст.24 УПК РТ;
- в) по признакам подследственности в соответствии со ст.161 УПК РТ;
- г) иное _____

17. Можно ли утверждать, что функция уголовного преследования и предварительное расследование это идентичные понятия?

- а) да;
- б) нет;
- в) иное _____

Укажите общий стаж Вашей службы _____

Укажите службу, в которой Вы работаете _____

Укажите занимаемую Вами должность _____

Ваше образование _____

Благодарим за проявленное понимание! Желаем успехов!

**РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ
следователей органов прокуратуры, дознавателей и следователей системы
МВД Республики Таджикистан**

Всего проанкетировано 385 следственных сотрудников и дознавателей правоохранительных органов Республики Таджикистан по наиболее актуальным вопросам, рассматриваемым в рамках проведенного диссертационного исследования.

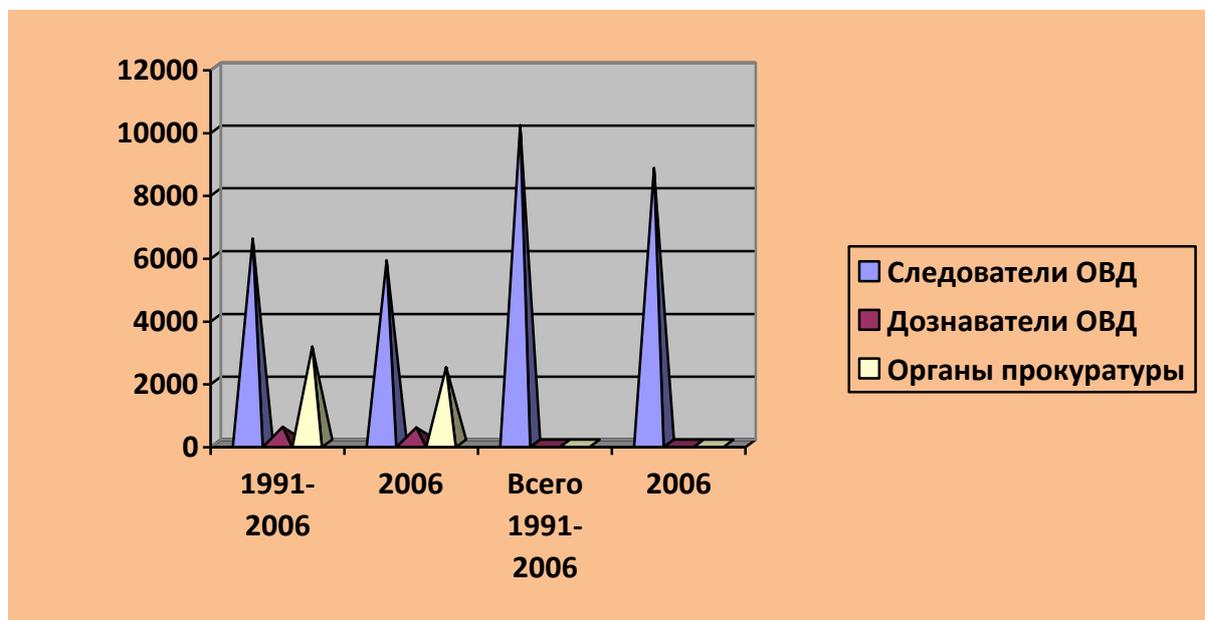
п/п	Вопрос	Результаты в %
1.	Сотрудником какого органа исполнительной власти вы являетесь? а) МВД Республики Таджикистан б) Генеральная прокуратура Республики Таджикистан	54 18; 92
2.	Стаж работы по специальности: а) менее 3 лет б) от 3 лет до 8 лет в) 8 лет и более	9 10 24
3.	Имеет ли для Вас в профессиональной деятельности какое-либо практическое значение понятие «уголовное преследование»? а) да 1. для разграничения понятий «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования»; 2. для выделения видов уголовного преследования (публичного, частно-публичного и частного); 3. как наименование порядка прекращения производства по уголовному делу в отношении конкретного лица; б) нет в) иное	58 27
4.	В каком из перечисленных значений, на Ваш взгляд, «уголовное преследование» используется в УПК РТ? а) как название процессуальной деятельности стороны, осуществляющей уголовное преследование, которая по своей целенаправленности отлична от процессуальной деятельности по установлению события преступления и связанных с ним обстоятельств; б) как название функции в условиях состязательного судопроизводства (синоним функции обвинения); в) как название производства по уголовному делу; г) иное	28 9 11
5.	Как Вы понимаете термин «уголовно-процессуальная функция»? а) как направление деятельности; б) как круг полномочий, обязанностей; в) иное	60 44
6.	С какого момента, по Вашему мнению, начинается уголовное преследование? а) с момента поступления заявления или сообщения о признаках преступления; б) с момента возбуждения уголовного дела в отношении	13

	<p>конкретного лица;</p> <p>в) с момента возбуждения уголовного дела вообще;</p> <p>г) с момента проведения первых процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина;</p> <p>д) иное</p>	<p>20</p> <p>12</p> <p>4</p>
7.	<p>С какого момента, по Вашему мнению, заканчивается уголовное преследование?</p> <p>а) с составлением обвинительного заключения и предъявлением обвинения;</p> <p>б) с утверждением обвинительного заключения;</p> <p>в) с направлением уголовного дела в суд;</p> <p>г) с прекращением уголовного дела;</p> <p>д) иное</p>	<p>6</p> <p>4</p> <p>13</p> <p>19</p> <p>9</p>
8.	<p>По Вашему мнению, основной целью осуществления уголовного преследования является:</p> <p>– установление лица, совершившего преступление, и привлечение его к уголовной ответственности;</p> <p>– раскрытие преступления;</p> <p>– установление фактических обстоятельств совершения преступлений;</p> <p>– свой вариант</p>	<p>31</p> <p>9</p> <p>6</p> <p>2</p>
9.	<p>По Вашему мнению, что следует относить к содержанию функции уголовного преследования?</p> <p>а) процессуальную деятельность, предусмотренную УПК РТ;</p> <p>б) процессуальные действия следственных органов и прокуратуры;</p> <p>в) деятельность по раскрытию и расследованию преступлений;</p> <p>г) иное</p>	<p>26</p> <p>3</p> <p>18</p> <p>3</p>
10.	<p>Считаете, ли Вы понятия «уголовное преследование» и «обвинение» тождественными по содержанию:</p> <p>а) да</p> <p>б) нет</p> <p>в) иное</p>	<p>42</p> <p>42</p> <p>15</p>
11.	<p>Считаете, ли Вы оперативно-розыскную деятельность частью уголовного преследования?</p> <p>а) да</p> <p>б) нет</p> <p>в) свой вариант</p>	<p>86</p> <p>14</p>
12.	<p>По Вашему мнению, что составляет понятие уголовное преследование?</p> <p>а) процессуальная деятельность правоохранительных органов, предусмотренная УПК РТ;</p> <p>б) оперативно-розыскная деятельность;</p> <p>в) административная деятельность;</p> <p>г) иное</p>	<p>39</p> <p>7</p> <p>3</p> <p>1</p>
13.	<p>Считайте ли Вы, что необходимо разрешить примирение сторон по всем делам частного-публичного обвинения (в т.ч. и по ст.138 УК РТ). Почему?</p> <p>а) да, потому что</p>	<p>16</p>

	б) нет, потому что в) иное	24
14.	Допустимо ли, на Ваш взгляд, процедуру примирения сторон закрепить в ч.2 ст.24 УПК РТ? а) да б) нет в) иное	35 11 1
15.	Как Вы считаете, целесообразно ли наделять потерпевшего правами по осуществлению уголовного преследования (на примере ст.24 ч.5 и п.п.10-11 ст.279 УПК РТ)? а) да б) нет	60 40
16.	С чем, на Ваш взгляд, связаны проблемы осуществления функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела? а) недооценка должностными лицами значимости процессуальных норм; б) неверная интерпретация норм закона; в) нарушение требований закона вследствие низкого уровня правосознания должностных лиц; г) несовершенство норм уголовно-процессуального законодательства; д) иное	9 9 11 20 1
17.	На Ваш взгляд, в чем различие дел частного, публичного и частно-публичного обвинения? а) в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления; б) по составу статей, предусмотренных в разных частях ст.24 УПК РТ; в) по признакам подследственности в соответствии со ст.161 УПК РТ; г) иное	31 12 6 1
18.	Можно ли утверждать, что функция уголовного преследования и предварительное расследование это идентичные понятия? а) да б) нет в) иное: уголовное преследование ведется в отношении определенного лица, а предварительное расследование может вестись и по «факту» совершенного преступления	24 23 62

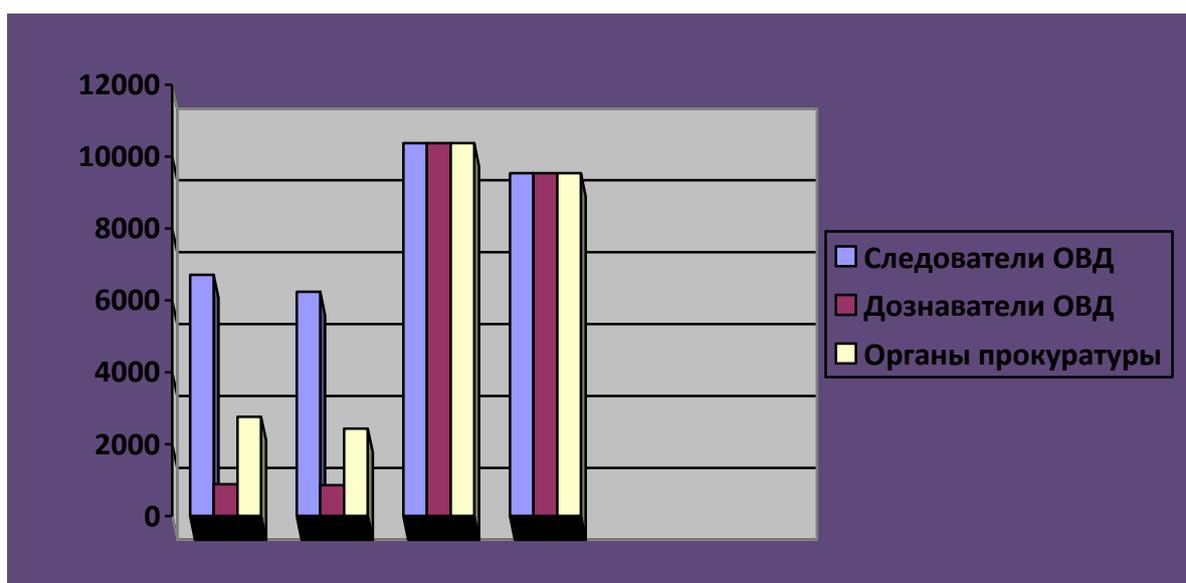
**Сравнительная таблица о количестве возбужденных и расследованных
уголовных дел правоохранными органами
Республики Таджикистан за 2006 -2012 г.¹**

**Общие сведения о расследованных уголовных делах по Таджикистану
за 1991-2006 г.**

Приложение 5.1

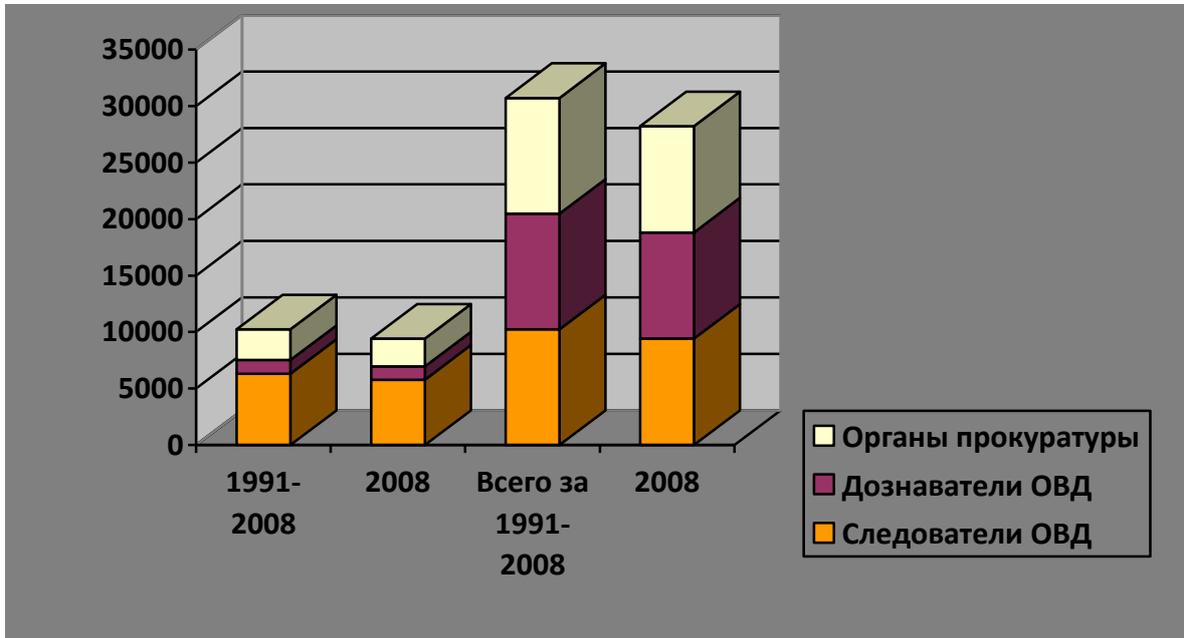
**Общие сведения о расследованных уголовных делах по Таджикистану
за 1991-2007 г.**

¹ Сведения статистической отчетности Главного информационно-аналитического центра МВД Республики Таджикистан о состоянии преступности за 2006–2012 гг.

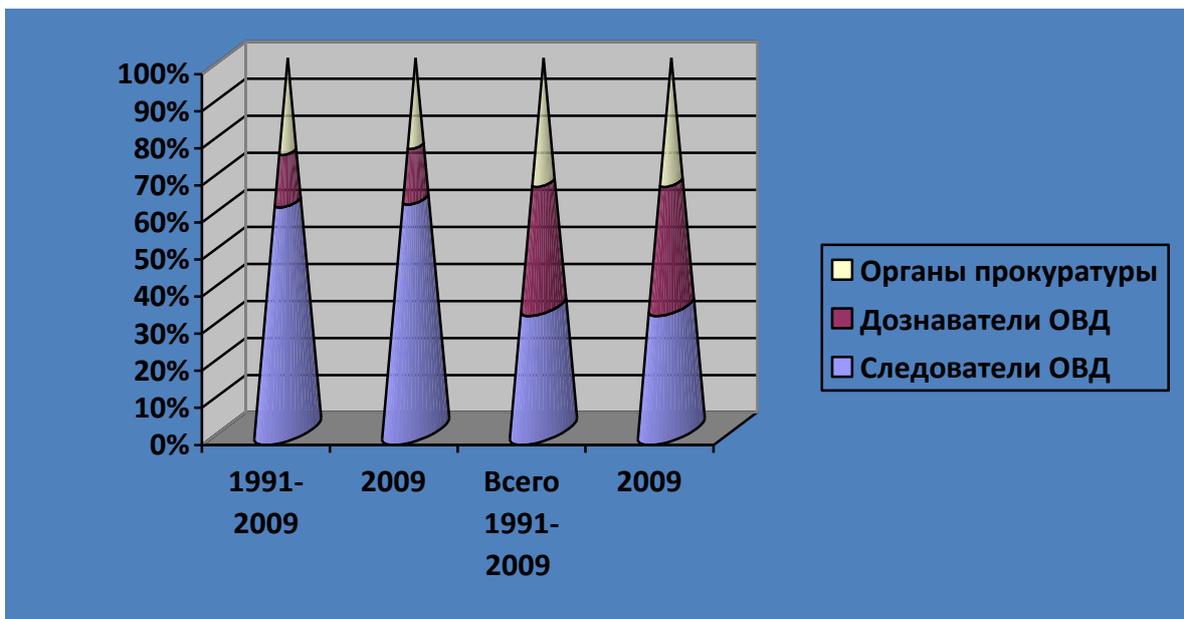
Приложение 5.2

Общие сведения о расследованных уголовных делах по Таджикистану за 1991-2008 г.

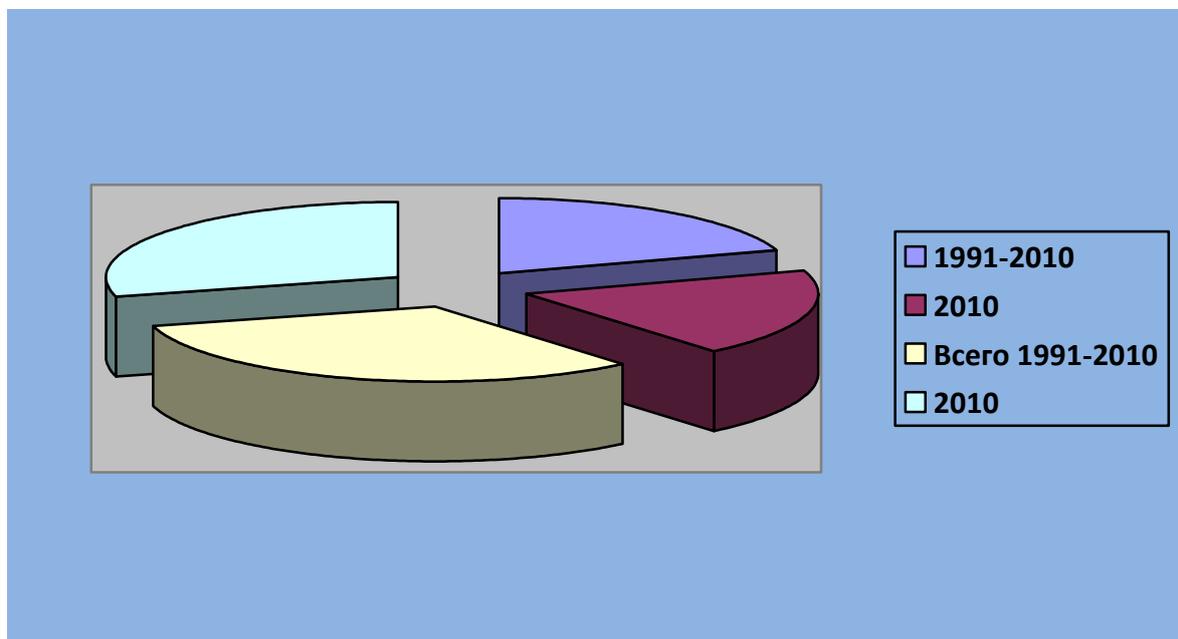
Приложение 5.3

Общие сведения о расследованных уголовных делах по Таджикистану за 1991-2009 г.

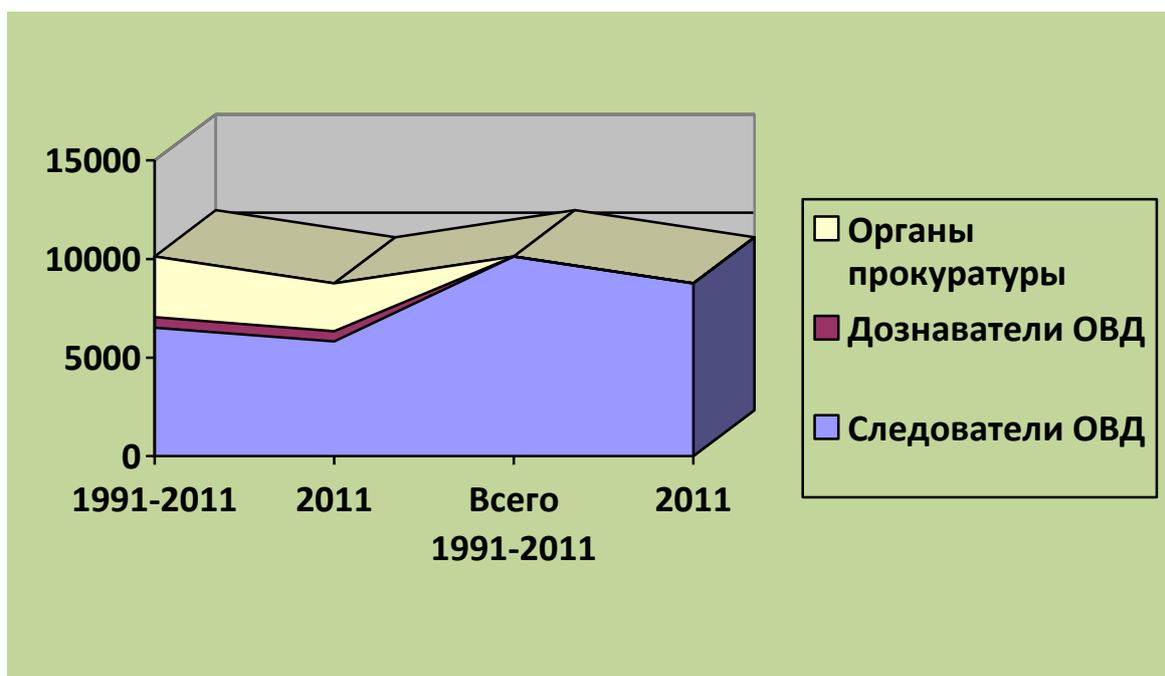
Приложение 5.4

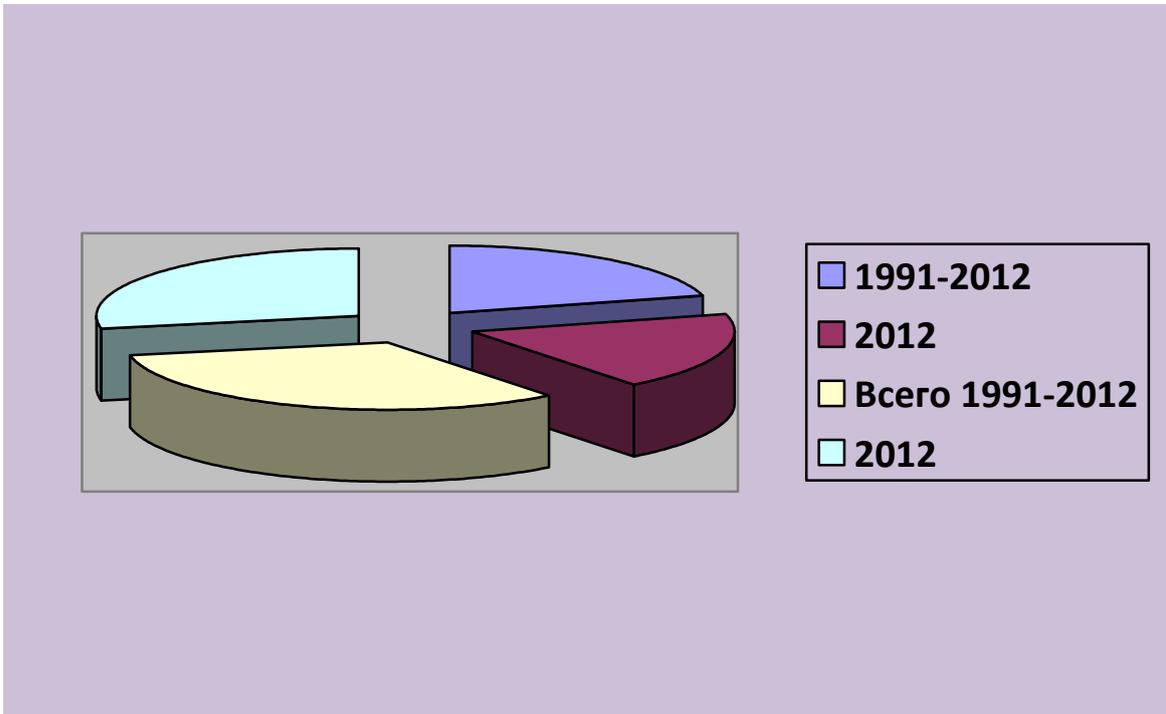
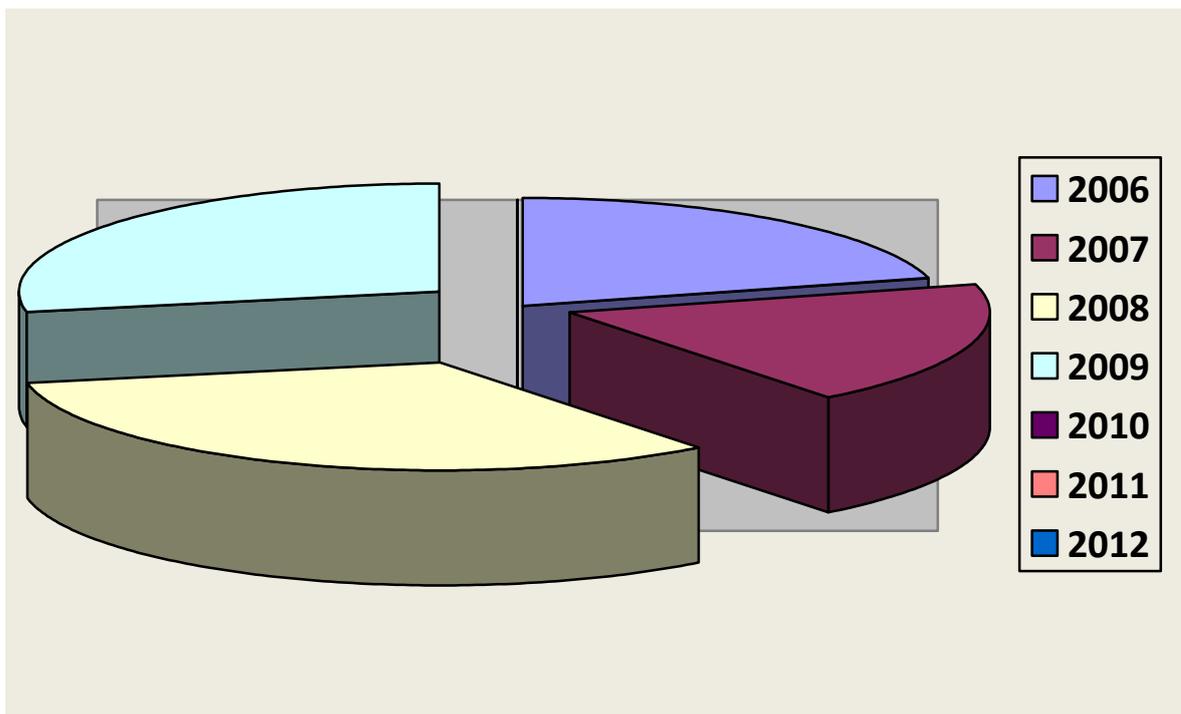
Общие сведения о расследованных уголовных делах по Таджикистану
за 1991-2010 г.

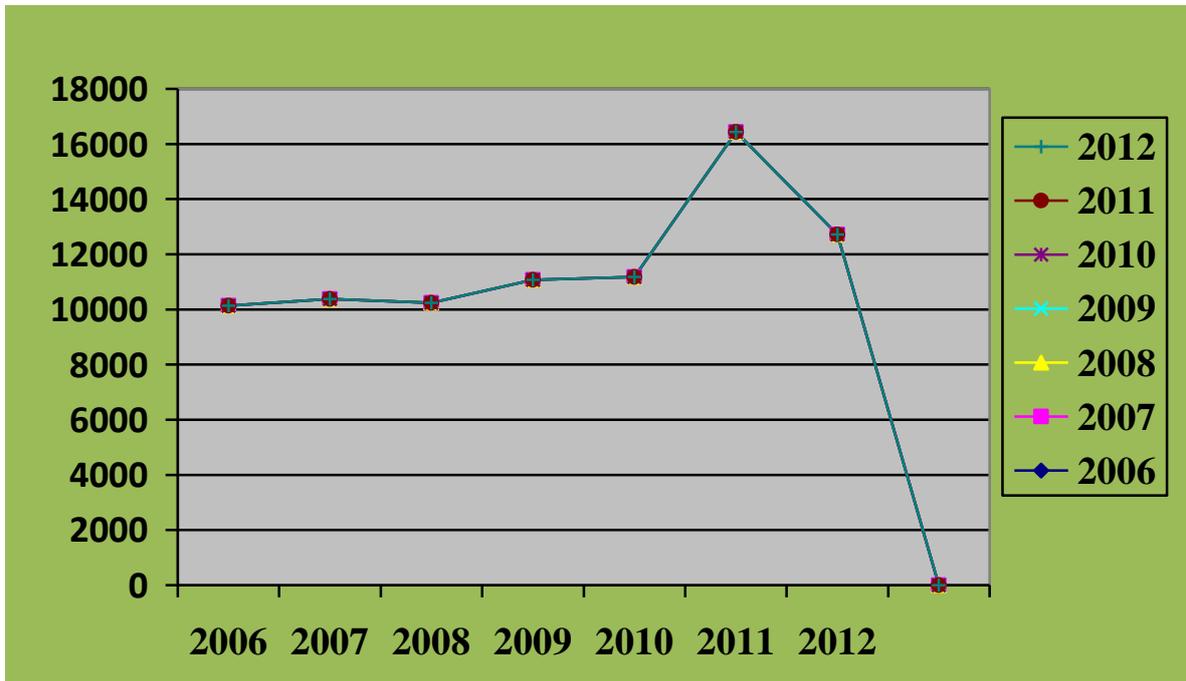
Приложение 5.5

Общие сведения о расследованных уголовных делах по Таджикистану
за 1991-2011 г.

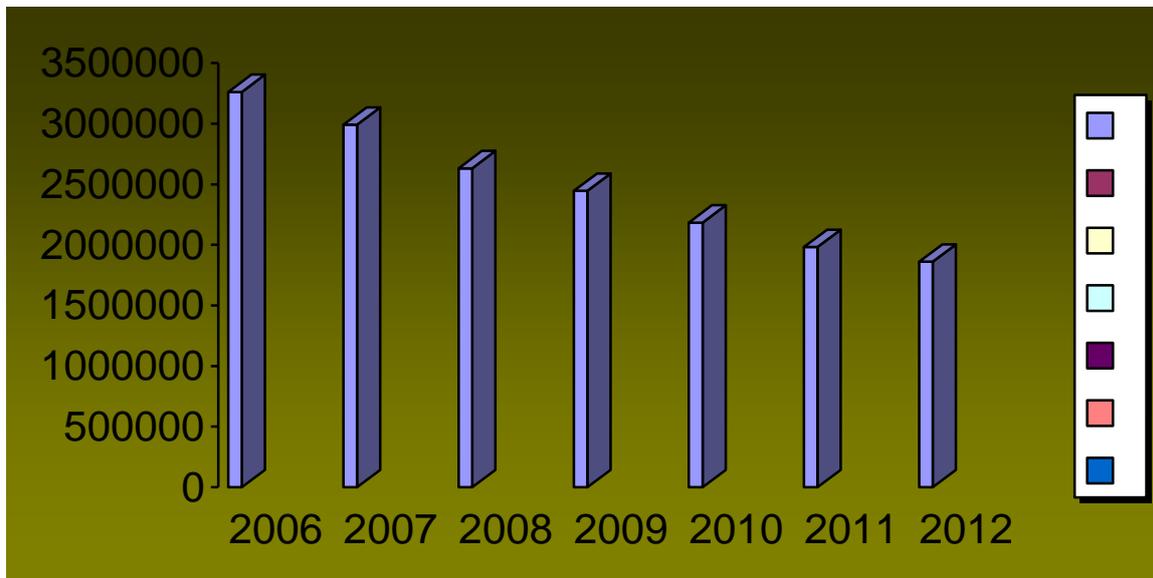

*Приложение 5.6***Общие сведения о расследованных уголовных делах по Таджикистану
за 1991-2012 г.***Приложение 5.7***Статистика совершенных преступлений за период с 2006 по 2012 г.**

Статистические данные по расследованным уголовным делам за период с 2006-2012 гг.

Общее количество возбужденных уголовных дел на территории Российской Федерации с 2006 по 2012 г.²

² Сведения статистической отчетности Главного информационно-аналитического центра МВД Российской Федерации о количестве принятых процессуальных решений по возбуждению уголовного дела за 2006–2012 гг.

Закон Республики Таджикистан
«О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс
Республики Таджикистан»

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан, принятый Законом Республики Таджикистан от 03 декабря 2009 года (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009 г., № 12, ст. 816; 2010 г., № 7, ст. 551; 2011 г., № 3, ст. 159; 2011 г., № 7-8, ст. 609; 2012 г., № 4, ст. 259; 2012 г., № 7, ст. 714; 2012 г., № 8, ст. 815); следующие изменения и дополнения:

1. Изложить в новой редакции ч. 1 ст. 24 УПК РТ:

Статья 24. Дела частного, частно-публичного и публичного обвинения

1. В зависимости от характера и тяжести совершенного преступления, уголовное преследование, в том числе поддержание обвинения в суде, осуществляется в частном, частно-публичном и публичном порядке.

<...>

2. Дополнить текст ч. 2 ст. 24 УПК РТ, регламентирующий порядок примирения сторон по делам частного обвинения, следующим предложением *«Примирение сторон допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора»* и изложить ее в следующей редакции:

<...>

2. Дела о преступлениях, предусмотренных в статьях 112, 116, частями 1 и 2 статьи 156 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, признаются делами частного обвинения, возбуждаются по заявлению лица, пострадавшего от преступления, его законного представителя, и производство по ним подлежит прекращению в случае примирения его с обвиняемым. Примирение сторон допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

<...>

3. В целях приведения в соответствие текста названию статьи, предлагается заменить и дополнить текст ч. 1 ст. 25 УПК РТ: словосочетание «выражать свою волю» заменить на *«защищать свои права и законные интересы»*; после слов «уголовном обвинении» словом *«подозреваемого»*, а словосочетание «уголовном обвинении» заменить на *«уголовном преследовании»* и изложить в редакции:

Статья 25. Право потерпевшего на участие в уголовном преследовании

1. Потерпевший, а в случае его смерти или неспособности по возрасту или состоянию здоровья защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве, законный представитель или его представитель имеют право в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, участвовать в уголовном преследовании подозреваемого, обвиняемого, а по делам частного обвинения имеют право выдвигать и поддерживать обвинение против соответствующего лица.

4. Из текста ст. 26 УПК РТ вытекает, что уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела в каждом случае обнаружения события преступления. Возбуждение уголовного дела по факту совершенного преступления еще полностью не доказывает и не оправдывает обязанность реализации функции уголовного

преследования. Было бы оправданным, с нашей точки зрения, в вышеизложенную норму УПК РТ добавить следующее словосочетание: «...*возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица*...». Тем самым четко разграничивается порядок возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица (уголовное преследование) и возбуждения уголовного дела по факту совершенного преступления. И соответственно изложить данную норму в следующей редакции:

Статья 26. Обязанность осуществления уголовного преследования

1. Прокурор, следователь, дознаватель обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в отношении конкретного лица в каждом случае обнаружения события преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лица, его совершившего, и при наличии достаточных доказательств передать материалы дела на разрешение суда.

5. Уточнить название редакции ст.29 УПК РТ и изложить ее в следующей редакции:

Статья 29 Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием

<...>

6. ч. 1 ст. 36 УПК РТ изложить в следующей редакции:

Статья 36. Прокурор

1. Прокурор является государственным должностным лицом, в пределах своей компетенции осуществляющий надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, уголовное преследование в досудебных стадиях, а также поддержание государственного обвинения от имени государства на судебных стадиях уголовного судопроизводства в соответствии с положениями настоящего Кодекса.

<...>

7. Изложить в новой редакции п.2 ст.6; ч.1 ст.43 УПК РТ:

<...>

2) *Частным обвинителем* является лицо, подавшее в суд заявление о возбуждении уголовного дела частного обвинения, которое принято судом, и которое поддерживает обвинение в суде в случае отказа государственного обвинителя от обвинения;

<...>

Статья 43. Частный обвинитель

1. Частным обвинителем является лицо, подавшее в суд заявление о возбуждении уголовного дела частного обвинения в отношении конкретного лица, принятое судом к производству, и которое поддерживает обвинение в суде в случае отказа государственного обвинителя от обвинения.

<...>

8. Дополнить ст.140 УПК РТ новой – 2 частью:

«Дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления».

и изложить ее в следующей редакции:

<...>

2. Дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления».

9. п. 3 ч. 6 ст. 145 УПК РТ после слов «... по подследственности ...» добавить предложение *«в соответствии со статьей 161 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 24 настоящего Кодекса»* и изложить ее в следующей редакции:

<...>

- о передаче заявления, сообщения по подследственности соответствии со статьей 161 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 24 настоящего Кодекса.

<...>

Статья 2. Настоящий закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

**Президент
Республики Таджикистан**

Э. Рахмон

Федеральный закон Российской Федерации
«О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс
Российской Федерации»

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 52, ст. 4921; 2002, № 22, ст. 2027; № 30, ст. 3020; № 30, ст. 3029; № 44, ст. 4298; 2003, № 27, ст. 2700; № 27, ст. 2706; № 50, ст. 4847; 2004, № 27, ст. 2711; 2005, № 1, ст. 13; 2006, № 28, ст. 2975; № 28, ст. 2976; № 31, ст. 3452; 2007, № 1, ст. 46; № 24, ст. 2833; 2007, № 24, ст. 2830; № 50, ст. 6236; 2008, № 49, ст. 5724; 2011, № 1, ст. 16, 45; 2013, № 9, ст. 875) следующие изменения:

1) пункт 46 статьи 5 после слов "сторона защиты " дополнить словом "подозреваемый" и изложить в следующей редакции:

46) сторона защиты – подозреваемый, обвиняемый, а также его законный представитель, защитник гражданский ответчик, его законный представитель и представитель;

2) в статье 22 после слов "потерпевший, его законный представитель, и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании" дополнить словом "подозреваемого" и изложить ее в следующей редакции:

Статья 22. Право потерпевшего на участие в уголовном преследовании

Потерпевший, его законный представитель, и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании подозреваемого, обвиняемого, а по уголовным делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение в порядке, установленном настоящим Кодексом.

3) в части первой статьи 318 УПК РФ после слов "законным представителем" дополнить словами "или представителем" и изложить ее в редакции:

Статья 318. Возбуждение уголовного дела частного обвинения

1. Уголовные дела о преступлениях, указанных в части второй статьи 20 настоящего Кодекса, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим, его законным представителем или представителем заявления в суд, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 части первой и частью четвертой статьи 147 настоящего Кодекса.

Статья 2. Настоящий закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации

В. В. Путин

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВКА
по результатам изучения архивных уголовных дел и материалов
об отказе в возбуждении уголовных дел, а также исследование проблем функции
уголовного преследования в досудебном производстве

Изучение архивных уголовных дел и отказных материалов, а также исследование проблем реализации уголовного преследования в досудебном производстве объясняется тем, что именно на этих стадиях в основном выполняется большой объем работы по изобличению лиц, совершивших преступления.

Диссертантом (по специально разработанным анкетам) с учетом рассматриваемых в диссертационном исследовании вопросов были изучены 250 оконченных расследованием уголовных дел в период с 2006 по 2012 годам по всей территории Республики Таджикистан. Из них 125 уголовных дел публичного обвинения (50 %), 77 уголовных дел частно-публичного обвинения (30,8 %) и 48 уголовных дел частного обвинения (19,2 %). Изучено также 145 материалов об отказе в возбуждении уголовных дел, по результатам которых следователями соответствующих органов внутренних дел г. Душанбе за 2006–2012 гг. отказано в возбуждении уголовных дел.

Кроме того, теоретические положения и выводы основаны на результатах изучения обзоров, аналитических обобщений следственной, прокурорской и судебной практики по уголовным делам анализируемой категории и статистических данных ГИАЦ МВД РФ.

Согласно изученным 145 отказным материалам и 125 уголовным делам публичного обвинения, 77 делам частно-публичного обвинения и 48 уголовным делам частного обвинения, которые непосредственно связаны с реализацией функции уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, наиболее часто встречалось грубое расхождение, нечеткое изложение в постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела, о привлечении к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, обстоятельств совершения преступления, вменяемого в вину обвиняемому или неустановленным лицам (неуказание времени, места, способа, мотива, целей его совершения), и несоответствие при составлении обвинительного заключения в каждом третьем изученном уголовном деле.

Чуть ли не в каждом изученном архивном уголовном деле после вынесения обвинительного приговора (в каждом втором изученном архивном уголовном деле) судьи выносят частные определения, где указываются все несоответствия и недостатки в процессе производства по уголовному делу. Частично в ключевых документах (постановление о возбуждении уголовного дела, привлечение лица к уголовной ответственности, составление и утверждение обвинительного заключения)

обвинительный уклон превышен до абсолютного максимума, и судьи требуют в своих частных определениях от должностных лиц органов прокуратуры и органов внутренних дел (в основном следователей и прокуроров) устранять подобного рода недостатки и злоупотребления в следственной практике.

Данные частные определения судей остаются без исполнения, так как по результатам и процессуальным документам, находящимся в архивных уголовных делах, отсутствуют сведения об исполнении данного определения или о принятых соответствующих мерах.

В большинстве отказных материалов (92 %) своевременно не были приняты меры по задержанию лиц, совершивших преступления, не все свидетели были допрошены, необходимые следственные и иные процессуальные действия не были вовремя проведены, были допущены грубейшие нарушения процессуальных сроков, недостаточно были аргументированы процессуальные решения. Все изложенные процессуальные ошибки в основном выявлялись со стороны соответствующих прокуроров, которые неоднократно своими постановлениями возбуждали производством доследственную проверку, указывали на допущенные ошибки, рекомендовали провести дополнительно еще несколько следственных действий для раскрытия совершенного преступления.

Также в изученных архивных уголовных делах часто встречаются злоупотребления должностных лиц в части прекращения уголовных дел. Необходимо указать на ч. 3 ст. 20 УПК РФ, ч. 2 ст. 24 УПК Республики Таджикистан, где перечислены преступления, где уголовные дела считаются делами частного-публичного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением случаев, предусмотренных ст. 25 УПК Российской Федерации и ст. 30 УПК Республики Таджикистан. В соответствии со ст. 25 УПК Российской Федерации и ст. 30 УПК Республики Таджикистан прекращение уголовного дела является правом, а не обязанностью должностных лиц органов уголовного преследования, как это имеет место по уголовным делам частного обвинения. В данном случае во многих ситуациях следователи и прокуроры решают такие дела только по своему усмотрению, что часто приводит к грубым нарушениям конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Следует отметить, что основная проблема заключается в том, что потерпевшие далеко не всегда могут своевременно распорядиться имеющимся у них правом. Некоторые же преступления относятся к категории тяжких (изнасилование без отягчающих обстоятельств – ч. 1 ст. 131 УК Российской Федерации, ч. 1 ст. 138 УК

Республики Таджикистан, насильственные действия сексуального характера – ч. 1 ст. 132 УК Российской Федерации). В ч. 3 ст. 20 УПК Российской Федерации, ч. 3 ст. 24 УПК Республики Таджикистан делаются ссылки на ст. 25 УПК Российской Федерации и ст. 30 УПК Республики Таджикистан, где уголовные дела прекращаются по усмотрению суда, судьи, прокурора, следователя с разрешения руководителя следственного органа, следователя и дознавателя с согласия прокурора, если эти уголовные дела небольшой или средней тяжести соответственно.

В связи с этим на практике возникают остроконфликтные ситуации, когда после возбуждения уголовного дела потерпевший отказывается от ранее сделанного заявления, зачастую дает ложные показания, выгораживая подозреваемого или обвиняемого, иным образом препятствует установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию. Более того, в данном случае уголовное преследование по желанию потерпевшего не может быть прекращено, и в любом случае (при доказанности обвинения) уголовное дело направляется в суд для рассмотрения и разрешения по существу.

Для заметок

Для заметок

**УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Р.Р. Юлдошев

Монография

Лицензия ЛР № 066272 от 14 января 1999 г.
Сдано в набор **29.03.2014**. Подписано в печать **28.05.2014**
Формат 60X88/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,5
Тираж **3000 экз.** (1-й завод – 1000 экз.) Заказ **№ 111**

ООО Издательство «Юрлитинформ»
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6

Отпечатано в типографии ООО «Галлея – Принт»
111024, г. Москва, ул. 5-я Кабельная, д. 2Б
[http:// galleyaprint.ru](http://galleyaprint.ru)